

露一滴に宿る世界

春夏

АЗБУКА

Санкт-Петербург

МИР
В
КАПЛЕ
РОСЫ

*Весна
Лето*

ХАЙКУ
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5
М 63

Перевод с японского, статья и примечания
Александра Долина

Составитель Александр Долин

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении книги, помимо классической японской живописи,
использованы иллюстрации Олега Усова,
а также каллиграфические работы Станислава Усова

Книга рекомендована к печати Ученым советом факультета МЭиМП
Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики

М 63 **Мир** в капле росы. Весна. Лето. Хайку на все времена / пер.
с яп. А. Долина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. : ил.
ISBN 978-5-389-25010-9

Утонченная и немногословная японская поэзия хайку всегда была отражением мира природы, воплощенного в бесконечной смене времен года. Человек, живущий обыденной жизнью, чьи пять чувств настроены на постоянное восприятие красоты земли и неба, цветов и трав, песен цикад и солнечного тепла, — вот лирический герой жанра, объединяющего поэзию, живопись и каллиграфию. Авторы хайку создали своего рода поэтический календарь, в котором отводилось место для разнообразных растений и животных, насекомых, птиц и рыб, для бытовых зарисовок и праздников.

Настоящее уникальное издание предлагает читателю взглянуть на мир природы сквозь призму японских трехстиший. Книга охватывает первые два сезона в году — весну и лето — и содержит более полутора тысяч хайку прославленных классиков жанра в переводе известного востоковеда Александра Аркадьевича Долина. В оформлении использованы многочисленные гравюры и рисунки средневековых японских авторов, а также картины известного современного мастера японской живописи в стиле суми-э Олега Усова. Сборник дополнен каллиграфическими работами Станислава Усова.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-5

© А. А. Долин, состав, перевод, статья,
примечания, 2024
© О. Б. Усов, иллюстрации, 2024
© С. О. Усов, иллюстрации, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25010-9

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ БРЕННОГО МИРА

XVI век в истории Японии известен как «эпоха враждующих провинций». Страну раздирали феодальные распри: горели замки, гибли самурайские кланы, могущественные полководцы ожесточенно сражались за пост верховного правителя. Лишь после того, как Токугава Иэясу одолел своих соперников и установил на два с половиной столетия господство сёгуната Токугава, в стране наступил мир и начался стабильный экономический рост.

Токугава Иэясу пресек контакты с европейцами, изгнав португальских и испанских миссионеров, наложил запрет на христианство, занялся пропагандой старых добрых конфуцианских этических норм и буддийского благочестия, а также строжайшими указами запретил контакты с внешним миром, провозгласив Японию «закрытой страной».

Все эти противоречивые меры неожиданно привели к небывалому расцвету культуры и искусств в изолированной от всего мира островной империи. Не случайно период Токугава (1603–1867) называют «японским Возрождением». Правящим сословием номинально оставались самураи. Их привилегии были закреплены законом и зафиксированы в жестких регламентациях по части права на ношение оружия, на особый фасон и цвета одежды, стили причесок и многое другое. Из населения страны в тридцать миллионов душ самураи и их

семьи составляли всего лишь десятую часть. Следующим по значимости из четырех сословий было крестьянство, составлявшее три четверти населения. Далее шли ремесленники и купцы, на чью долю приходилось не более восьми процентов. Кроме того, около двух процентов занимали представители духовенства. Существовали еще лица неопределенного рода занятий (например, актеры кабуки или обитательницы «веселых кварталов») и каста неприкасаемых (*эта*). До XVII века носителями и создателями культуры оставались в основном духовенство, самурайская элита и немногочисленные вельможи императорского двора.

Рядовым самураям и горожанам в эпоху смут приходилось довольствоваться азами грамотности. Однако с наступлением прочного мира третье и четвертое сословия (ремесленники и купечество) вышли на авансцену, в кратчайший срок создали в феодальной стране структуру зрелого капитализма и стали *de facto* движущей силой исторического процесса. Эти перемены решающим образом изменили вектор развития японской цивилизации.

Хотя горожане отдавали должное высокой культуре самурайства и с пиететом относились к классическому наследию древности, их вкусы радикально отличались как от вкусов воинского сословия, так и от вкусов рафинированной аристократии. Именно в этот период из сплава синтоизма, дзэн-буддизма и неоконфуцианства рождается и достигает высочайшего развития культура больших городов, созданная стараниями купцов, ремесленников, самураев и многочисленного могущественного духовенства: драмы Тикамацу Мондзаэмона для театров кабуки и дзёрури, новеллы Ихара Сайкаку, приключенческие романы Бакина, поэзия *хайку* Басё, Бусона, Исса, гравюра Хокусая, Хиросигэ, Сяраку, Тоёкуни и Утамаро. Пышным цветом расцветают в городах ремесла. В быт входят керамика и фарфор, златотканая парча, драгоценное оружие, изысканная утварь и предметы дамского туалета.

Повсюду открываются школы: *сэнрю* и *кёка*, икебаны и чайной церемонии, игры на флейте-*сякухати*, на цитре-*кото* и на лютне-*сямисэне*, школы стихосложения, танца и песни. Их дополняют сотни школ воинских искусств — фехтования, стрельбы из лука, борьбы, — сосредоточивших в себе мудрость вековых традиций. Широчайшее распространение получает дзэнская эстетика в сфере *хайку* и обновлен-

ной *вака*¹, чайной церемонии, садово-паркового искусства, живописи и рисунка тушью.

В эстетике эпохи Эдо блеск и величие прошлого сочетаются с некротимой жадой новизны. Новая гуманистическая философия пронизывает все сферы жизни. Концепция «бренного мира как обители наслаждений» заметно теснит старую буддийскую концепцию «мира как юдоли скорбей». Ее влияние явственно ощущается и в смене литературных ориентиров.

Важнейшей предпосылкой «культурной революции» в период Токугава стала радикальная реформа книгопечатания. Начиная с эпохи Нара в Японии выходили в печатном варианте в основном только буддийские сутры и прочая духовная литература. Поэзию и прозу принято было переписывать в свитках от руки по соображениям эстетического характера. В 1693 году в дар императору от самурайских военачальников, предпринявших поход на Корею, был прислан печатный станок с подвижными металлическими литерами. Заменив литеры на деревянные, японцы наладили свое производство печатных станков и приступили к массовому выпуску книжной продукции.

Уже в XVII веке уровень грамотности по стране и особенно в больших городах достиг небывалых высот. Подавляющее большинство городского населения не только умело читать и писать (используя сложную скоропись и кодированную азбуку *хэнтайгана*), но также свободно ориентировалось в классической и современной литературе. Большие издательские дома (например, Цутая) и мелкие частные издательства стремились обеспечить читателя литературой на любой вкус. На книжном рынке появились сборники фольклорных рассказов и притч, плутовские романы, новеллы из жизни самурайства, духовенства и купечества, эротические новеллы, сатирические повести и полноформатные пародии на шедевры классического периода. Высокая классика также бесконечно издавалась и переиздавалась, давая современным острякам пищу для бесчисленных пародий.

¹ *Вака* (букв. «японская песня») — название классического направления китайской лирики в противоположность поэзии на китайском (*си*). По формальным признакам *вака* разделялись на короткие песни *танка* и длинные *тёка*. Встречались также промежуточные формы, например шестистишия *сэдока*, однако к периоду позднего Средневековья понятие *вака* закрепилось преимущественно за *танка*.

Так, рядом с классическим хэйанским памятником «Повести из Исэ» («Исэ моногатари») появляется пародийный парафраз «Фальшивые повести» («Нисэ моногатари»), рядом с «Повестью о Гэндзи» Мурасаки Сикибу — пародия «Собачья Мурасаки, деревенский Гэндзи» («Ину Мурасаки, инака Гэндзи»). Пародируются и бессмертные шедевры из классических антологий *вака*. Книжная культура становится неотъемлемой частью повседневной жизни горожан.

Театры кабуки и дзёрури (бунраку) с их репертуаром более 200 пьес превращаются в любимое народное зрелище. Актеры кабуки, несмотря на низкий социальный статус, остаются кумирами публики. В искусстве «бренного мира» *укиё* высокая культура японского Средневековья входит в тесное соприкосновение с карнавальная культурой всеобщего осмеяния, пародирования и переосмысления в сатирическом контексте.

Совершенствование ксилографической техники привело к развитию жанра живописи и гравюры *укиё-э*. Крупнейшие художники — Утамаро, Хиросигэ, Тоёкуни, Хокусай и другие — работают в этом жанре, создавая тысячи картин. Почти все книги выходят с многочисленными иллюстрациями замечательных живописцев. В быт зажиточных горожан входят изысканные украшения и утварь, предметы роскоши, произведения искусства, ландшафтные сады, дома для чайной церемонии.

Эстетическое мирозерцание перемещается из элитарных кругов высокообразованного самурайства и духовенства в широкий круг недурно образованных и начитанных горожан. Труд писателя, поэта, драматурга становится не только эстетическим хобби, но и прибыльной профессией, которой можно заработать на жизнь, причем словесная принадлежность литератора в скованной социальными ограничениями стране более не заботит ни издателя, ни читателя, ни соотечественников по цеху.

Огромные тиражи книг приносят доходы издателям и авторам. Растет число платных поэтических школ и открытых лекториев по литературе. Поэзия из цехового и сословного искусства превращается — в некоторых своих жанрах — во всенародное развлечение и увлечение, эстетическое хобби десятков тысяч образованных людей, вид приятного времяпрепровождения в компании коллег и единомышленников. И тогда на передний план выходит самый массовый, но

в то же время самый утонченный жанр лирической миниатюры, исполненный философской созерцательности, неподдельной доброты, романтического пафоса и мягкого юмора — *хайку*.

По сути дела, в силу огромной всенародной популярности и отлаженной инфраструктуры (дешевое массовое многотиражное книгопечатание, всеобщая литературная грамотность интеллигенции, отличное почтовое сообщение и распространенная практика поэтических странствий) *хайку* стали прообразом современной социальной сети, причем не только на синхронном, но и на диахронном уровне, поскольку необходимой составляющей являлась также переключка с предшественниками. Тысячи сочинителей и читателей *хайку* из разных городов, сплотив по интересам профессионалов и любителей, создали на базе поэтических школ гигантскую всеяпонскую литературную среду, в которой на протяжении веков шел свободный обмен стихами, критическими очерками и эссе. Сегодня та же, но уже глобальная социальная сеть с довольно незначительными модификациями продолжает существовать в интернете, как и в современной печати.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К КРАТЧАЙШЕЙ ФОРМЕ

«*Хайку* — поэзия природы», — говорят одни. «*Хайку* — поэзия настроения», — утверждают другие. «*Хайку* — поэзия сокровенного чувства», — дополняют третьи. Но в действительности никто до конца не знает и не может знать, в чем секрет обаяния *хайку* — этих поэтических «волшебных картинок», которые оживают, соприкоснувшись с воображением читателя, как оживают, играя красками под влажной кистью, до поры бесцветные и невзрачные рисунки в детском альбоме.

Истоки поэзии *хайку* следует искать в разделах «несерьезных стихов» *хайкай*¹ классических антологий *вака*, начиная с «Собрания старых и новых песен Японии» X века («Кокинсю»). В этих странных «свитках», похожих скорее на приложения к основному корпусу памятника, были представлены стихотворения в форме *танка*, не соот-

¹ *Хайкай* — стиль поэзии и прозы в эпоху Эдо, характеризующийся лаконизмом и емкостью образа.

ветствующие требованиям канона «чистой» лирики, — шуточные миниатюры, пародии, каламбуры. В XIV–XV веках, с развитием жанра «нанизанных строф» *фэнга*, требовавшего участия нескольких авторов в составлении одного стихотворения, вводная часть пятистишия *хокку* из трех строк с силлабическим рисунком 5–7–5 слогов стала отделяться от заключительных двух стихов (7–7 слогов), претендуя на самостоятельное существование. Вплоть до Нового времени все четыре термина — *хокку*, *хайку*, *ку* и *хайкай* употреблялись в работах поэтов и теоретиков *хайку*, что привело к некоторой контаминации их значений.

Со временем неопределенное понятие *хайкай*, означавшее нечто вроде «юмористической смеси», постепенно оформилось в независимый поэтический жанр *хайку*, чья связь с *танка* и *фэнга* уже не бросалась в глаза, хотя о создании серьезной лирики в этом жанре никто еще не задумывался. В дальнейшем к *хайкай* добавилась также проза *хайбун*, отличавшаяся лаконизмом и суггестивностью образов, а также специфический стиль рисования тушью *хайга*. К *хайбуну*, в частности, относятся разнообразные скетчи, предисловия к сборникам, заметки о жизни и поэзии, а также хроники и путевые дневники, которые вели многие поэты *хайку* в своих странствиях, считавшихся неотъемлемым атрибутом биографии настоящего *хайдзина*. Со временем *хайку* из дневников обрели право на независимое существование, как это произошло, например, с шедеврами Басё. Все виды *хайкай* заняли почетное место в ряду так называемых дзэнских искусств. Однако применительно к поэзии с конца XIX века преимущественно употребляется понятие *хайку* — буквально трехстишие из семнадцати слогов (5–7–5) в стиле *хайкай*, хотя в работах японских теоретиков жанра нередко фигурирует просто *ку*. Хотя с точки зрения ритмики *хайку* представляет собой трехстишие, в оригинале записывалось оно всегда в одну (разумеется, вертикальную) строку. Тем не менее в европейских переводах укоренилось трехстрочное написание.

Как и в средневековой классической поэзии *вака*, в *танка*, за редчайшим исключением, используются только слова собственно японского слоя лексики (*ваго*), а десятки тысяч китаизированных слов в иероглифических сочетаниях (*канго*) служить материалом стихотворения не могут.

Несмотря на то что в *хайку*, как и во всех прочих жанрах японской поэзии, нет концевой рифмы, действующий в японском языке

«закон открытых слогов» обеспечивает благозвучность и мелодичность звучания строфы за счет обилия гласных. При этом включаются всевозможные механизмы инструментовки стиха: внутренняя рифма, аллитерации, ассонансы и сам эффект неизменной силлабической просодии, поэтического метра 5–7–5. Все это и превращает *хайку* из прозаического словесного скетча в стихотворение.

* * *

Пионером поэзии *хайкай*, кстати впервые введшим в оборот сам термин *хайку*, был Мацунага Тэйтоку (1571–1653). Он не только создал собственную школу *хайку* с детально разработанными правилами и рекомендациями, но и сумел привить обывателю вкус к новинке. Уже в 30-е годы XVII века Тэйтоку с удовлетворением писал:

Кажется, сегодня стар и млад, в столице и в провинции — все ищут утешения в сем искусстве. *Хайку* тоже, в сущности, разновидность японской песни *вака*, и потому к ним не следует относиться с презрением... В наши нерадостные времена, когда пришло в упадок учение Будды, достоинства *хайку*, пожалуй, даже превосходят достоинства *танка*.

Сам Тэйтоку, создавший много тысяч *хайку* и исписавший горы бумаги в попытках обосновать поэтику нового жанра, снискав славу первопроходца, так и не добился признания потомков ни в качестве настоящего поэта, ни в качестве ценного теоретика. К концу жизни он подытожил свои усилия в большом трактате, который содержал удручающе нудные наставления и ограничения для поэтов *хайку* по части словоупотребления. Хотя Тэйтоку и не справился с задачей превращения литературной забавы в высокое искусство, его начинания не пропали даром. Бесчисленные ученики и последователи мастера обессмертили его имя количеством, выпустив около двухсот пятидесяти коллективных антологий *хайку* школы Тэймон.

Со смертью Тэйтоку среди его многочисленных «наследников» разгорелась упорная борьба за первенство, которая привела к скорой деградации зыбких основ «серьезных» *хайку*. После нескольких лет хаоса в поэтическом мире возобладали комическая школа Данрин, детище Нисияма Соина (1605–1682). Школа эта быстро завоевала популярность среди осакского купечества благодаря своей ориги-

нальности, относительной доступности и неистощимому остроумию. Основу успеха составляли парафразы известных тем из пьес театра но, аллюзии на злободневные события в городе и пародии на общеизвестные шедевры старинной классической лирики. Так, например, Соин спародировал знаменитую *танка* Сайгё (XII в.) из антологии «Новое собрание старых и новых песен Японии»:

Чем дольше люблюсь,
тем сердцу милее они,
цветущие вишни!
Но вот опадают цветы,
печалью меня одарив...

В интерпретации Соина тема принимает неожиданный оборот:

Вот уж вдоволь-то
насмотрелся на цветы —
шеи не согнуть!

Мастерство пересмешника Соин ценил превыше всего: «Искусство *хайкай* ставит неистинность прежде истинности. *Хайкай* — всего лишь пародия в сравнении с *вака*... Самое лучшее — писать то, что тебе больше нравится. Это шутка, которая рождается из фантазии». Пикантные намеки на чьи-то похождения и знаменательные события, уснащенные двусмысленными каламбурами и приправленные литературными реминисценциями, настолько импонировали вкусам образованного обывателя, что вскоре число приверженцев школы Данрин уже измерялось многими тысячами. Наиболее легковесные опусы в форме *хайку*, то есть в размере 5–7–5 слогов, получили название *данпай* — *хайку* о всякой всячине. Центрами ранней поэзии *хайку* были в основном Осака и Киото, но вскоре увлечение *хайку* охватило и Восточную столицу Эдо, достигнув самых отдаленных провинций на юге и на севере страны. Стиль Данрин, воцарившийся в литературном мире почти на десять лет начиная с 1675 года, хотя и не породил подлинных художественных ценностей, сыграл важную роль в подготовке вкуса читателей (и сочинителей) к восприятию эстетики *хайкай*, пусть даже в ее примитивном варианте.

Кружки любителей *хайку*, местами перераставшие в школы, в недалеком будущем должны были составить аудиторию для трехстиший иного рода. Тот же Соин, носивший сан дзэнского священника,

уже пытался внести в поэтику *хайку* медитативную ноту. Среди его легковесных развлекательных стихшков порой встречаются вполне серьезные наблюдения и раздумья. Не случайно Басё как-то заметил: «Если бы до нас не было Соина, мы бы и сейчас в *хайкай* подбирали объедки со стола старика Тэйтоку».

В школе Данрин сезонное деление сборников и употребление «сезонных слов» не являлись нормой, хотя роль времен года как организующего принципа поэтики постепенно возрастала. Это было связано с необходимостью как-то упорядочить тематику *хайку* и внести в них элементарную естественную рубрикацию. Однако игровая стихия Данрин, как и любых других шуточных миниатюр, не благоприятствовала сезонному восприятию окружающего мира, поскольку комические сюжеты совершенно не требуют привязки ко времени года. И все же обойтись совсем без сезонных образов поэта Данрин, разумеется, не могли. По мере вызревания философских основ *хайку* укреплялась сезонная основа жанра. Ее становлению способствовала многовековая сезонная эстетика поэзии *вака* (пятистишия *танка* и сцепленные строфы *рёнга*), а также побочная ветвь *хайкай*, унаследованная от поэзии *рёнга* — стихи-цепочки *рёнку*, как серьезные, так и шуточные.

В семидесятые годы ученик Соина, а впоследствии прославленный новеллист Ихара Сайкаку привлек внимание публики своими эксцентричными экспериментами. Он сплотил вокруг себя около двухсот «неортодоксальных» поэтов *хайку*, завоевав авторитет плетением бесконечных гирлянд «нанизанных строф» *хайкай*. Сайкаку был непревзойденным мастером поэтического экспромта и постоянным чемпионом состязаний на быстроту сложения *хайку* — *якадзу* («метание стрел»). Начал он свои достижения с того, что сочинил за десять часов тысячу строф, успев собственноручно их записать. Последний абсолютный рекорд был поставлен на турнире 1684 года в осакском храме Сумиёси, где Сайкаку, согласно явно недостоверной легенде, надиктовал за сутки 23 500 *хайку*.

Для сравнения стоит заметить, что Басё за всю жизнь сочинил чуть более полутора тысяч трехстиший. Скоростной метод, разумеется, не оставлял места для литературных красот. Залогом успеха служило соблюдение метрических правил при оформлении любого пришедшего на ум образа — то есть способность полностью перестроиться на видение мира под углом *хайкай* и мышление в образных

рамках *хайкай*. Правда, подобное версифицирование само по себе особой ценности не представляло, но оно оттачивало поэтический инструментарий и формировало критерии оценки, столь необходимые для кристаллизации высокой лирики в этом жанре.

Хотя начало восьмидесятых годов XVII века уже ознаменовано вступлением Басё в большую литературу, было бы неправомерно приписывать ему и только ему все заслуги по реформации жанра *хайку*. Очевидно, проблема перевода *хайкай* в категорию высокой лирики была настолько актуальна, что к этому одновременно стремились Ямагути Содо, Ито Синтоку, Кониси Райдзан, Уэдзима Оницура и многие другие талантливые поэты, сумевшие преодолеть барьер «развлекательности».

Вот оно, от чего
все на свете берет начало, —
простая жаровня!..

Уэдзима Оницура

Многие из них были лично едва знакомы с Басё или вообще с ним не знакомы, как Оницура. Иные, наоборот, состояли со Старцем в тесной дружбе и даже оказывали непосредственное влияние на формирование индивидуального стиля Басё — *сёфу*, — как Синтоку. Некоторые предвосхитили открытия Басё в области эстетики *хайкай*, хотя и не сумели подняться до должного уровня обобщения. Так, Оницура выдвинул требование предельной искренности (*макото*), утверждая, что *хайку* без *макото* нежизнеспособны. Гонсуй и Райдзан упорно настаивали на тщательности и корректности в отборе лексики, на недопустимости вульгаризмов. Так или иначе, знакомясь друг с другом по публикациям, все вместе эти авторы создавали питательную среду для произрастания принципиально нового стиха — поэзии искреннего чувства и глубокой мысли.

ХАЙКАЙ КАК КОМПЛЕКС ИСКУССТВ

В отличие от многих его современников, Басё полагал, что эстетика *хайкай* отнюдь не ограничивается принципами сложения трехстиший-*хайку*. Все жанры его творчества — «нанизанные строфы» — *рэнку*, шуточные стихи-цепочки *хайкай-но фэнга*, рисунки-*хайга*, днев-

никовая проза — *хайбун* с вкрапленными стихами, наставления, письма, предисловия к антологиям, критические оценки, запечатленные учениками в виде бесед с Учителем, или вольные эссе и, в известном смысле, даже собственная биография — созданы в заданных им же параметрах новой эстетики, которая трудами его последователей успешно пережила три столетия. Все эти жанры *хайкай* нашли свою нишу в литературе эпохи Эдо.

Однако, кроме комплекса искусств из области *хайкай*, поэзия *хайку* достаточно тесно соотносилась и с рядом других дзэнских искусств, популярных как в эпоху позднего Средневековья, так и в Новое время. Это в первую очередь все занятия, призванные скрашивать досуг поэта: каллиграфия, монохромная и цветная живопись сумиэ, китайская классическая поэзия, икебана, садово-парковый дизайн, чайная церемония, составившие целый список тем, которым посвящены бесчисленные стихотворения *хайку*.

Басё развил и приумножил традиции истинного демократизма в мире *хайку*, объединив в служении общему делу аристократов, воинов, купцов, ремесленников и представителей вольных профессий. Положение и репутация в этом кругу определялись не родовитостью, не богатством и даже не нравственной чистотой, а преимущественно талантом. Редчайший случай для Японии периода Токугава, когда все общество зиждилось на сословной иерархии и знатный самурай считал для себя зазорным якшаться с простолюдином. Кёрай, враждавший в кругах придворной знати, дружил с обедневшим врачом Бонтё, который даже угодил в тюрьму за контрабанду. Выйдя на свободу, Бонтё был снова принят в компанию поэтов, как и нищий попрошайка Роцу. Знатное происхождение не спасало поэта от суровой критики и не давало ровным счетом никаких привилегий.

Благородство сформулированных Басё принципов накладывало отпечаток строгой изысканности на поэзию его учеников, поднимая этих людей, столь разных по происхождению, взглядам и занятиям, над мирской суетой и скверной. Как бы прозаичны и низменны ни были порой темы стихов, сами *хайку* всегда отражают завещанный Басё мудрый, жизнеутверждающий взгляд на этот мир. Неудивительно, что ученики и последователи старались придерживаться созерцательной философии жизни, подражать дзэнскому идеалу поэта-ски-тальца, явленному в личности Басё, и развивать стиль его поэзии *сёфу*,

надолго определивший пути развития *хайку*. Тем самым они обозначали альтернативу «барочной» эстетике брэнного мира *укиё*, столь высоко ценившей плотские наслаждения, женскую красоту, изящество интерьеров, пышность одежд и причесок, утонченность манер, изысканность посуды и обилие дорогих украшений. Вся традиционная, существовавшая ранее на протяжении многих веков эстетика дзэн-буддизма с ее приглушенной тональностью, неброскостью, сдержанностью изобразительных средств, столь типичная для поэзии *хайку*, становится в эпоху Эдо неприметной оборотной стороной карнавальной культуры *укиё*, выдвинувшей на передний план, казалось бы, совсем другие идеалы.

В философии и эстетике дзэн конечной целью любого вида духовной деятельности является достижение состояния отрешенности (*мусин*), полного растворения собственного эго во вселенской Пустоте (*кёму*) и слияние с изображаемым объектом в метафизическом трансцендентальном озарении (*сатори*). Однако сатори в дзэн, в отличие от других школ буддизма, не ведет к полному отрешению от мира и постепенному переходу в нирвану. Цель духовного радения в постижении истинного смысла жизни, своего места в жизни и наилучшего способа соответствия своему предназначению.

Средством же достижения подобной цели служит недеяние (*муи*), то есть невмешательство в естественный ход событий, умение адаптироваться к переменам. Путем такой адаптации и одновременно путем слияния с абсолютом в учении дзэн может служить любой вид искусства и даже ремесла, возведенного в ранг искусства, если человек находит в нем свое призвание и стремится к постоянному самосовершенствованию. Единственная задача поэта и художника — уловить ритм вселенских метаморфоз, настроиться на их волну и отразить в своем творении, оставаясь лишь медиатором высшего космического разума. Чем точнее передано то или иное действие, состояние, качество предмета при помощи минимального количества средств, тем удачнее, живее образ. Такова поэтика суггестивности.

Для западного художника важна прежде всего креативная сторона творческого акта: создание собственного оригинального произведения искусства, отмеченного неповторимой авторской индивидуальностью и новизной. Каждый «большой стиль» в западном искусстве — классицизм, романтизм, модернизм, постмодернизм — отрицает предыдущий. Между тем для японского художника на передний план

выступает рефлексивная сторона творчества. Рефлексия как отражение и одновременно размышление, в первую очередь на материале классического наследия прошлого, составляет стержень такого творческого метода, лежащего в основе традиционной поэтики *танка* и, разумеется, *хайку*. Уловить красоту, уже заложенную в природе и прежде тысячекратно воспроизведенную великими мастерами древности, явить образ из пустоты — чего еще требовать от поэта и художника? Не случайно в дзэнской живописи столь значительную роль играет пустое пространство, из которого проступают контуры предметов.

Нет сомнения, что на протяжении веков оба магистральных поэтических жанра не избежали влияния окружающей среды, что мироощущение поэтов формировалось под воздействием конкретного социума. Но тщетно будем мы искать в созерцательной лирике упоминание о конкретных исторических событиях и приметы времени. Зачастую пятистишие X века или трехстишие XVII века не отличить от их аналогов, сложенных в начале, а то и в середине XX века. Даже те поэты, которые использовали *хайку* для ведения своеобразного дневника, старались избегать любых описаний, связанных с суетной политической и социальной тематикой, или по крайней мере шифровали эти события с использованием традиционного условного кода. Вся эстетика *хайкай* глубоко чужда политике, идеологии, любым видам социальной регламентации и принуждения личности. Достойным фиксации считалось лишь «неизменное в преходящем» и «великое в малом», то есть явления, имеющие прямое отношение к жизни Природы, к бесконечным метаморфозам мироздания. При этом эстетическим идеалом, по крайней мере до Нового времени, для большинства авторов *хайку* служили древние антологии поэзии *вака* и стихи великих китайских поэтов.

Очевидно, внеисторичность классической поэтики, и в частности поэтики *хайку*, ее ориентированность на макрокосмические процессы, на сезонные циклы и заключенные в их рамки тематические разделы можно рассматривать как результат особого пути развития этой художественной традиции. Именно здесь нашли выражение религиозно-философские взгляды японцев, которые отнюдь не ограничивались учением дзэн, связав в единое целое анимистические представления синто о мирадах божеств-ками живой природы, даосское учение о таинстве вечных превращений, неразрывной триаде

Небо — Земля — Человек и великом Пути, о буддийском законе кармы, о перерождении душ и о заповеди сострадания ко всем живым существам. Концепция перерождения душ порождала сознание эфемерности и скоротечности земного бытия, влекла за собой идею ничтожности индивидуального, личностного начала в бесконечном потоке рождений и смертей. Однако именно эта ничтожность человека как одного из «малых сих» в брэнном мире порождает вселенскую эмпатию, удивительное чувство личной причастности ко всему сущему — от пения горной кукушки до пронзительного крика фазана, от цветения сакуры до слякоти на осеннем поле, от новорожденного олененка до умирающей зимней мухи.

Отсюда берет начало и присущая многим сочинителям *хайку* тонкая ирония в сочетании с неизменной самоиронией:

В лачуге моей
для гостя одна отрада —
комары малы...

Басё

Ну что ж, мои блохи,
Мацусиму вам покажу,
а потом всех вон!

Исса

В отличие от авторов сатирических трехстиший *сэнрю*, порой пропитанных ядовитым сарказмом, поэты *хайку* не позволяют себе ни оскорбительных намеков, ни издевки. Их дзэнский юмор — всего лишь мягкое подтрунивание над собой и другими представителями одушевленной природы, собратьями по планете — людьми, зверями, птицами, насекомыми.

Социальная тематика, как и политическая или идеологическая, в целом чужда поэтике *хайку*, но иногда социальная принадлежность протагонистов может служить дополнительным эмфатическим элементом в общей концепции человека как частицы мироздания:

Нищий бредет —
у него вместо летнего платья
земля и небо.

Кикаку

Если в *танка* классического периода тема любви звучала в полную силу и раздел «Песни любви» был обязательной частью больших антологий, то в *хайку* присутствует только тема дружбы. Эротическое начало отсутствует в сезонной лирике *хайку*, и любые эмоции, связанные с отношениями полов, фактически являются табуированной темой, хотя формального запрета мы нигде не найдем. Это тем более странно, что отцы-основатели жанра вообще отрицали какие бы то ни было тематические ограничения и запреты. Вероятно, корни столь странного табу следует искать в дзэн-буддийской ориентации всей поэзии *хайку*: ведь буддизм исключает плотскую и духовную любовь из списка добродетелей, причисляя ее к греховным соблазнам. Любовные грезы никак не соотносились с идеалом отрешенности от мира (*мусин*) и забвения собственной личности (*муга*). Предполагалось, что в любовном помрачении поэт никогда не сможет приблизиться к «истине красоты» (*фуга-но макото*), создать правдивую картину природы и заметить мельчайшую важную деталь повседневности.

Кроме того, надо иметь в виду, что вся «низменная тематика», включая любые эротические мотивы, в эстетике *укиё* была отдана на откуп «низким» комическим жанрам (шуточные, часто скабрёзные трехстишия *сэнрю* и *данпай*, комические пятистишия *кёка* и развлекательные стишки на китайском *кёси*, а в живописи — порногравюры *сюнга*), от которых серьёзные поэты *хайку* всячески дистанцировались.

Для поэта *хайку* характерна изначальная установка на создание «своего» неповторимого образа через тонкую нюансировку «извечной» канонической темы, продиктованной некогда самой природой основоположникам жанра. В конечном счете всё в природе, как и в человеческой жизни, лишь подтверждает принцип «постоянного в сменах», извечного повторения знакомых пейзажей, мотивов, поступков и эмоций в новых эпохах и новых поколениях. Не потому ли нас и сегодня пленяют строфы, сложенные много веков назад? Не следует сбрасывать со счетов и чрезвычайную медлительность самого течения истории в Средние века, где нравы и обычаи могли не меняться столетиями, как и кровная связь восточноазиатской эстетики с классическим наследием, задавшим некогда культурный код нации.

В антологиях *хайку* эпохи Эдо, как и в современных журналах *хайку*, стихотворения обычно сгруппированы по тематике, то есть от-

дельные авторы практически растворяются в общей массе бесконечно варьирующихся импровизаций на тему раннего снега или цветущей сливы, весенних заморозков, летнего зноя или алых кленовых листьев. Читатель же или поэтический арбитр вольны выбирать и сопоставлять сходные опусы, отталкиваясь от критериев в виде классических шедевров. Сами авторы тоже постоянно ощущали себя частью группы, коллектива единомышленников, вне которого их сочинения теряли ценность. Апофеозом унификации образной структуры *хайку* стало составление многотомных сезонных пособий-справочников. Однако стиль подлинного мастера для знатока и ценителя всегда отчетливо просматривается в деталях.

ПРИШЕСТВИЕ СТАРЦА

Золотой век *хайку* связан прежде всего с именами самого Мацуо Басё (1644–1694) и поэтов его школы, которые почти на три столетия заняли господствующие позиции в японской поэзии. Имя это (точнее, псевдоним) стало производным от названия Банановой обители (Басё-ан) — хижины на окраине Эдо в районе Фукагава, где поэт поселился в 1680 г. Басё, возможно, единственный из японских поэтов, который не нуждается на Западе в специальной рекомендации. Это имя действительно широко известно в Европе и Америке. Не является исключением и Россия, куда поэзия Басё впервые проникла полвека назад — правда, в довольно странной интерпретации. Как для самих японцев, так и для всей мировой цивилизации Басё в своем творчестве воплощает наиболее значимые отличительные особенности национальной художественной традиции: простоту и благородство духа при внешнем аскетизме, суггестивную глубину и философскую наполненность образа, дзэнское умение передать многое в немногом, великое в малом. Басё и сам отчетливо осознавал свое призвание художника, обеспечившее ему особое место в японской культуре. В своем дневнике странствий «Рукопись из заплечного короба» он писал:

В моей телесной оболочке обитает человеческое существо, которое назвал я как-то Фурабо — Священник Марля-на-ветру. В самом деле, вспомните, с какой легкостью ветер разрывает марлю. Существо это долгое время увлекалось сложением шу-

точных стихов и наконец решило посвятить им всю жизнь. Порой это занятие надоедало человеку, и он подумывал о том, чтобы все бросить, порой он делал большие успехи и мнил себя выше прочих поэтов. В сердце его зрело противоречие, и искусство лишило его покоя. Одно время человек хотел утвердиться на жизненном пути, но поэзия не позволила ему этого; одно время намеревался он заняться науками, дабы изгнать невежество из сердца, но по той же причине намерению его не суждено было осуществиться. В конце концов ему, неумелому и бесталанному, осталось в жизни одно — то, что присутствует в *вака* Сайгё, в *фэнга* Соги, в рисунках Сэссю, в чайной церемонии Рикю. Роднит все эти виды искусств следование природе и умение сдружиться с четырьмя временами года. Ничего другого не видит художник, кроме цветов, ни о чем ином не думает он, кроме луны. Если человек видит не цветы, а что-то иное, он подобен варвару. Если в глубине души помышляет он не о луне, значит он ничем не лучше птиц и зверей. Говорю вам, очиститесь от варварства, отриньте натуру птиц и зверей; следуйте Природе, вернитесь к ней!

Еще при жизни скромный «старец Басё» (вспомним, что прожил он всего пятьдесят лет, не достигнув, по современным понятиям, даже ранней старости) стал кумиром стихотворцев и любимцем читателей — всего образованного населения страны, которое насчитывало в ту пору несколько миллионов человек. В XIX веке Басё был официально канонизирован императорским указом, получив почетное звание «Божество летучих звуков». Кроме него, такой чести был удостоен лишь один бард, великий поэт VIII века Какиномото Хитомаро — если не считать Сугавара Митидзанэ, который еще в древности был объявлен божественным покровителем словесности и всех гуманитарных наук.

О жизни и творчестве Басё за последние триста лет написаны десятки книг и сотни, а возможно, и тысячи статей. Сам поэт оставил немало дневников и около ста семидесяти писем, которые позволяют восстановить в деталях, чуть ли не по дням, всю его биографию. Культ его достиг таких масштабов, что мельчайшие пометки, сделанные рукой Басё, рассматриваются как сокровища. Все его устные из

речения были записаны верными учениками и многократно прокомментированы адептами школы. Каждое его трехстишие обросло колоссальным научным аппаратом, что, впрочем, не снижает интереса к творчеству бессмертного классика в наши дни. Поистине, японские поэты, критики и литературоведы могли бы единогласно заявить: «Басё — это наше всё!» Авторитет прочих мастеров *хайку*, как бы он ни был высок, не идет ни в какое сравнение с мистическим почитанием Басё, выходящим за рамки рациональных объяснений и питающимся, безусловно, литературно-историческим мифом.

Жизнь Басё, проведенная в бедности, отрешении от мирских соблазнов, странствиях и неустанных литературных бдениях, послужила прекрасной основой для поэтической легенды об аскетичном Старце. Хотя Басё никогда не принимал пострига, все его деяния рассматривались как пример ревностного подвижничества во имя исполнения священной миссии по пропаганде *хайку*. Когда в тридцатых годах прошлого века было высказано предположение, что у Старца имелась внебрачная подруга (монахиня!), с которой он прижил нескольких детей, эта гипотеза вызвала фурор среди басёведов, заставив их по-иному взглянуть на некоторые страницы жизни Мастера, переоценить аллюзивный фон его стихов.

Как и вся творческая интеллигенция во времена японского Средневековья, Басё был билингвистичен и прекрасно знал не только китайскую поэзию, но и труды знаменитых философов, трактаты буддийских патриархов и труды дзэнских мастеров. Литературные пристрастия Басё, на которые впоследствии ориентировались почти все поэты *хайку*, не ограничивались традиционным комплектом конфуцианских сочинений и древнеяпонских антологий *вака* — «Собрание мириад листьев» («Манъёсю»), «Собрание старых и новых песен Японии» («Кокинсю») или «Новое собрание старых и новых песен Японии» («Синкокинсю»), входивших в программу классического образования. И атмосфера в семье, где отец зарабатывал на жизнь преподаванием каллиграфии, и занятия в замке Уэно с учителями юного князя Тодо, к которому он был приставлен в качестве пажа и напарника по учебе, — все это расширяло эрудицию будущего поэта, прививало ему вкус к словесности, воспитывало уважение к Знанию. Уроки Китамура Кигина, ученика Тэйтоку, преподававшего обоим подросткам принципы сложения *хайку*, навсегда остались для Басё важней-

шим пособием по поэтике, хотя его уникальный стиль, окончательно оформившийся лишь в зрелые годы, складывался из взаимодействия различных влияний. Здесь можно упомянуть философские трактаты великих даосских мыслителей Лао-цзы и Чжуан-цзы, поэзию Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ду Му, Ван Вэя и других китайских классиков эпохи Тан, а также сочинения даосского мыслителя и эссеиста XVII века Хун Цзычэна, в книге которого содержится фактически вся жизненная философия *хайку*. Разумеется в программу классического образования входили и творения замечательных стихотворцев японского Средневековья Сайгё (XII век) и Соги (XV век), и «Повесть о блистательном принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу, и лирические дневники придворных дам, а также эссе-*дзуйхицу* и другие произведения хэйанской прозы, самурайские эпопеи гунки и драмы театра но. В сферу его интересов входили имена авторов и названия произведений, отстоявших друг от друга на века, если не на тысячелетия. При тщательном рассмотрении в большинстве *хайку* Басё и многих его учеников можно выявить сложные литературные аллюзии и реминисценции, придающие поэзии глубокий дополнительный смысл — смысл, который остается недоступен современному неподготовленному читателю. Однако обилие аллюзий и скрытых цитат — отнюдь не главное в творчестве поэта, который любил повторять: «Не тщишь следовать по стопам древних — ищи то же самое, что искали они».

Углубленное изучение дзэнских трактатов и практики дзэн-буддизма под руководством монаха Бутё помогли Басё выработать особое мирозерцание, сопрягающее каждое мгновение земной жизни с извечной загадкой бытия:

Появился на свет
в самый день рождения Будды
маленький олененок...

Почти любое его стихотворение есть акт *сатори*, прозрения трансцендентного, бесконечного и необъятного в простом, обыденном и непритязательном факте, который становится кодом космической экзистенции. Отсюда и внутренняя сила, невероятная духовная наполненность наиболее известных его стихов — «Старый пруд» или «На голом суку...».

Долгие странствия, в которые влекла Басё его загадочная муза, обогатили поэта не только впечатлениями о разных городах и весях страны Ямато, но и уникальными навыками художника-пейзажиста:

В памяти моей живут картины самых разнообразных мест, и даже неприятные воспоминания о ночевке в заброшенной хижине в горах или в поле порой могут послужить пищей для беседы или сюжетом для стихотворения. Памятуя о том, записывал я подряд, не пытаясь даже привести наброски в какой-либо порядок, все незабываемые эпизоды моих странствий, чтобы затем объединить их в книгу.

Его описания местности в стихах и прозе подкупают точностью деталей. Нередко их дополняют и картины поэта в жанре *хайга*, одним из создателей которого он по праву считается. Призывая «учиться сосне у сосны, бамбуку у бамбука», он зорко всматривается в окружающий мир, любовно выписывая крылышко бабочки, тень травинки или узор кленового листа. Не чурается Басё и грубой прозы, неприятных и низменных тем, в которых он видит лишь иную ипостась извечной поэзии жизни, как бы оборотную сторону красоты.

Каждое стихотворение Басё обрабатывал долго и тщательно, с филигранным мастерством шлифуя нюансы смысла и оттенки звучания, что в конце концов и превращало его *хайку* в бриллианты чистой воды. Об этом сложном и порой мучительном процессе свидетельствуют записи, сделанные учениками Басё и опубликованные уже после его кончины. Тем самым мастер показывал пример литературной добросовестности ученикам, многие из которых склонны были относиться к своим творениям более легкомысленно. Именно Басё установил критерии истинного мастерства и обозначил отличия подлинной поэзии от мимолетного неприятязательного экспромта.

ПОЭТИКА ДЗЭНСКОГО СОЗЕРЦАНИЯ

Басё впервые превратил трехстишие из семнадцати слогов в инструмент воспроизведения тончайших движений души. Он ввел в поэтику *хайку* такие сущностные категории, как *ваби* (осознание брен-

ности и одиночества человека во вселенной), *саби* (патина времени, ощущение изначально печальной причастности к всемирным метаморфозам), *сибуми* (терпкая горечь бытия и пронзительность мироощущения), *сиофи* (состояние духовной сосредоточенности, необходимое для постижения глубинного смысла явлений), *хосами* (утонченность чувств), *каруми* (легкость, прозрачность и доступность), *фуга-но макото* (истинность прекрасного) и *фуэки фуюко* (ощущение неизменного в преходящем, вечного в текущем).

Понятия *ваби* и *саби* (которые были известны как дзэнские эстетические категории еще по крайней мере с XVI века), безусловно связанные с ключевыми категориями даосской и дзэн-буддийской эстетики, предопределили важную особенность поэтики *хайку*: изначальное стремление к простоте, скромности, неброскости, приглушенной тональности, обыденности, к погружению в привычную повседневность, воспринимаемую как естественная среда для активной дзэнской медитации. При этом вся жизнь в ее мельчайших деталях, без деления на хорошее и плохое, высокое и низкое, дорогое и дешевое, становилась бесценным материалом для художника и поэта.

Обратной стороной этого дзэнского (и даосского) идеала опрощения, честной бедности и недualityного восприятия окружающего мира стала острая неприязнь к кричащей роскоши, выставленному напоказ богатству, непомерно дорогим одеждам и украшениям, то есть к любым видам сословного чванства и всяческим попыткам подчеркнуть неравенство людей, одинаково ничтожных перед землей и небом, но в то же время одинаково достойных уважения как венец природы и ее разумное порождение. Все ключевые положения дзэнской (а также даосской) философии жизни нашли концентрированное художественное воплощение в *хайку*. Поэзия *хайку* также стала апологией равенства творческих личностей, к каким бы кругам они ни принадлежали. В полном соответствии с заветами даосских мудрецов и дзэнских патриархов они, вне зависимости от своего реального социального положения и материального благосостояния, исповедовали идеал «скитальца дхармы», возвышенного духом обитателя убогой хижины, упоминание о которой так часто встречается в стихах. Хотя сами поэты *хайку* ощущали себя прежде всего дзэнскими художниками и мыслителями, постоянным фоном их творчества оста-

ется философия китайского даосизма, к которой эти авторы дают частые отсылки.

Чтобы понять всю скромность запросов этих гениальных мастеров, достаточно взглянуть на реконструкцию знаменитой Банановой обители, хижины Басё в токийском районе Фукагава, или сохранившегося домика Масаока Сики в районе Комагомэ. Даже после смерти они стремились сохранить верность Пути Дзэн, завещая не создавать в память о них пышных надгробий. Например, могила Мукаи Кёрай, любимого ученика Басё и главы крупной поэтической школы, так и называется «Маленькая могила», представляя собой крошечную каменную плиту с низеньким столбиком посередине. Они жили интересами поэтического искусства, жили самим искусством словесности и для него.

Хотя и даосская, и буддийская картины мира ориентированы на теснейшую связь с космическими процессами — что находит отражение в древней астрономии и астрологии Восточной Азии, — дзэнское мировосприятие отличается «приземленным», сугубо «человеческим» взглядом на природу. Если классические теории буддизма тяготеют к углубленному мистицизму, помещая человека в реторту бесконечных превращений и стремясь абстрагироваться от проблем низменной повседневности, дзэнское сознание в основном остается чуждо праздному суетумудрию и замкнуто не столько на постижение тайн Вселенной, загадки бытия, метафизической сущности божественного абсолюта, не на слияние с космической Пустотой, сколько на самопознание, обретение Пути в земной жизни, проникновение в сокровенную суть окружающих нас предметов и явлений, которую древние называли *югэи*.

При этом макрокосм, безусловно, отражается в микрокосме творческой личности, но не довлеет — как это происходит, например, в духовной поэзии Уильяма Блейка или Джона Донна. Все заложенные в такой философии жизни метафизические элементы, плоды любого интроспективного озарения как бы проходят через фильтр обыденного сознания, трансформируются в предметную, «вещную» реальность повторяющихся явлений природы, оттеняющих бренность и печальную красоту нашего земного бытия.

КАНОНЫ ЖАНРА

Своим авторитетом Басё освятил сложившиеся к тому времени поэтические каноны составления сборников и антологий *хайку* по сезонному принципу с желательным распределением стихов по разделам Весна, Лето, Осень и Зима, отталкиваясь здесь от классических антологий поэзии *вака* (хотя и с серьезными поправками). Подобное деление требовало обязательного использования «сезонного слова» (*киго*), указывающего на время года: цветы сливы или сакуры, первые полевые травы, возвращение перелетных птиц — для весны; палящее солнце, птичьи трели, порхающие бабочки — для лета; багряные листья кленов, дожди, прохладный ветер, полная луна — для осени; снежное безмолвие, долгие холода, студеной вихрь — для зимы и т. п.

Привязка *хайку* к временам года символизировала извечную включенность человеческой жизни в череду вселенских метаморфоз. Кроме косвенных «указателей» в виде сезонных растений, насекомых или певчих птиц, во многих *хайку* содержится прямая отсылка к традиционной сезонной теме, которая озвучивается в начале или в конце трехстишия: уходящая весна, летняя жара, осенний вечер, ночной снегопад... Такое сезонное слово-тема превращается в постоянный параллелизм, оттеняющий конкретный авторский образ. *Хайку* в большинстве случаев не просто фиксируют некую примечательную картину, но всегда помещают ее в «рамку» сезона и в контекст темы.

Не без активного участия Басё в тот же период обозначились закономерности предметной классификации *хайку* по темам и разделам (с привязкой ко времени года): растения, животные, насекомые, повседневные дела человеческие и т. п. Поскольку массовость *хайку* предполагала выпуск многочисленных коллективных антологий, именно сезон и тематика должны были определять место стихотворения в книге. Авторство же играло второстепенную роль и указывалось в конце лишь «для порядка». Оригинальная интерпретация известной темы оценивалась выше введения новой темы, верность канону — выше авторской индивидуальности. Впрочем, в произведениях большого мастера личность всегда проявлялась в полной мере.

Особое внимание уделялось тщательному подбору единственно верного и необходимого слова, созданию максимума оттенков и обер-

тонов, а также правдивости и интимной доверительности интонации трехстишия, которая сама по себе должна была вызвать эмоциональный отклик в читателе. Конечный эффект *хайку* можно, вероятно, сравнить с эстетическим эффектом моментального снимка в художественной фотографии — как в черно-белом варианте, так и в цветном.

Полнейшую зависимость *хайку* от специфики времен года следует искать в исходном дзэнском постулате: следование правде жизни, отражение неизменного в преходящем и фиксация мгновений вечности в их естественной последовательности.

Помимо «сезонных слов» Басё, как и все его последователи, подчеркивал значение так называемых «отсекающих» частиц-*кирэджи*, в число которых входили неперебиваемые восклицательные междометия типа *я* или *кана* с различными смысловыми оттенками. К категории «отсекающих» некоторые японские критики относят (впрочем, без особых оснований) и глагольные формы, передающие, например, прошедшее время. Подобную функцию в европейских языках выполняют обычно эмфатические и временами вопросительные междометия (Ах! О! Вот уж! Надо же! Неужто?! Да как же?! и т. п.), а также указательные местоимения с эмфатической окраской («*Этот* старый пруд!»). Так или иначе, *кирэджи* призваны были укрепить композицию и повысить эмоциональный настрой *хайку*. *Кирэджи*, как и их аналоги в других языках, призваны передавать неповторимую интонацию каждого стихотворения, вносить в него личностное начало.

Будучи порождением старинной поэтической традиции, включающей «короткие песни» — *танка*, «длинные песни» — *тёка* и «сцепленные строфы» — *фэнга* и ряд других жанров, объединенных понятием «японская песня» — *вака*, *хайку* не могли избежать влияния классической поэтики. В арсенале художественных приемов поэтов XVII–XVIII веков мы иногда (но не слишком часто) встречаем и дошедшие с эпохи Нара «постоянные эпитеты» — *макуракотоба*, и связанные по смыслу слова *энго*, и омонимические созвучия *какэкотоба*. Особую роль играют явные или скрытые парафразы строф широко известных *вака* из средневековых антологий, сборников знаменитых китайских поэтов или из драм театра но — прием, родственный так называемому «заимствованию песни» — *хонкадофи*, вошедшему в моду в конце XII века и с тех пор прочно укоренившемуся в различных по-

этических жанрах. Разумеется, в поэтике *хайку* присутствует простое сравнение, хотя метафора (к примеру, «скалы пронизаны голосами цикад» — у Басё) используется крайне редко. Зато часто и порой в неожиданном звучании употребляется олицетворение (к примеру, «сердечко травинки, дрожащее на ветру» — у Исса).

Встречаются в *хайку* и совершенно не свойственные другим жанрам тропы: например, синекдоха, когда вместо двух прохожих под дождем фигурируют «соломенный плащ и зонтик», или синестезия (замещение чувств), когда для поэта голоса уток «смутно белеют» или в затоне раздается «темный рыбий всплеск».

Еще в глубокой древности в японской культуре сформировалась удивительная «поэтическая география» — художественные описания всех исторических мест и достопримечательностей страны, тысячекратно воспетых в стихах и запечатленных на картинах. Эта география, которая постепенно расширялась с течением исторического времени, охватывала в основном центральный остров Хонсю, поскольку поэты и художники крайне редко выбирались в своих странствиях на периферийные большие острова Кюсю и Сикоку. Однако упоминания о всех красотах Хонсю, островков Внутреннего моря и даже дальнего острова Садо в Японском море встречаются повсеместно в поэтических сборниках и антологиях. Сборники *хайку* не были исключением.

Знаковые топонимы, некогда служившие «изголовьем песни» — *утамакура* в *танка*, полностью были взяты на вооружение поэтами *хайку* в качестве дополнительных тропов. Они создавали «диахроническую перспективу», сопрягая трехстишие со всем комплексом мифов, легенд, преданий и романтических посланий, относящихся к бухте Вака, побережью Суминоэ, вершине Фудзи, взгорью Ёсино, живописным крошечным островкам в заливе Мацусима, к храму Миидэра, святилищу Касуга, Большому Будде в Камакюре и прочим историко-географическим реалиям, известным каждому японцу.

Все эти художественные приемы превращали *хайку*, несмотря на необычайную краткость формы, в законченное поэтическое произведение, несущее именно в силу недосказанности в своей непритязательной образности огромный суггестивный потенциал, открывающее простор для эрудиции и творческого воображения образованного читателя. При этом, разумеется, литературная грамотность читателя

должна была соответствовать интеллектуальному уровню сочинителя.

Характерной особенностью всех сборников *хайку* является их интерактивная фактура, рассчитанная на равное знакомство авторов и читателей с классическим наследием. Прямые и косвенные отсылки к сочинениям даосских классиков и танских поэтов, буддийским трактатам и старинным антологиям *вака* соседствуют с парафразами *хайку* великих предшественников, которые совершенно открыто берутся за образец и зачастую варьируются лишь в одной строке. Узнаваемость образов считалась не недостатком, а достоинством такого стихотворения. Таким образом, как и во многих других средневековых памятниках литературы (а здесь также с добавлением сочинений Нового времени), интертекстуальность выступает в поэтике *хайку* в качестве константы, постоянно присутствующей связи с культурным наследием прошлого.

ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ В ПОЭТИКЕ ВСЕЛЕНСКИХ МЕТАМОРФОЗ

Сформулированные Басё и развитые его учениками, единомышленниками, преемниками эстетические концепции в классической поэзии *хайку* априори работают только в формате сезонных циклов. Таковых, согласно традиции, насчитывается четыре плюс один: весна, лето, осень, зима плюс (условно) Новый год. При этом календарный год по старой китайской традиции подразделялся в одном варианте на двадцать четыре подсезона, а в другом, более детальном, — на семьдесят два, что создавало чрезвычайно дробную рубрикацию сезонных образов, привязанных к каждому времени года буквально по дням.

Еще с середины XVII века поэты начали систематизировать временные и тематические параметры *хайку*, обозначая рамки стихотворчества. Первым составил такое пособие для стихотворцев «Горный колодец» («*Яма-но и*») Китамура Кигин в 1649 году.

Определенные рамки всегда существовали и в поэзии *вака*, причем ассортимент тем был весьма ограничен: многие животные, птицы, насекомые были жестко табуированы, другие, наоборот, стали

неотделимой частью канона. Приземленная бытовая тематика оставалась под запретом вплоть до эпохи Эдо, и условное деление тем по принципу изящное — вульгарное (*га-дзоку*) соблюдалось неукоснительно. Именно сезонные циклы составляют самый большой раздел во всех императорских изборниках (*тёкусэнсю*). Сквозной темой японской лирики стал человек в постоянно меняющемся мире природы. Эта же тема оставалась доминирующей и в поэзии сцепленных строк, *фэнга*, которая почти на три века закрепилась в японской культуре, оставаясь при том не более чем интеллектуальной игрой.

Поэтика *хайку* расширила список приемлемых тем во много раз и почти полностью сняла все ограничения. Однако свобода выбора была предоставлена авторам только в определенных хронотопных координатах. При всей миниатюрности формы *хайку* указание на сезон (чаще его конкретный период) играет ключевую роль. Рекомендации по употреблению *киго* охотно давал Басё в беседах с Мукай Кёрай и другими своими учениками, которые в свою очередь проповедовали поэтику времен года.

В *хайку*, кроме сезона, часто содержится также указание на конкретное местоположение или состояние автора, что создает эффект моментального фотоснимка (чаще всего «селфи»), переданного словами.

Постепенно списки *киго* расширялись с достаточно жесткой привязкой к каждому месяцу сезона и мелким отрезкам времени внутри его.

Более того, *киго* стали формировать ассортимент тем, которые, в свою очередь, группировались в образно-тематические каталоги и руководства к написанию стихов-*сайдзики*. Помимо общих рекомендаций и истолкования популярных образов, они предлагали любителям и сочинителям *хайку* сотни, а порой и тысячи классических примеров в каждой конкретной рубрике.

В контексте философии «бренного мира» *укиё* каждое мгновение вечности приобретает особую, неповторимую ценность. Однако повторяемость в потоке времени моментов, связанных с природой и с повседневной деятельностью человека, позволяет зафиксировать их и каталогизировать в образно-тематическом реестре.

В поэзии *хайку* позднего Средневековья *сайдзики* фактически диктовали выбор тем, почти не оставляя вариантов авторам.

В большинстве *сайдзики* темы распределялись по четырем временам года (иногда с добавлением Нового года в качестве пятого раздела), а внутри каждого сезона — по следующим главным категориям:

- небеса и стихии (*тэммон*),
- география (*тифи*),
- дела человеческие (*дзиндзи*),
- боги и будды (*синбуцу*),
- животные (*добуцу*),
- растения (*сёкубуцу*).

К каждой теме (*дай*) прилагалось объяснение смысла образа и добавлялись примеры реального употребления в *хайку*, то есть потенциально возможные образно-тематические модели для сочинения с пространным объяснением ее литературной значимости, причем на каждую образно-тематическую единицу приводилось в качестве иллюстраций значительное количество *хайку* известных авторов.

Таким образом, читатель (*хайдзин*) видел перед собой некий единый поэтический календарь, где в качестве примеров приложены подборки стихов на одну и ту же тему, раскрытую с самых разных ракурсов. Кроме того, учитывались и традиционные семантические аллюзии: бамбук неизменно выступал символом стойкости, сосна — символом постоянства, слива — символом радости и начала весны, сакура — служила символом бренности красоты, ликорис воспринимался как страж загробного мира, ирис — как оберег от стихийных бедствий и сакральный цветок, дарящий самурайское мужество в праздник мальчиков.

Главные категории фигурировали отдельно в каждом сезоне. Например, в категорию «дела человеческие» из цикла «Осень» могли быть включены (с некоторыми вариациями) такие темы-образы: праздник фонарей, фейерверки, жаровня, посещение могил, пляски праздника О-Бон, осенние дороги, стук валька, спелые колосья, сбор урожая, пугало в поле и др.

В категорию «птицы и животные» осеннего цикла чаще всего включались: олень, дикие гуси, журавли, куропатки, дятел, перелетные птицы, бекас, воробьи, мелкие пичуги, стрекозы, сверчки и кузнечики, осенние бабочки, поздние комары, осенние цикады, пауки, мошкара, мешковые черви, земляные черви и др.

Из осенних растений рекомендовались в первую очередь: мальва, осенние листья клёна, опадающие листья ивы, леспедеца двуквет-

ная, тростник, лекарственные растения, просо, гречиха, цветы выюнка, мискант, дейция, гибискус, полевые цветы, тыквы-горлянки, орхидеи, листья банана, цветы павловнии, виноград, хурма, каштаны, плющ, грибы, лесные ягоды, груши, яблоки, ромашки, хризантемы.

Однако многие растения, особенно те, что цветут долго, могли иметь двойное подчинение, то есть относиться и к лету, и к осени. То же можно сказать и о многих сезонных темах. Осенние дожди (*сигурэ*), которые переходят в календарную зиму, обычно также фигурируют скорее как примета зимы. Также и палые листья, и оголенные деревья. Ведь в южной и центральной частях Японии (на равнинах, но не в горах) снег выпадает крайне редко и поздняя осень часто неотличима от зимы, а особенности суровой природы северных провинций в классической поэтике фактически не принимались в расчет, хотя при этом все же нередко служили материалом для *хайку*.

Что касается Нового года, то обычно подготовка к этому событию входила в список тем для конца зимы (то есть для двенадцатого лунного месяца), а само наступление Нового года со всеми ритуальными обрядами рассматривалось как первый праздник весны и входило в список весенних тем. Любование луной хотя и рассматривалось как традиционно осенняя тема (полнолуние в девятый лунный месяц), но могло служить темой и для любого другого сезона, поскольку луна всегда присутствует на небосводе.

Пересечения и накладки возникали постоянно при распределении тем между традиционными разделами и служили предметом оживленных дискуссий, а в иных сборниках и антологиях какие-то традиционные разделы могли быть просто опущены и темы из них включены в другие разделы. Впрочем, это только оживляло творческий процесс, построенный на постоянном обмене новыми *хайку*, и не слишком мешало авторам.

ПРЕЕМНИКИ И ШКОЛЫ

Обучение искусству сложения *хайку*, как и любому другому искусству в Японии, проходило исключительно в рамках определенной школы и могло продолжаться сколь угодно долго, вплоть до смерти учителя. Однако наиболее продвинутые ученики получали право на преподавание гораздо раньше. Непосредственными преемниками

Басё, его прямыми учениками и столпами его школы Сёмон, продолжателями его дела принято считать Кикаку, Рансэцу, Кёрай, Дзёсо, Бонтё, Кёрику, Сико, Яха, Хокуси, Эцудзина и Сампу (хотя правомерность такого отбора имен часто оспаривается, а некоторые ученики являются также и предшественниками Учителя, то есть в известной степени его учителями). Все они создали свои школы и стали истинными апостолами поэзии *хайку*, глубоко и искренне уверовав в гениальность Мастера. Несмотря на ожесточенную конкуренцию между «наследниками», благодаря их стараниям заветные Басё принципы поэтики проникли в плоть и кровь японской литературы, до наших дней продолжая оказывать влияние не только на *хайку*, но и на прочие жанры японской поэзии, включая модернистскую лирику *гэндайси*. Все последующее развитие *хайку* было в известном смысле «восхождением назад к Басё», поскольку даже для блестящих стихотворцев XVIII–XX веков творчество Старца представлялось недостижимой вершиной. Отсюда и родственное религиозному культу поклонение Басё, и бесчисленные паломничества «вослед Басё» по исхоженным им дорогам, и неиссякаемый поток комментариев к его шедеврам.

Ко времени кончины Басё в 1694 году число его учеников по всей стране — в том числе учеников прямых учеников и далее до третьего колена — перевалило за две тысячи. Сама эта цифра уже говорит о размахе движения *хайку*, которое в годы Гэнроку стало поистине всенародным и охватило все образованные слои общества. Мукаи Кёрай, один из ближайших сподвижников Басё, заметил по этому поводу:

Я знаю, что многие и многие почитают Учителя. Некоторым нравится сам характер его стихов, их спокойная красота и искренность... Другие привлечены его славой великого поэта и готовы из уважения следовать за ним. Немало, без сомнения, и таких, кто испытывает оба чувства.

Такие ученики Басё, как Морикава Кёрику, Хаттори Дохо, Татиба на Хокуси, Кагами Сико и некоторые другие, внесли своими книгами важный вклад в теорию и практику *хайкай*, тем более что сам Учитель собственных теоретических работ не оставил. Все его заветы известны почти исключительно со слов учеников.

Не все ученики и поклонники Басё соблюдали заветы Старца и буквально выполняли его предписания. Например, Такараи Кика-

ку сознательно отвергал принцип *кафуми*, предпочитая сложные аллюзивные образы прозрачности и безыскусности. Тонкий вкус и утонченная манера письма снискали ему прозвище Ли Бо Поэзии *Хайку*, но время обесценило большинство его стихов, лишив читателей возможности улавливать подтекст и обертоны.

Кёрай, которого Басё высоко ценил, наоборот, стремился неукоснительно следовать духу и букве заповедей Мастера. Однако ценность его стихов, пожалуй, уступает ценности записанных им высказываний Басё и суждений других членов школы в книге «Записки Кёрай» («Кёрайсё»). То же можно сказать и о Морикава Кёрику, авторе «Диалогов о *хайкай*» («Хайкай мондо»), или Такараи Кикаку, авторе «Бесед о разном» («Дзадан-сю»). Иные ученики на правах «наследников» пытались усовершенствовать поэтику Басё, добавляя к ней новые положения. Так, Кёрику выдвинул концепцию «кровной связи» с высокой поэзией (*кэтимьяку*), то есть художественной интуиции, лежащей в основе любого таланта.

Сико, автор многочисленных статей и комментариев к стихам Басё, выступил в роли популяризатора и одновременно вульгаризатора творчества Учителя, стремясь донести его взгляды (в своей интерпретации) до самых широких кругов читателей. При этом он охотно спекулировал на своих личных контактах с Басё, и есть основания считать, что в его воспоминаниях о беседах с учителем правда густо перемешана с вымыслом. К тем же приемам во имя повышения собственного престижа нередко прибегали и другие ученики. Однако даже много десятилетий спустя, когда традиции школы уже были изрядно размыты, «генеральную линию», намеченную Басё, все же удалось сохранить, а достижения поэзии *хайку* — приумножить.

БУСОН: ВОЗВРАТ К БАСЁ

В первой половине XVIII века в мире *хайкай* наблюдался некоторый застой. Многие «внучатые ученики» Басё вновь обратились к развлекательной поэзии в духе школы Данрин, ставя во главу угла остроумие и острословие, подкрепленное литературными аллюзиями. В тот же период от *хайку* отпочковалось чисто юмористическое направление *сэнрю*, которое породило целый пласт комической «застольной» поэзии, построенной на изощренной игре слов, понятий

и двусмысленных ассоциаций (и потому практически почти непереваемой). Однако параллельно с «низкими» *хайку* продолжала развиваться и высокая лирика, чему свидетельством появление новых блестящих имен на литературном горизонте.

Хотя поэзия эпохи Эдо богата незаурядными дарованиями, а многие лирические миниатюры учеников нисколько не уступают шедеврам Учителя, в один ряд с Басё, но как бы рангом ниже литературная традиция помещает лишь Ёса Бусона (1716–1783). С этой условной «табелю о рангах» можно поспорить, что и пытался сделать в конце прошлого века известный критик и реформатор *хайку* Масаока Сики. Он упорно доказывал, что яркий, романтический стиль трехстиший Бусона интереснее и живее сурового стиля Басё с его приглушенными эмоциями и скупыми изобразительными средствами.

Если Басё всегда остро ощущал свою преемственность по отношению к великим теньям прошлого и подчинял всю жизнь велению поэтического долга, то Бусон был чужд подобному аскетизму. Если Басё призывал учиться у самой природы, то Бусон был прежде всего апологетом эстетизма и артистизма, для которого природа служила лишь исходным материалом творчества. Свои воззрения он успешно реализовал в живописи, снискав славу одного из лучших художников эпохи. Его красочные пейзажи, как и монохромные рисунки тушью со стихотворными подписями, отличаются редкостным витализмом. Жизнь Бусона была полна треволнений и невзгод, но поэзия и живопись всегда оставались для него заповедной областью добра, красоты и душевного успокоения. Провозглашенный им лозунг «Отрицание всего вульгарного» звал прочь от неприглядной действительности в мир высокого искусства.

Разумеется, поэзия Бусона выросла не на пустом месте — его взлет был подготовлен всем предшествующим развитием *хайку*. Учителем Бусона был Хаяно Хандзин, в прошлом ученик Кикаку и Рансэцу, отрицавший всякое искусственное версифицирование и жонглирование словами. В своих воспоминаниях Бусон высоко оценивает роль наставлений Хандзина:

Он говорил, что в искусстве *хайкай* не обязательно строго придерживаться предписаний. Нужно складывать стихотворение спонтанно, не размышляя, что вначале, а что потом, меняя и переставляя все лишь по мгновенному озарению.

Бусон не был глубоко религиозным мыслителем, как Басё, и потому не ставил перед собой задачи наполнить трехстишие философским содержанием. Для него сочинение *хайку* было скорее одной из мирских радостей, чем священной миссией. Дабы у критиков не осталось сомнений, он сам зачастую акцентировал это различие:

Мои *хайкай* ни в коей мере не являются прямым уподоблением стилю Басё. Мне доставляет удовольствие изменять день ото дня поэтическую манеру, следуя причудам своей фантазии.

Свобода в выборе темы, избыточность изобразительных средств и нарочитое небрежение к превратностям реальной жизни придавали лирике Бусона блеск и очарование, поднимали ее над серой повседневностью.

И все же, несмотря на отличия в мировоззрении, темпераменте и стиле жизни, Бусон оставался восторженным поклонником Басё. Он, в частности, оставил великолепные иллюстрации к собственноручно им же переписанным дневникам Мастера. Свою поэтическую манеру он считал всего лишь развитием заветов Басё — что в конечном счете недалеко от истины.

«Возврат к Басё» провозглашали и другие поэты второй половины XVIII века — Тайги, Рёта, Хакусуй, Ранко, Тёра. Многие из них, как и Бусон, совершили поэтическое паломничество по местам странствий Басё в связи с пятидесятилетием кончины Старца, побудив к тому же сотни рядовых любителей *хайку*. Под лозунгом «возврата к Басё» было инициировано и движение за возрождение *хайку*, за избавление этого жанра от всего пошлого, низменного и наносного. Стремление вернуть профанированному жанру былую глубину и духовность не всегда воплощалось в достойные формы, но так или иначе все участники движения руководствовались благородными побуждениями и нередко достигали успеха.

ИССА: МУДРОСТЬ ПРОСТОТЫ

Другое направление в интерпретации тех же заветов представляет эксцентричная лирика Кобаяси Исса (1769–1827), оставившего потомкам более двадцати тысяч трехстиший и немалое количество рисунков-*хайга*. Поэт и философ, он всей своей жизнью и творче-

ством утверждал принцип «вечное в текущем», восходящий по прямой линии к Басё и далее к дзэнским патриархам Древнего Китая. Его стихи — это апология простоты, естественности, бедности, неприкаянности — словом, дзэнской экзистенции в ее идеальном воплощении.

Нарочитая упрощенность, умышленная лапидарность, вызывающая грубоватость большинства *хайку* Исса привели к появлению народной легенды о полуграмотном крестьянском поэте, возлюбившем природу и отринувшем блага цивилизации. Однако впечатление «простоты» здесь, как и в случае с другим известным чудаком, монахом Рёканом, весьма обманчиво. Ведь Исса был профессиональным наставником поэзии, главой школы *хайку*, каллиграфом и художником, то есть в полной мере принадлежал к славной плеяде *бундзин* — интеллектуалов, творивших культуру страны. Его нетривиальный стиль, который более всего уместно сравнить с современным западным примитивизмом, служил ему постоянной игровой маской, за которой скрывалась тонкая, чувствительная, ранимая натура.

В поэзии, как и в жизни, симпатии Исса были на стороне маленьких и слабых существ, с которыми он, возможно, как-то отождествлял себя. Хотя все поэты *хайку* в той или иной степени уделяют внимание «малым сим», Исса с особым восхищением, любовью и трогательной нежностью пишет даже о тех созданиях, которые обычно не вызывают у людей ничего, кроме гадливости: о пауках, мухах, слепнях, улитках, слизняках, червях, блохах, вшах... Своеобразный анимализм Исса тоже подчинен законам примитивистского искусства, как бы специально адаптированного для детской книги с картинками. Даже классические образы японской поэзии наподобие соловья или ласточки в его стихах чаще всего предстают увиденными в гротескном ракурсе. Соблюдая в основном правила поэтики *хайку*, Исса неизменно добивается эффекта «снижения патетики» за счет умелой стилизации под «удивленный взгляд ребенка» или под грубовато-непосредственный наив. Тем самым достигается дзэнская десакрализация образа, в котором не остается ничего, кроме слегка иронически воспринятой правды жизни. Вероятно, это качество его поэзии и заинтересовало Масаока Сики, который буквально воскресил Исса из небытия в конце XIX века и создал ему репутацию «странного гения», что в свою очередь привело к ажиотажному спросу на его книги, длящемуся и по сей день.

В годы «заката сёгуната», предшествовавшие реставрации Мэйдзи, поэзия *хайку* сильно деградировала, став обителью великого множества заурядных эпигонов. Тем не менее там и сям на страницах индивидуальных сборников и коллективных антологий того времени можно встретить замечательные миниатюры Соро, Сокио или Байсицу. Как бы скромно ни выглядели эти авторы в сравнении с великими мастерами прошлого, без их участия едва ли *хайку* могли сохранить инерцию движения, необходимую для их коренного преобразования в преддверии XX века.

ВЕЯНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Сто пятьдесят лет тому назад в начале эпохи Мэйдзи (1868–1911), ознаменовавшейся реставрацией императорской власти, становлением просвещенной конституционной монархии и бурной модернизацией страны, многие деятели японской культуры всерьез требовали отказаться раз и навсегда от традиционных жанров и форм в поэзии, музыке, живописи, скульптуре, театральном искусстве. На страницах центральных журналов они выдвигали идею скорейшей консервации национальных художественных традиций и перехода к европейским эстетическим стандартам во всем — от штиблет и цилиндров до сонетов, кордебалетов и автопортретов в манере позднего Рембрандта. Результатом этого «низкопоклонства перед Западом» стали многочисленные курьезы моды и забавные художественные гибриды, место которым во всемирной Кунсткамере.

В ответ на бурный натиск «западников» противники насильственной вестернизации утверждали самобытность «японского духа», ратовали за исконные национальные добродетели и за верность вековым традициям, воплощением которых в поэзии являлись средневековые жанры *танка* и *хайку*. Этих «японофилов» отличало пристрастие к архаике, к изрядно обветшавшему канону и устаревшему языку, весьма далекому от живой разговорной речи.

Однако в обоих лагерях подспудно догадывались, что истина лежит где-то посередине, что секрет создания высокого, истинно современного искусства кроется в магическом сплаве старого и нового, «своего» и «чужого». Постепенно слепое преклонение перед Западом стало уступать место вдумчивому анализу, а безудержное превоз-

несение национальных святынь сменилось осознанным стремлением сохранить бесценное наследие предков в эпоху необратимых исторических перемен. Так, под знаменем Духовной революции на пороге 90-х годов страна вступила в новый период, который по праву может быть назван Серебряным веком японской культуры — если воспользоваться этим термином по аналогии с российским Серебряным веком и вспомнить о том, что хронологические рамки этих родственных феноменов удивительным образом совпадают.

В первые годы и даже десятилетия после революции Мэйдзи (1868), которая опрокинула прежние государственные устои, а вместе с ними и всю многовековую систему этических и эстетических ценностей, перемен в дремотном мире поэзии *хайку* было почти не видно. Хотя в поэзии, как и во всех прочих областях литературы и искусства, появилось множество новых имен, школ, группировок, направлений и литературная молодежь под влиянием западной эстетики ниспровергала былых отечественных кумиров, воздвигая алтари Байрону, Шелли, Россетти, традиционные жанры, особенно *хайку*, по меньшей мере с начала XIX века пребывали в состоянии глубокой летаргии. Поэты по-прежнему продолжали регулярно собираться на ежемесячные заседания (*цукинами*) и слагать трехстишия о чем угодно, кроме исторических событий, свершавшихся вокруг них. Они возвели в принцип бесцветность и полное отсутствие авторской индивидуальности, тем самым доведя до абсурда заветы основоположников и классиков жанра — Мацуо Басё, Ёса Бусона, Кобаяси Исса и других мастеров.

Исправно функционировали десятки школ *хайку* с сотнями ответвлений во всех больших городах. Купцы, ремесленники и представители упраздненного новыми властями под горячую руку бывшего самурайского сословия усердно посещали школы, поддерживая на сносном уровне доходы профессиональных наставников. Многим увлечение *хайку* заменяло запрещенные азартные игры или пока еще не существовавший массовый спорт. Это был способ регулярной клубной социализации, когда приятное времяпрепровождение за чаркой саке в компании друзей по интересам сопровождалось сочинением и публикацией стихов в простой, но изысканной традиционной форме. Сам факт принадлежности к какой-либо школе *хайку*, то есть

к «клубу», укреплял престиж горожанина, а сочинение стихов — вне зависимости от их реального качества — рассматривалось как признак интеллигентности.

По масштабам охвата населения школы *хайку* неизмеримо превосходили школы *танка*. Иные насчитывали десятки и сотни учеников, а те, кто мог похвастаться родословной, имея среди основателей самого Старца Басё или кого-то из его учеников, вели счет на тысячи.

Профессиональные поэты *хайку*, зарабатывавшие на жизнь преподаванием и редактурой стихов, прилагали все усилия для пропаганды своего ремесла и привлечения новых членов в свои школы. По структуре и характеру школы *хайку* не отличались от других школ изящных искусств и ремесел, основанных на принципе жесткой иерархии и почитания верховного наставника — *измото*. Знания в таких школах передавались по строго разработанной системе, причем обучение было рассчитано на долгие годы. Получив у мастера «диплом», можно было начать преподавать самому. В преклонном возрасте наставник-*измото* официально назначал своего преемника, которым мог быть сын (а впоследствии, в XX веке, даже дочь или внучка) или же просто лучший ученик, никак не связанный с наставником родственными узами.

В *хайку*, где критерии оценки достаточно размыты, секреты мастерства могли заключаться, например, в специфическом употреблении какой-либо восклицательной частицы или перемещении «сезонного слова» из середины предложения в конец. Зачастую малозначащая техническая новинка раздувалась до степени величайшего творческого откровения. Ученикам же оставалось только принимать на веру объяснения наставника, чей авторитет был незыблем и непререкаем.

Среди поэтов *цукинами* царила жесткая конкуренция. Мастера нередко годами вели полемику друг с другом по мелким вопросам словопотребления в духе споров «остроконечников» и «тупоконечников». Многие, особенно потомственные наставники поэтического мастерства, чьи деды и прадеды некогда учились у патриархов в XVII–XVIII веках, для поднятия престижа стремились объявить себя Кёраем, Кёрику, Кикаку или Рансэцу в четвертом, пятом или седьмом поколении — как это было принято, например, у знаменитых актеров кабуки, чьи династии существуют и поныне. Такого рода «сертификация» стоила больших денег, но школа с хорошей родословной лучше оку-

палась. Притом что «бизнес» на *хайку* процветал, среди великого множества стихотворцев, писавших в этом классическом жанре, не было ни одного яркого дарования. Тысячи и тысячи трехстиший оседали, как пыль, в толще альманахов и коллективных антологий.

События, приведшие к свержению власти сёгуната и реставрации монархии с последующей радикальной перестройкой общественно-политического уклада, на школах *хайку* никак не отразились, поскольку сам жанр был заведомо «внеисторичен» и асоциален. События политической жизни до некоторой степени находили отражение в сатирических *сэнрю*, но эти ироничные миниатюры только по форме напоминали *хайку* и к настоящим профессиональным *хайку* причислены быть не могли. Отношение поэтов-*хайдзин* ко всему происходящему символически обобщило популярное трехстишие Торигоэ Тосай (1803–1890):

*мими тодзитэ
хана о кокуро ни
хирунэ кана*

Уши заткну —
и, цветы в душе представляя,
спать прилягу днем...

СТАРЫЙ И НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Неожиданным вторжением в заповедный мир *хайку* было постановление правительства в 1873 году о переходе на солнечный календарь с лунного (календаря Тэмпо), которым в Японии пользовались испокон веков. Эта реформа больно ударила по всему поэтическому сообществу, не исключая и авторов *хайку*, поскольку японская поэтическая традиция искони зиждилась на смене сезонных образов. Мало того что образы и темы были жестко привязаны ко временам года, но существовало еще и деление на «подсезоны», по шесть в каждом времени года, как то: «Пробуждение насекомых», «Холодная роса», «Малые холода» и т. п. Вся каноническая поэтика держалась на лунном календаре, по которому следовало считать Новый год (наступавший где-то в середине февраля) первым праздником весны, праздник воссоединения влюбленных Танабата (ночь на седьмое число седьмого лунного месяца) — началом осени, девятый лунный месяц — порой любования полной луной. *Киго*, «сезонные слова» поэтики *хайку*, которых насчитывалось до двух с половиной тысяч, были ориентированы на времена года и на «подсезоны». Даже старинные поэтиче-

ские названия месяцев, как, например, «месяц перемены одежд» *ки-сафаги* или «месяц сокрывшихся богов» *каминадзуки*, несли в себе семантику, привязанную к лунному календарю, у некоторых месяцев при этом названия все же поменялись или удвоились. Так, декабрь было разрешено именовать и старым поэтическим именем *симодзуки* («месяц инея»), и новым *сисодзуки*.

Все классические *хайку* были построены, естественно, на семантике лунного календаря и с солнечным никак не соотносились. Ведь по солнечному календарю все растения будут расцветать с большим опозданием, а птицы и насекомые — петь не по их реальному расписанию: изменить календарь средневековой классики уже невозможно. Итак, живя по солнечному календарю, поэты *хайку* в Новое и Новейшее время все же оставались в основном верны лунному.

Солнечный календарь разрушал всю привычную схему и вносил невообразимую путаницу. Однако поэты *хайку* в большинстве мужественно приняли удар и постарались организованно перестроиться на новый календарь. Уже в 1874 году появился первый рекомендательный список тем и сезонных слов *сайдзюки*, основанный на солнечном календаре. В дальнейшем таких списков вышли десятки и сотни.

В новом виде старые сезоны, на которые тем не менее надо было ориентироваться при сложении *хайку*, выглядели так:

Весна

<i>Риссюн</i> (Приход весны)	5–19 февраля
<i>Усуй</i> (Дождевая вода)	20 февраля — 5 марта
<i>Кэйтицу</i> (Пробуждение насекомых)	6 марта — 19 марта
<i>Сюмбун</i> (Весеннее равноденствие)	20 марта — 4 апреля
<i>Сэймэй</i> (Ясная пора)	5 апреля — 19 апреля
<i>Кокуу</i> (Дожди для урожая)	20 апреля — 4 мая

Лето

<i>Рикка</i> (Приход лета)	5 мая — 20 мая
<i>Сёман</i> (Малая полнота)	21 мая — 5 июня
<i>Босю</i> (Посев)	6 июня — 20 июня
<i>Гэдзи</i> (Летнее солнцестояние)	21 июня — 6 июля
<i>Сёсё</i> (Малая жара)	7 июля — 22 июля
<i>Дайсё</i> (Большая жара)	23 июля — 6 августа

Осень

<i>Риссю</i> (Приход осени)	7 августа — 22 августа
<i>Сесё</i> (Конец жары)	23 августа — 7 сентября
<i>Хакуро</i> (Прозрачная роса)	8 сентября — 22 сентября
<i>Слюбун</i> (Осеннее равноденствие)	23 сентября — 7 октября
<i>Канро</i> (Холодная роса)	8 октября — 22 октября
<i>Соко</i> (Выпадение инея)	23 октября — 6 ноября

Зима

<i>Ритто</i> (Приход зимы)	7 ноября — 22 ноября
<i>Сёсэцу</i> (Малый снег)	23 ноября — 6 декабря
<i>Дайсэцу</i> (Большой снег)	7 декабря — 21 декабря
<i>Тодзи</i> (Зимнее солнцестояние)	22 декабря — 5 января
<i>Сёкан</i> (Малые холода)	6 января — 20 января
<i>Дайкан</i> (Большие холода)	21 января — 4 февраля

Хотя этот календарь никогда не отражал всей картины сезонных перемен — разных по времени и отличительным признакам в различных частях Японии, — для поэтов он был основным руководством, и к нему были привязаны бесчисленные «сезонные слова», то есть названия растений, животных, птиц, обозначения осадков и сезонных работ.

Справедливости ради надо сказать, что настоящей адаптации к новому календарю так и не произошло. Множество *хайдзин*, приняв новый календарь, мысленно продолжали жить по старому, а сезонные образы в их стихах периодически колебались от одного к другому. Они просто не могли вести себя иначе, поскольку сочинение *хайку* в духе *цукинами* предполагало следование традиции, а традиция предписывала использование совершенно конкретных тем и сезонных слов в конкретное время года. Упоминая о «соловье-*угуису* в месяц *сацуки*» (то есть в пятую луну), поэт, разумеется, отсылал читателя к лету, а не к весеннему месяцу маю солнечного календаря. Изменить привычное ощущение наступающей зимы или осени только по официальному распоряжению было очень нелегко, так что аллюзии, восходящие к лунному календарю, продолжали питать поэтику *хайку* (а также отчасти и *танка*). Эта странная ситуация во многом сохранялась на протяжении по крайней мере ста лет после реформы и только к концу XX века лунный календарь действительно понемногу стал уходить в прошлое.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Статус поэзии *хайку* заметно вырос в процессе идеологических реформ, предпринятых правительством Мэйдзи и направленных на укрепление национальной духовности перед лицом неизбежной вестернизации страны. Мудрая политика протекционизма позволила сохранить и спасти от полной деградации основные ценности национальной культуры: поэзию классических жанров, живопись традиционных школ, театры но, кабуки и бунраку, классическую придворную музыку, танцы, а также традиционные ремесла.

Если поэзия *танка* была объявлена национальной святыней, вместилищем «души Японии» и принята при императорском дворе, то поэзия *хайку* стала рассматриваться как важнейший инструмент национальной самоидентификации, как символ японского креативного разума. В 1873 году Министерство по делам религиозных учений возложило на четверых мастеров *хайку* почетную обязанность: выработать идеологические установки для обоснования роли поэзии *хайку* в правительственных реформах. По их рекомендации император Мэйдзи издал указ об официальном причислении Басё к лику божеств, что лишь упрочило распространившийся в народе культ Старца. Были открыты храмы, посвященные «божеству летящих звуков» Басё, который, помимо прочего, объявлялся носителем всех основных конфуцианских добродетелей и примерным гражданином. Сформировалась также синкретическая буддистско-синтоистская секта Старого пруда (*фуруикэ кёкай*), в которой поклонение Старцу сочеталось с сакрализацией его поэзии.

Вся эта идеологическая деятельность, направленная на укрепление «почвеннических» тенденций в культуре, в конечном счете сыграла негативную роль, поскольку культ Басё, как любое консервативное учение, попросту исключал возможность произрастания новых школ и течений *хайку* на японской почве.

Значительная часть интеллигенции прозападного толка раннего периода Мэйдзи, вносящая в общество элементы европейского просвещения, была настроена к *хайку*, как и к *танка*, весьма скептически, трактуя оба жанра как обветшавшее наследие проклятого феодального прошлого. Способы борьбы с феодальным прошлым уже были апробированы: по правительственному указу были снесены

десятки великолепных замков, напоминавших народу о темных временах сёгунской диктатуры. Некоторые предлагали отправить в утиль поэзию *хайку*, чтобы не мешала народу строить светлое капиталистическое будущее на развалинах старого мира. *Танка*, избранные самим микадо как оплот национального духа, отправить в утиль было сложнее. Во всяком случае, оппозиция со стороны нарождающейся поэзии новых форм грозила *хайку* скорым вырождением и гибелью.

Как ни парадоксально, укреплению позиций *хайку* на их исторической родине способствовал необычайный интерес европейцев, переживавших в конце XIX — начале XX века эпоху японизма, то есть увлечения экзотическими элементами японской культуры, включая, разумеется, *хайку*. Видя необычайный интерес к этому эндогенному жанру в Европе, особенно во Франции, японские поэты и критики утвердились в мысли о том, что *хайку* предстоит большое будущее.

Конечно, на взгляд западного читателя, даже знакомого с основами классической поэтики, разница между школами *хайку*, яростно оспаривавшими приоритет в ту пору, была до смешного ничтожна, а рутинную поэзию современных им пиитов они едва ли могли отличить от шедевров прошлого. На протяжении веков старое служило единственным критерием оценки нового, и авторитет отцов-основателей во главе с Басё перевешивал любые доводы в пользу модернизации жанра. Так могло бы продолжаться еще неограниченно долго, может быть несколько столетий, если бы столкновение с западной цивилизацией не поставило перед поэтами *хайку*, как и перед всеми деятелями культуры периода Мэйдзи, совсем иные задачи.

СИКИ: ПОЭТИКА «ОТРАЖЕНИЯ НАТУРЫ»

Провозвестником новой эры в поэзии и трубадуром наступающего Серебряного века суждено было стать гениальному поэту и литературоведу Масаока Сики (1867–1902). За неполные тридцать пять лет жизни, из которых лишь десять были посвящены серьезному самостоятельному творчеству, Сики успел осуществить подлинный переворот в поэтике *хайку*, а затем и *танка*, заставив мастеров традиционных жанров отбросить обременительные узы средневекового канона, а созданная Сики поэтическая школа «Хототогису» («Кукушка») и поныне сохраняет ведущую роль в мире семнадцатисложных трех-

стиший. Некоторые японские филологи начала века сравнивали Сики по масштабу влияния на литературный процесс с самим Басё. Все прочие довольствовались тем, что проводили прямую линию к Сики от Басё через Бусона и Кобаяси Исса, соизмеряя с этой незаурядной личностью все достижения лирики *хайку* в Новое и Новейшее время.

Главная заслуга Сики состоит в стремлении избавить поэзию традиционных жанров от косности, начетничества, векового консерватизма, от гнета окаменевших канонических ограничений. Выступая в роли «посредника» между литературой Средневековья и Нового времени, он открыл перед поэзией *хайку* перспективу перехода к реалистическому изображению действительности. При этом Сики стремился подытожить мироощущение художника новой, переходной эпохи. Он, в частности, сформулировал учение о двух типах красоты: восточном, пассивном, присущем китайской классической лирике, поэзии Басё и в целом всему жанру *хайку*, — и западном, активном, присущем всему европейскому искусству, а также нарождающемуся современному искусству Японии.

Ему же обязаны возвращением из мрака забвения некоторые незаслуженно забытые талантливые поэты эпохи Эдо, и в первую очередь гениальный лирик Ёса Бусон, который ранее был известен скорее как художник. В ряде поэтологических очерков, составивших в дальнейшем книгу «Поэт *хайку* Бусон» («Хайдзин Бусон»), Сики не только заново открыл поэзию Бусона для японского читателя, но и поставил ее выше творчества Басё. Для него Басё — поэт «негативной красоты», соответствующей духу средневекового японского искусства, а Бусон — позитивной, то есть более соответствующей миропониманию человека Нового времени.

Интерес к Бусону-поэту, воплотившему в *хайку* свои таланты живописца, пробудило у Сики знакомство с художником Накамура Фусэцу, знатоком искусства Востока и Запада, обладавшим к тому же даром сравнительного анализа. Так родилась концепция «отражения жизни» (*сясэй*), ставшая краеугольным камнем эстетики новых *хайку* в трактовке Сики. Любопытно, что сам Сики охотно признавал связь своего учения с реалистической прозой, которая как раз набирала силу в ту пору под эгидой заимствованного из Франции натурализма. Стержень теории *сясэй* была концепция ясности и достоверности поэтического образа. Признавая опасность следования принципу нарочитой

безыскусности в стихе, Сики считал, что главное для поэта — проблема выбора «натуры», которая сама диктует форму выражения.

Вот и рассвет.
Белый парус вдали проплывает
за москитной сеткой...

Сики справедливо полагал, что *хайку* — наиболее живописный из всех поэтических жанров, так как трехстишие конденсирует пространственные связи явлений и предметов в единой временной точке, что особенно привлекало Сики как увлеченного рисовальщика с натуры. С годами представления Сики о реализме *хайку* становятся все более зрелыми и рафинированными. Он вводит в свою теорию заимствованный из китайской живописи принцип «простоты и мягкости» (*хэйтан*) и одновременно проводит параллели между *хайку* и европейской ландшафтной живописью.

Особую пикантность поэтике *сясэй* в интерпретации Сики и его школы придает апология современных реалий быта, которым еще недавно в *хайку* просто не было места: например, паровоз, фабричный гудок, зубной порошок и т. п. Правда, в основном эти нововведения оставались на страницах манифестов, довольно редко проникая в трехстишия самого Сики и его учеников. Пора безудержных инноваций пришла в *хайку* гораздо позже, уже после Второй мировой войны.

Споры о глубинной сущности *сясэй* продолжались в поэзии *хайку*, а отчасти и *танка*, еще двадцать пять лет после безвременной кончины Сики в 1902 году и закончились повсеместным распространением теории поэтического реализма в традиционалистских жанрах. Таким образом, *хайку* в XX веке составили оппозицию модернистской поэзии новых форм *гэндайси* и явились самым непосредственным развитием исконных традиций жанра, восходящих к Басё, Бусону и Исса.

Будучи человеком разносторонне образованным и необычайно начитанным, Сики сумел приобрести репутацию мэтра уже в молодые годы. Созданная им поэтическая школа вскоре заняла главенствующие позиции в мире *хайку*, сплотив вокруг журнала «Хототогису» («Кукушка») ведущих поэтов начала века — Такахама Кёси, Кавачигаси Хэкигодо, Найто Мэйсэцу, Нацумэ Сосэки, Накамура Кусадао и многих других. Каждый из учеников, в свою очередь, имел собственную школу, так что постепенно последователи Сики возвели колос-

сальное поэтическое здание из многих миллионов трехстиший. Невольно всплывает в памяти мемориальный музей Сики в Мацуяма, где огромное современное строение из стекла и бетона вмещает маленький домик поэта наряду с прочими экспонатами...

КЁСИ: ШКОЛА «ЦВЕТОВ И ПТИЦ»

Своим преемником на посту главы школы (а иерархия в литературно-художественном мире Японии свято соблюдается и по сей день) Сики хотел видеть любимого ученика и единомышленника Такахама Кёси (1874–1959), но фактически после смерти мастера возглавили школу два его друга и сподвижника — Кёси и Кавахигаси Хэкигодо (1873–1937). Оба были земляками Сики, то есть уроженцами городка Мацуяма на острове Сикоку, и оба сыграли важнейшую роль в оформлении школы, несмотря на то что воззрения их по вопросам поэтики во многом расходились. Хэкигодо, вероятно, был «роднее» Сики чисто по-человечески, а Кёси — по своим творческим устремлениям.

Такахама Кёси, преемник, друг и верный последователь Сики, почти на шестьдесят лет переживший безвременно почившего учителя, был всегда привержен скорее традиционным эстетическим ценностям, нежели веяниям литературной моды. Выходец из многодетной семьи служилого самурая, наставника фехтования в городе Мацуяма, Кёси с ранних лет познал нужду, когда отец после роспуска самурайских кланов в годы Мэйдзи вынужден был заняться земледелием. Однако перспектива влачить жалкую участь крестьянина не прельщала честолюбивого и талантливого юношу. Знакомство с жившим по соседству Масаока Сики, который одобрил первые поэтические опыты Кёси, круто изменило жизнь фермера поневоле и толкнуло его на путь литературного творчества. После переезда в Токио Кёси на много лет становится организатором и вдохновителем сообщества поэтов *хайку*, сплотившегося вокруг основанного Сики журнала «Хототогису». После кончины Сики к нему переходит и пост главного редактора этого мощного журнала, который по сей день остается лидером в мире *хайку* и воплощением принципа родовой иерархической преемственности: школу *хайку* «Хототогису» возглавил сначала сын Кёси, а затем и внучка.

Будучи поэтом-пейзажистом по призванию и мыслителем созерцательного, интроспективного склада, Кёси ревностно отстаивал поэтику *сясэй* в изначальной интерпретации Сики от нападок и извращений архаистов и новаторов всех мастей. В русле традиционного стиля «цветов, птиц, ветра и луны», он выдвигает на первый план точность изображения и скупость изобразительных средств, допуская, правда, в виде исключения изменение ритмической семнадцатисложной схемы. Принцип *сясэй* он сумел приложить и к прозаическим скетчам, названным им *сясэй-бун*. Свои поэтические опыты, выдержанные в духе привычной пейзажной лирики, своего рода фотозарисовки с натуры, Кёси называл «моментальные *хайку*»:

То утонут в цветах,
то блеснут меж стволов сосновых
светлые нити дождя...

В 1910-е годы Кёси возглавил движение в защиту традиций «Хототогису», выступив против необузданного новаторства со статьей «Путь, по которому следует развиваться *хайку*» («Сусумубэки *хайку*-но мити»).

После реставрации Мэйдзи были созданы новые, расширенные *сайдзики*, в которых отразились теоретические воззрения новых школ. Эти пособия могли иметь существенные различия как в более дробной помесечной градации самих сезонов, так и в списках тем (*дай*). Магистральной стала школа, созданная Такахама Кёси, который составил в 1934 году массивный *сайдзики*, куда вошли многие современные понятия, ранее не употреблявшиеся в *хайку*, что открыло новые перспективы для поэтов.

Преемниками Кёси были его сын, а затем и внучка Инабата Тэйко, решившая привести *сайдзики* деда в соответствие с современными реалиями.

Что касается принципа отбора тем, то в школе «Хототогису» он, пользуясь словами Инабата Тэйко, формулируется так:

Безусловно, при определении сезонных тем мы подходим с сугубо литературных позиций и определяем их с учетом реалистичности образа, его эмоциональной нагрузки и углубленной связи с традицией.

Инабата Тэйко на базе *сайдзики* своего деда составила и опубликовала в 1986 году обновленный компендиум тем-образов, принятый в школе «Хототогису» и сегодня. При этом списки тем были значительно расширены, а база поэтических примеров увеличена в несколько раз: количество цитируемых *хайку* на почти девяти сотнях страниц выросло до шестнадцати тысяч.

В конце книги все темы сведены в указатель, в котором насчитывается около шести тысяч пунктов, в том числе: «Наступление весны», «Морозный рассвет», «Первая луна по лунному календарю», «Старый Новый год», «Попраание икон», «День основания государства», «День святого Валентина», «Ледяные избушки *камакура*», «Праздник Бонтэн в Аките (Ёкотэ)», «Таяние снега», «Снежные лавины»...

Например, темы февраля (в феврале, считается, появляются первые признаки весны): «Последние сугробы», «Проталины», «Спадающая корка льда», «Таяние льда на реках», «Весенние заморозки», «Неожиданные холода», «Весенний ветерок», «Первый вешний дождь», «Кошачья любовь», «Белые мальки», «Молодь горбуши», «Пал на полях», «Выжженное поле», «Плакучая ива», «Крокусы» и десятки других.

Таким образом, то, что мы обычно принимаем в традиционных японских *хайку* за вольную импровизацию, и поныне чаще всего является вариацией на известную и хорошо разработанную тему — неким фотоснимком популярного объекта с нового ракурса. Хотя исключения и встречаются, их сравнительно немного в общей массе *хайку* Новейшего времени.

Соратником и единомышленником Кёси был Исии Рогэцу, один из любимых учеников Сики и активный участник движения «реформации». Правда, в отличие от большинства своих собратьев, Рогэцу предпочел суете больших городов жизнь в отдаленной северной префектуре Акита, где он стал ревностным пропагандистом принципа «отражения натуры». Безусловно, магистральная линия развития *хайку* в первой четверти XX века была связана с деятельностью плеяды поэтов кружка Такахама Кёси. К «Хототогису» примыкали такие выдающиеся мастера, как Мураками Кидзё, Хара Сэkitэй, Маэда Фура, Хино Содзё, Кавабата Бося. Из лона «Хототогису» вышли в большую литературу замечательные поэтессы Сугита Хисадзё и Хасимото Такако.

Надежным союзником Кёси всегда оставался член мацуюрского землячества Найто Мэйсэцу, который в свое время нашел в себе мужество стать учеником юного студента Масаока Сики, будучи старше его на двадцать лет. Обширные филологические познания и безукоризненный поэтический вкус Мэйсэцу способствовали укреплению позиций школы. После бурной дискуссии общество «Хайкай сансин», возглавляемое Кёси, и его журнал «Хототогису» надолго возобладали в мире *хайку*, привлекая к себе такие самобытные дарования, как Иида Дакоцу, Накамура Кусадао, Нацумэ Сосэки, Акутагава Рюноскэ и многие другие. Последние два имени в этом ряду олицетворяют триумф новой японской психологической прозы начала века. В то же время как для Сосэки, так и для Акутагавы *хайку* всегда оставались наиболее интимным и насущным способом самовыражения, наиболее эффективным средством художественной фиксации момента.

Интерес Акутагавы, в ту пору уже признанного писателя, к *хайку* был настолько велик, что он официально поступил в ученики к Такахама Кёси и занимался под его руководством несколько лет. Немало внимания уделял Акутагава и изучению наследия средневековых классиков жанра. Его книга о творчестве Басё открывает в произведениях бессмертного Старца неведомые ранее глубины.

Хайку Акутагавы по лексике и образности можно было бы считать достаточно традиционными, если бы мы не знали, что их автор — прозаик с весьма нетрадиционным мировосприятием, для которого поэтика *хайку* служит органическим дополнением к архитектонике ультрасовременной прозы. Чего стоит хотя бы такое стихотворение, посвященное трагедии Великого токийского землетрясения 1923 года, что унесло жизни почти ста тысяч человек.

Ветер в соснах шумит —
и мы наяву его слышим,
летняя шляпа!..

Трехстишие, передающее первозданную радость избавления от смерти, составляет удивительный контраст с мрачными, пессимистическими заметками в прозе того же периода. В сочетании обоих начал, вероятно, и кроется ответ на извечную загадку мироздания, певцом которой был Акутагава Рюноскэ.

ХЭКИГОДО: УХОД ОТ КАНОНА

Великолепный поэт *хайку*, прозаик, эссеист, критик и литературовед, Хэкигодо принадлежал к плеяде «бурных гениев» эпохи Мэйдзи, изменивших лицо страны в XX веке. Прирожденный спортсмен, он отлично играл в новомодную игру бейсбол и тренировал юного Ма-саока Сики, был неутомимым туристом и альпинистом, исходившим Японию вдоль и поперек с поэтическим блокнотом и альбомом для скетчей в руках. К тому же он играл в пьесах театра но, руководил кружком каллиграфии, читал лекции по живописи и писал статьи о политике — словом, был истинным «человеком культуры», *бундзин*, в средневековом значении этого слова.

Отец Хэкигодо был известным ученым-конфуцианцем, знатоком китайской литературы и философии из города Мацуяма. У него под-ростком обучался Сики, который очень дорожил вниманием старшего товарища, сына своего наставника. Так зарождалась эта дружба, длившаяся много лет и пережившая обоих поэтов на страницах био-графических трудов.

Хэкигодо первым последовал за Сики, проводившим радикаль-ную реформу традиционной поэзии, а после смерти друга занял осво-бодившееся место редактора рубрики «Хайку» в центральной газете «Ниппон симбун» и продолжил пропаганду принципа объективного реализма *сясэй*. Важной предпосылкой для создания *хайку* нового стиля он считал обилие впечатлений, почерпнутых в путешествиях. Однако вскоре Хэкигодо заговорил о необходимости более радикаль-ного обновления старинного жанра, апеллируя к модным по тем вре-менам установкам натурализма. Его кредо сводится к сочетанию вы-сокого и низменного, патетического и прозаического:

Варю картошку.
В безмолвном просторе Вселенной
ребенок плачет...

Возглавив поэтическое общество «Хайдзаммай», Хэкигодо после-довательно выступал за модернизацию *хайку* — введение новой лек-сики, постепенный отход от старой грамматики *бунго*, а в дальнейшем и за разрушение строгой ритмической схемы семнадцатисложного стихотворения в пользу создания вольных краткостишй. Его трак-тат «О поэзии без сердцевины» («Мутюсинрон») призывал к изобра-

жению «чистой натуры» без привнесения в нее человеческих действий и оценок. Он также признавал за поэтом право писать без оглядки на традицию, используя любой материал из области повседневного быта, а позже пришел к отрицанию святыня святынь — сезонного деления в тематике *хайку*.

Несмотря на преданность заветам учителя, Хэкигодо настойчиво выступал за реформы, противопоставляя свои «*хайку* нового направления» всем прочим, особенно традиционной лирике Такахама Кёси и его сподвижников. В 1907 году неутомимый пропагандист отправляется в грандиозное турне по Японии, встречаясь в городах и весях страны с энтузиастами *хайку* для разъяснения своих взглядов. Спустя некоторое время он повторяет путешествие, проведя в дороге в общей сложности более двух лет. Движение, возглавляемое Хэкигодо, постепенно набирало силу, но к концу 1910-х годов раскололось на несколько группировок и было оттеснено более консервативными школами.

Однако талант и традиционное литературное образование просто не позволили Хэкигодо воплотить до конца в жизнь грандиозные планы реконструкции жанра. Его собственные стихи, собранные в антологиях «Новые *хайку*» и «*Хайку* нового направления», все же большей частью достаточно традиционны и в основном соответствуют нормативам школы Сики. Более смелые эксперименты Хэкигодо, в которых *хайку* лишились канонической четкости ритма, грамматической стройности и лексического изыска, перейдя в категорию короткого прозостиха-*танси*, закончились очевидным фиаско. После того как движение «*хайку* нового направления» зашло в тупик, его глава официально заявил о роспуске школы, а спустя несколько лет — и о своем отходе от поэзии. Последние двадцать лет жизни он к сложению *хайку* более почти не возвращался, но зато опубликовал итоговый сборник статей «Путь к *хайку* нового направления» («Синко хайку э-но мити») и несколько томов интереснейших исследований о творчестве Бусона, продолжив тем самым работу своего друга и неизменного кумира Сики.

Хэкигодо вдохновил на поиски новых путей ряд талантливых молодых поэтов *хайку*: Нагацука Иппэкиро и Огивара Сэйсэнсуй продолжили и развили формалистические эксперименты Хэкигодо, стремясь полностью избавить *хайку* от обременительных традицион-

ных ограничений в области метрики, ритмики, грамматики и образности. В начале своей литературной деятельности они решительно отказались от старинной грамматики *бунго* и сезонных слов *киго*, хотя впоследствии во многом отошли от революционных принципов, периодически возвращаясь к «ортодоксальным» трехстишиям.

СТРАНСТВИЯ ДУШИ: САНТОКА И ДРУГИЕ

Если для Сики, Хэкигодо и Кёси *хайку* были любимым занятием и профессией, а для Сосэки и Акутагавы — одной из форм раскрытия их литературного дарования, то для иных поэтов они становились стилем и смыслом жизни, как некогда для Басё или Кобаяси Исса. Более того, *хайку* в этом случае сопрягались с религиозным мирозерцанием и становились формой активной медитации, единственно возможным путем достижения космического единства Неба, Земли и Человека.

В истории многих литератур Европы и Азии можно найти легенды о поэтах-странниках, не имевших пристанища в этом мире и черпавших вдохновение в бесконечных скитаниях по свету. Может быть, нигде муза дальних странствий так не влекла поэтов, как в Японии, где устав дзэнского монашеского странничества соединился с обычаем поэтического паломничества к прославленным святыням, заповедным озерам и рекам, снежным вершинам и дальним островам.

Особую страсть к путешествиям с незапамятных времен питали поэты, воспитанные в лоне дзэн-буддийской традиции, для которых дальние переходы от храма к храму и сбор подаяния превращались в своеобразную монашескую схиму. Великий Басё обошел с котомкой за плечами всю Центральную и Северо-Восточную Японию, оставив потомкам замечательные путевые дневники со стихами. Его пример оказался настолько заразителен, что в дальнейшем на протяжении веков многие поэты считали своим священным долгом пройти по тем же местам, где ступала нога Учителя. Так, к столетнему юбилею смерти Басё, то есть в 1794 году, по маршруту, проложенному Старцем, устремились целые отряды его почитателей. Для многих и многих поэтов *хайку*, в том числе и вполне обеспеченных материально, дальние путешествия в поисках «художественного материала» и аскетический образ жизни стали неотъемлемой частью творческого про-

цесса. Для иных же именно бедность и неприкаянность оказались единственным путем к самопознанию, к дзэнскому *сатори*.

Так, Одзак Хосай отказался от карьеры преуспевающего служащего ради скитаний и отшельнической кельи в древнем храме. В полном одиночестве, больной неизлечимым недугом, он слагал свои странные, ни на что не похожие краткостишя до самой безвременной смерти.

Танэда Сантока, умерший накануне вступления Японии в «большую войну», являет собой пример последнего дзэнского поэта-странника, свободного от всех условностей и ограничений своей непростой эпохи, от всех искусственных напластований традиции и фракционных литературных пристрастий. Жизнь этого неприкаянного бродяги, чьим кумиром всегда оставался Басё, служит как бы переходным звеном от многих поколений дзэнских мастеров и подвижников прошлого к послевоенному поколению американских поэтов-хиппи, скитавшихся по японским островам в жажде обрести *сатори*.

Выходец из отдаленной провинции, Сантока в восемнадцать лет перебрался в Токио и поступил на литературный факультет университета Васэда только затем, чтобы через год бросить учебу, полностью отдавшись сочинению *хайку*. Семейство Танэда к тому времени полностью разорилось, и неудачливый школяр пустился бродяжничать без гроша в кармане, попутно слагая стихи. На острове Кюсю в монастыре Хоон-дзи он постригся в монахи и снова отправился странствовать с ритуальной дзэнской плошкой для милостыни в руках. Некоторое время он жил в горной хижине в родной префектуре Ямагути. Затем снова последовали годы странствий. На склоне лет поэт-скиталец нашел пристанище на родине Масаока Сики, неподалеку от города Мацуяма, в уединенном приюте, который он назвал Иссо-ан — Убежище одинокой былинки. Хотя среди любителей и знатоков *хайку* Сантока еще при жизни пользовался репутацией виртуоза-эксцентрика, многие его книги стихов и путевые очерки увидели свет только после смерти поэта. Его посмертная слава превзошла все ожидания. Свитки со стихами и каллиграфическими надписями Сантока стали желанной добычей коллекционеров и литературных музеев. О нем было написано множество серьезных исследований, что, впрочем, вряд ли обрадовало бы самого поэта. Ведь он всегда чурался мирских соблазнов, не искал популярности, стремился жить созвучно

но с бегом облаков и током вод. Свою душу, заключенную в лапидарных строках «неправильных», неканонических *хайку*, как и свою брешьную плоть, он считал органической частью Природы. Простота его сочинений порой может показаться чрезмерной, но нельзя забывать, что перед нами чистейший образец дзэнского искусства, где в простом таится сложное, в малом — великое, в пустоте — наполненность:

Ликорис цветет —
и помереть невозможно
в такую пору!..

Естественный ход развития движения *хайку* в начале века должен был привести и привел в конце концов к появлению новых течений и групп, отпочковавшихся от магистральной школы «Хототогису» во главе с Такахама Кёси. К концу 1920-х годов среди вольнодумцев выделялась фигура Мидзухара Сюоси — в прошлом одного из ведущих поэтов «Хототогису» и верного сподвижника Кёси. Пресытившись пейзажной лирикой в стиле «цветов и птиц», Сюоси выступил за решительное обновление жанра. В предисловии к сборнику *хайку* «Кацусика» Сюоси постулировал две возможные концепции восприятия природы, два пути для поэта: «Один — это добиваться полной верности природе, отключая собственный дух-разум, другой — при всем уважении к природе сохранять независимое восприятие и мышление». Он выступал за «очеловечивание» *хайку*, считая, что одной «правды природы» недостаточно для истинного лирика, чья конечная цель — создание высокой «литературной правды», основанной на силе воображения.

Жизнь моя!
Наедине с хризантемой
замру в тишине...

Став во главе журнала «Асиби» («Подбел»), Сюоси снискал немало сторонников среди поэтов *хайку*, которые стремились к расширению возможностей жанра. Однако его энтузиазма хватило ненадолго, и уже к началу 1940-х годов он почти полностью отошел от поэзии, переключившись на литературоведческие изыскания.

К Сюоси потянулись многие поэты *хайку*, начинавшие, как и он, в «Хототогису», но считавшие необходимым расширить границы жанра. Ямагути Сэйси и Като Сюсон, Исида Хакё и Сайто Санки и многие

другие талантливые мастера *хайку* значительно обогатили традиционную поэтику «отражения натуры». Отказываясь от конвенционной образности, они тем не менее сумели донести до читателя завещанную Сики и его преемниками высокую духовность в поэтических этюдах, исполненных глубинного реализма и мощной экспрессии.

Вторая мировая война фактически положила конец славной эпохе японского Серебряного века. Правда, традиционные жанры не только уцелели, но и были широко использованы официозной пропагандой для насаждения «исконно японских духовных ценностей». Многие поэты были вынуждены прямо или косвенно сотрудничать с милитаристскими властями, что нанесло ощутимый ущерб их репутации в глазах публики. Былые поэтические сообщества распались или изменились до неузнаваемости. Вскоре после войны поэзию *хайку* и *танка* захлестнул шквал «демократизации», вызвавший к жизни мириады любительских кружков в среде рабочих, крестьян и служащих. Несмотря на усилия старых мастеров сохранить в чистоте эстетические критерии и техническое мастерство, выработанные поколениями установки лирики *хайку* оказались размыты, молодые профессионалы растворились в массе дилетантов, и сочинение *хайку* с тенденцией к «интернационализации без границ», по сути дела, превратилось из высокого искусства в популярное хобби. Однако творения великих мастеров Нового времени не были забыты, навсегда оставшись в сокровищнице японской поэтической классики.

Памятники в виде бронзовых скульптур и монументальных композиций увековечили классиков *хайку* уже в XX веке. Однако задолго до этого их творения были представлены по всей стране на бесчисленных скрижалях, запечатлевших благодарность японского народа хранителям славной литературной традиции. Тысячи каменных стел с тщательно отобранными шедеврами Басё, Бусона, Исса, Сики, Кёси и других великих мастеров жанра *хайку* воздвигнуты в буддийских храмах и синтоистских святилищах, в призамковых садах и в общественных парках, возле мемориальных музеев и воссозданных хижин, формируя уникальную поэтическую каменную летопись, ныне доступную миллионам людей. Но истинный залог бессмертия *хайку* не в камне, а в слове, в бесхитростной и гениальной поэзии самой жизни, которая сегодня нашла признание на всех континентах.

Александр Долин

СВЕДЕНИЯ О СОСТАВИТЕЛЕ И ПЕРЕВОДЧИКЕ

Александр Аркадьевич Долин (р. 1949) — известный российский ученый, профессор японской литературы Школы востоковедения НИУ ВШЭ, заслуженный профессор Международного университета Акита (Япония). Его перу принадлежат фундаментальные многотомные исследования по японской поэзии Средневековья и Нового времени, монографии по истории и философии традиционных воинских искусств Востока, книги по русской литературе, философии, социальной психологии, опубликованные на нескольких языках, серии статей в центральных японских журналах.

В переводах А. Долина выходило множество поэтических сборников и антологий, представивших читателю японскую поэтическую традицию с древности до наших дней («Осенние цикады». М., 1983; «Одинокий сверчок». М., 1987; «Кокинва-касю». М., 1995; «Ветер в соснах». СПб., 1997; «Старый пруд». СПб., 1999; «Багряные пионы». СПб., 2000; «Танэда Сантока». СПб., 2001; «Мерцание зарницы». СПб., 2020; «Лепестки на ветру». СПб., 2020 и многие другие). Лауреат премии Всеяпонской ассоциации художественного перевода «За особый вклад в развитие культуры».

BECHA

НОВЫЙ ГОД

За праздничный стол
по-свойски уселась кошка —
старый год проводить...

Исса

Вот лягу я спать,
а наутро проснусь и увижу —
Новый год на дворе!

Исса

Утро в Новый год¹ —
как и в древности, гудят
сосны на ветру...

Оницура

Вот и Новый год!
Бодро напевает ветер
в соснах на мысу...

Тодзан

¹ *Новый год* — зд.: первый праздник весны по лунному календарю.

Небо в Новый год —
облака, застывшие в небе
пятицветной грудой...

Рогэцу

Новый год наступил,
а в хижине все как было —
и нечего желать...

Нанси

Первый день в году —
сам исток гармонии
неба и земли...

Сики

Первая птица
пролетела в новом году
на восток от речки...

Рогэцу

Первый день в году.
Ни добра, ни зла в мире нет —
есть просто люди...

Сики

Первый день в году —
чем еще и любоваться,
как не снежной Фудзи!..

Сокан

Первый день в году —
думы о Династии,
о вершине Фудзи...

Мэйсэцу

Всяко хорошо,
всяко старцу душу греет
в первый вешний день...

Рёто

Первый день в году —
вот и он кончается.
Колокол пробил...

Хакки

Первый день в году.
Все, что у меня в душе,
в словах не передать...

Дайо

Первый день в году —
наконец-то он пришел.
Просто новый день...

Хоро

Первый день в году —
беззаботных лиц вокруг
и не сосчитать...

Сигёку

新年

Первый день в году —
вспомнился печальный вечер
поздней осенью...

Басё

Первый день в году —
на столе неприбранный
прошлогодний ужин...

Басё

Первый день в году —
вижу сквозь дверь хижины
поле ячменя...

Сёха

Первый день в году —
жду, когда же запоет
друг мой соловей...

Тёра

Даже женушка
вырядилась, словно гостья, —
вешнее утро...

Исо

Вишь, как рады все!
А по мне — что ж, как обычно,
весна настала...

Исса

Ранней весной
подле дома гуляю в саду,
за калитку не выходя...

Кёси

Подходит весна.
Мой приют среди снегов
под созвездием Ориона...

Фура

Ранней весной
далеко разносится в чаще
рокот быстрины...

Согзё

Снег по весне —
сугробы в тенистой чаще
тускло искрятся...

Фура

Посох в грязь воткнул —
и люблюсь солнышком.
Первый день в году...

Исса

Первый день в году —
а моя лачуга та же,
что и до того...

Исса

新年

Первый день в году —
воробьи ведут свой рассказ
под ясным небом...

Рансэцу

Первый день в году —
и вот оно, всем на радость,
голубое небо!..

Исса

Первый день в году —
не сержусь на тех, кто топчет
белый снежный наст...

Яю

Первый день в году.
А ведь дом мой держится
на дедовском мече...

Кёрай

Хоть на Новый год
снова стать как то дитя
много лет назад!..

Исса

Ветка сливы в руке —
с Новым годом иду поздравить
старых знакомых...

Сики

新年

Новогодний рассвет —
облака вдали розовеют,
будто на картинке...

Сюсай

В новогоднюю ночь
сон увидел — храню его в тайне
и улыбаюсь...

Сёу

Новый год наступил —
беззаботные лица прохожих
вокруг мелькают...

Сигёку

Поздравления
стали так обыкновенны!
Весна у меня...

Исса

Дары в Новый год —
и грудной младенец тянет
свои ручонки...

Исса

В ночь на Новый год
повстречался на дороге
с мертвецом в гробу...

Сики

Веточка сосны —
за три мона прикупил
всю гору Хорай¹...

Исса

Веточки сосны
прикрепил к воротам — а вышло
хуже, чем у всех...

Гэцура

Первый день в году —
кажется уже далеким
вчерашний рассвет...

Итику

Новогодний рассвет —
будто бы на картинке, в небе
облачко повисло...

Сюсай

Новогодний рассвет —
разукрашено ясное небо
струйками дыма...

Исса

¹ *Хорай* (ит. Пэнлай) — мифическая гора на Острове Блаженных. Здесь веточка сосны (традиционное новогоднее украшение) — метафора бесконечной радости.

Приз за «Первый штрих»¹ —
любуется мандарином
славный мальчуган...

Исса

В новогоднюю ночь
так прекрасен был сон, что люди
отказались верить...

Сёу

Новогодний груз —
клячу разукрасили
со всей поклажей...

Сики

Вид с горной тропы —
там, внизу, в городке близ замка
пускают змеев...²

Тайги

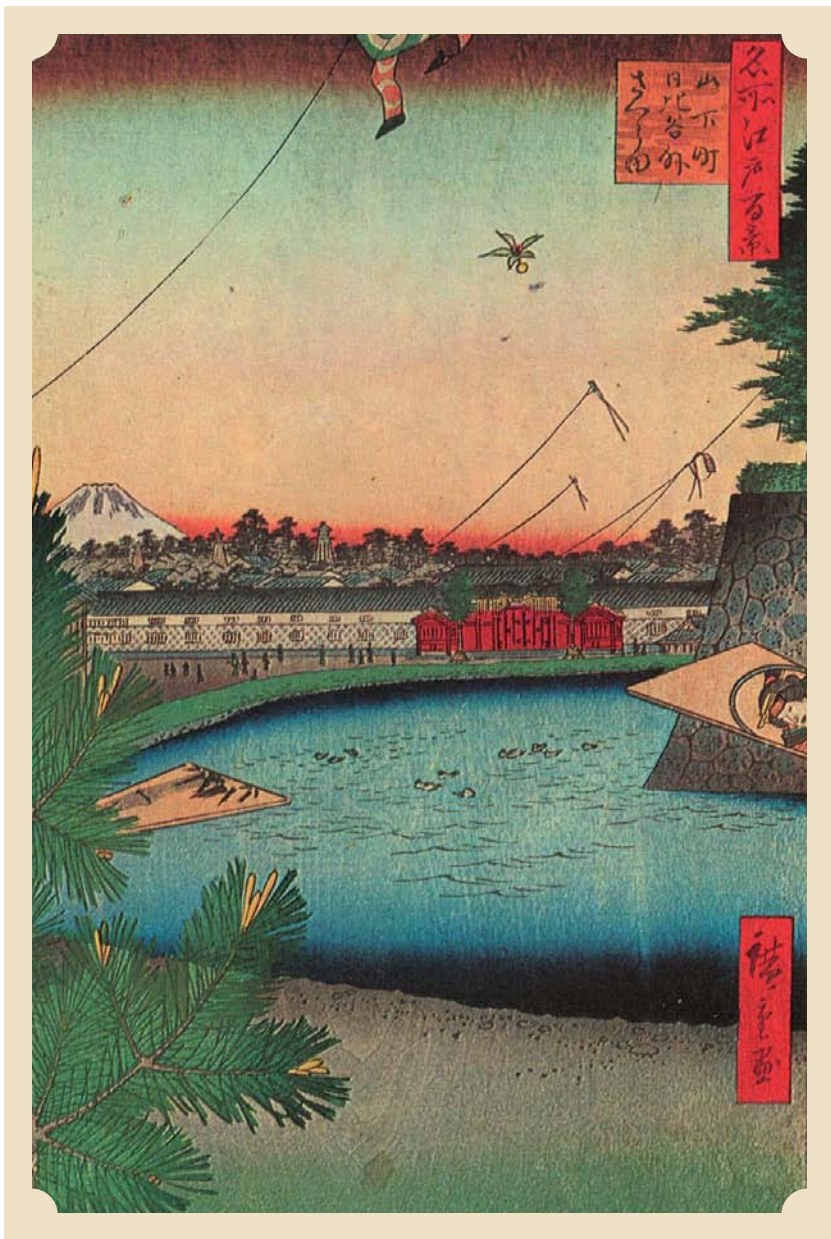
Бумажный змей
куплен, но дитя печально —
ведь идут дожди...

Сёха

¹ Имеется в виду конкурс на лучшую каллиграфическую надпись в день Нового года.

² По старинному обычаю в первые дни нового года принято было пускать бумажных змеев.

山下町
日比谷外
名可江戸百景

江戸百景

Опустился неожиданно
бумажный змей с высоты
в маленький дворик...

Сики

На землю упал —
но у бумажного змея
души-то нету!..

Кубонта

Ведь вот и нынче
зацепился бумажный змей
за дерево эноки...¹

Исса

Змей бумажный висит
снова в небе на том же месте,
где был и вчера...

Бусон

На деревце в поле
застрял бумажный змей.
Весенний денек...

Сики

¹ Эноки — железное дерево.

Замечательный змей
над лачугой нищего взвился
в синее небо!..

Исса

Первый день в году.
Мой грошовый змей с остальными
над Эдо вьется...

Исса

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Весна началась
потихоньку — с первого шага
белого журавля...

Сёха

Весна началась —
на гэта¹ у дверей заметны
остатки грязи...

Исса

Воды зачерпнул —
а в ней разлито сиянье
пришедшей весны...

Рингай

Тени рыб под водой
на дне пруда проступают.
Весенний денек...

Сики

¹ *Гэта* — деревянные сандалии, которые оставляют у дверей, входя в дом.

Весенний денек —
воробьи в саду копошатся
на песчаной куче...

Оницура

Даже тень моя
в преотличном настроенье —
вешнее утро...

Исса

Вешнее утро.
Нынче у каллиграфа лицо
на кисть похоже!..

Хэкигодо

За всех сородичей
купается в талой луже
черная ворона...

Исса

Куры на дворе
завязли во влажной глине —
весенний денек...

Ранко

Тают снега.
Туманом окутаны горы.
Каркает ворона...

Гёдай

春日哉

Вся жизнь — странствие.
Будто поле бороню:
туда, обратно...

Басё

В хижине весна —
ничегошеньки в ней нету,
но все как будто есть!..

Сого

Вишь, глаза прикрыл —
задремал Великий Будда¹
в весенний денек...

Сики

Весенний денек —
шныряют гребные лодки
вокруг корабля...

Сики

Весенний денек —
ни души на улице
в горном хуторке...

Сики

¹ Вероятно, имеется в виду гигантское изваяние Большого Будды в Камакуре.

Рассматриваю
палисадник свой в три сяку¹.
Весенний денек...

Сики

Чайные цветы —
то ли белые они,
то ли желтые...

Бусон

Без всяких прикрас
пожаловала весна —
чуть рдеет небо...

Исса

Весенний денек.
Медленно заходит солнце
за гранью воды...

Исса

Вешние луга.
В чайном домике на стенке
висит сямисэн...²

Сики

¹ Один сяку равняется 30,3 см.

² Сямисэн — популярный трехструнный музыкальный инструмент.

Посреди полей
вознеслась вершина Фудзи —
в Японии весна!..

Соу

И опять весна!
Детской глупости на смену —
стариковская...¹

Исса

Вешнее тепло —
дома вдоль ручья белеют
один к одному...

Сики

Тишина и покой.
В горном храме глядит наружу
монах сквозь плетень...

Исса

Тишина и покой —
забываю о том, как быстро
проходит время...

Тайги

¹ Хайку написано к шестидесятилетию автора, то есть к завершению полного цикла, после чего жизнь как бы следует начинать заново.

Тишина и покой —
хорошо одному сегодня
бродить по округе...

Сики

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Тишина и покой.
На клюку опираясь, гуляю
под сенью сада...

Сики

Тишина и покой.
Сквозь дыру в прохудившихся сёдзи
синее море...

Сики

Тишина и покой.
Тории¹ одиноко маячат
на ячменном поле...

Сики

Тишина и покой.
Возле дома ячменное поле
на косогоре...

Сики

¹ *Тории* — ворота синтоистского святилища.

Тишина и покой.
Вьется дым над горой Асама¹.
Луна в дневном небе...

Исса

О, какая тишь!
Дождь весенний в саду поливает
нераскрывшиеся цветы...

Кёси

На перекрестке
мелет чушь проповедник — но все
веет покоем...

Исса

Долгий-долгий день.
Вот уже и глаза устали
смотреть на море...

Тайги

Долгие деньки!
Удаляясь, копятя,
становятся прошлым...

Бусон

¹ Асама — дремлющий и временами извергающийся вулкан в центральной части острова Хонсю.

諸國六玉川

紀伊高野

風雅集

宣海

忘れず

海やあらん

旅人乃

忘れ

玉川の水

諸國六玉川

Этот долгий день!
Фазан на мосту уселся —
не улетает...

Бусон

Этот долгий день!
Дальним эхом полнится
уголок Киото...

Бусон

Лязг ножниц в саду —
подстригают кустики розы.
Ясный майский день...

Сики

На песке у моря
отпечатались следы.
Долгий вешний день...

Сики

Сто работников
роют землю дотемна —
ох и долог день!

Сики

Иду вдоль реки —
а моста все нет и нет.
Долог нынче день...

Сики

Как состаришься —
так и в долгий вешний день
слезы на глазах...

Исса

Вешний денек —
продавец цветов появился
с черного хода...

Сики

Весенний день —
как играют, переливаясь,
перья павлина!..

Мэйсэцу

遅
き
日
也

Пока я дремал,
утомившись от работы,
настала весна...

Кито

Весна наступила.
На магнолии ярость излив,
угомонился ливень...

Дакоцу

Сиянье весны
шумом крыльев пробудила
эта стая птиц...

Тёра

Вспомнил — и пошел
подмести свой палисадник.
Весенний вечер...

Тайро

Вечер весенний.
Угощение на столике-дзэн
под зажженной лампой...

Сики

От одной свечи
я другую зажигаю —
весенний вечер...

Бусон

春の光

Вечер весенний.
Над сплетением голых ветвей
восходит месяц...

Сики

Весенний вечер.
Всеми красками сверкает
горка леденцов...

Бося

Весенний вечер.
Под струю из горячих ключей
подставляю ноги...

Рогэцу

Взял и просто так
зажег свечку благовоний
в весенний вечер...

Бусон

Короткая ночь.
Слышу — будто бы под подушкой
грохочет поезд...

Сики

Весенний закат —
будто на хвост наступили
горному фазану...

Бусон

Вешняя ночь —
дома на улочках Нара
в свете фонарей...

Сики

ВЕСЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.
НОЧЛЕГ В ГОСТИНИЦЕ В ОСАКЕ

Темная ночь.
Трется нежной листвой о камни
папоротник в саду...

Сюоси

Кап-кап-кап-кап-кап —
вешней ночью роса во мраке
каплет с листьев дуба...

Кидзё

Весенняя ночь.
Интересно, что читает
сосед-холостяк...

Сики

Весенняя ночь —
непорочную девицу
в жены я беру...

Содзё

春
の
夜

Только и всего —
пара томиков стихов,
свеча вешней ночью...

Фура

Весенней ночью
в комнате выпил воды,
не пролив ни капли...

Иппэкиро

Весенняя ночь.
Идут во тьме с фонарями
несколько слепых...

Кидзё

Весенняя ночь.
Печалью одиночества веет
от анатомической схемы...

Иппэкиро

Театр кабуки
ярко светится сквозь дождь
весенней ночью...

Хисагзё

Закрываю глаза —
и вижу те вешние ночи,
вижу юность мою...

Кёси

Как узнать, кто идет
под покровом ночи весенней,
как узнать, кто идет?..

Сики

Канарейка моя
вырвалась и улетела.
Гаснет вешний день...

Сики

Уходит весна —
и будто бы потяжелела
в руках моих бива...¹

Бусон

Уходит весна,
«шорх-шорх-шорх» прошелестев
в траве на лугу...

Исса

春
の
夜

Верно, нам не прожить
без тревоги, без вечной печали
по весне уходящей...

Кёси

¹ *Бива* — японская лютня.

大和江の夕景

月
野
の
夕

錦
重
画

Весна уходит.
До моих родных краев
целых триста ри...¹

Рогэцу

Те цветы хурмы,
что вчера опали с деревьев,
уж пожелтели...

Бусон

Скорбеть о весне —
о жизни своей быстротечной
безнадёжно скорбеть...

Кёси

На исходе весны
одуванчик, едва распустившись,
уж спешит облететь...

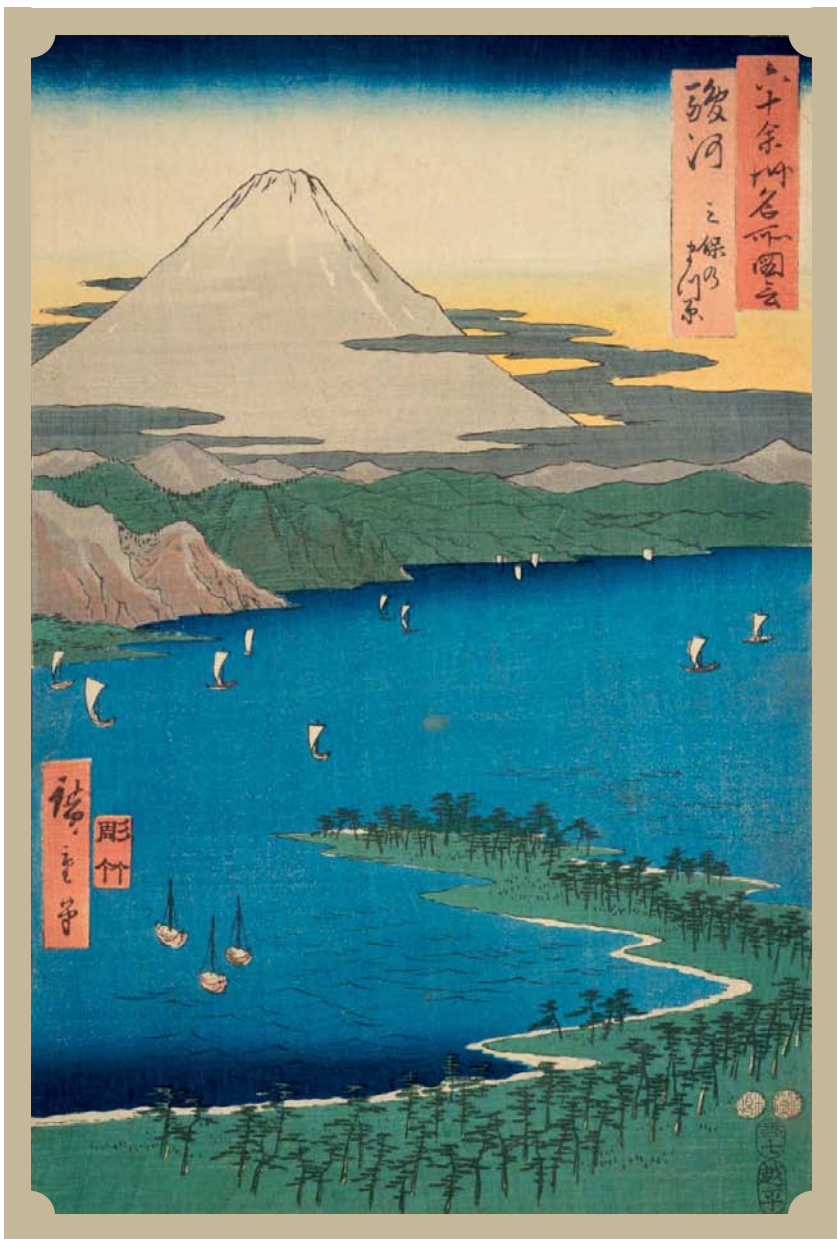
Сики

春
の
夜

Уходит весна —
птицы плачут, у рыб навернулись
слезы на глаза...

Басё

¹ Один ри равен 3,927 км.

Я смотрел, как плывут
облака весны уходящей, —
вдаль они уплыли...

Розэцу

Со свечою в руке
человек гуляет по саду —
проводит весну...

Бусон

Бормочет жаба.
Где оно? Бесследно минуло
весны цветенье...

Сюоси

Фонарь не зажжен —
печалюсь во мраке ночи,
проводя весну...

Кито

За ушедшей весной
подметаю ее остатки —
палые листья...

Бусон

Грустит о весне —
человек вдали исчезает
в роще эноки...

Бусон

Бреду и бреду,
гадая, в какие пределы
весна уходит...

Бусон

Куда же, куда
весна уходит бесследно?
Лодка у причала...

Бусон

Уходит весна.
Очки мои потерялись —
те, что уж не годны...

Бусон

春
の
夜

Уходит весна —
так быстро и незаметно...
Лотосы повсюду.

Сики

Уходит весна,
задержавшись лишь ненадолго
в цветах поздней вишни...

Бусон

Звенит сямисэн
в чайном домике, где, уходя,
весна задержалась...

Сики

Уходит весна,
и в моем дневнике напоследок
о глицинии танка...

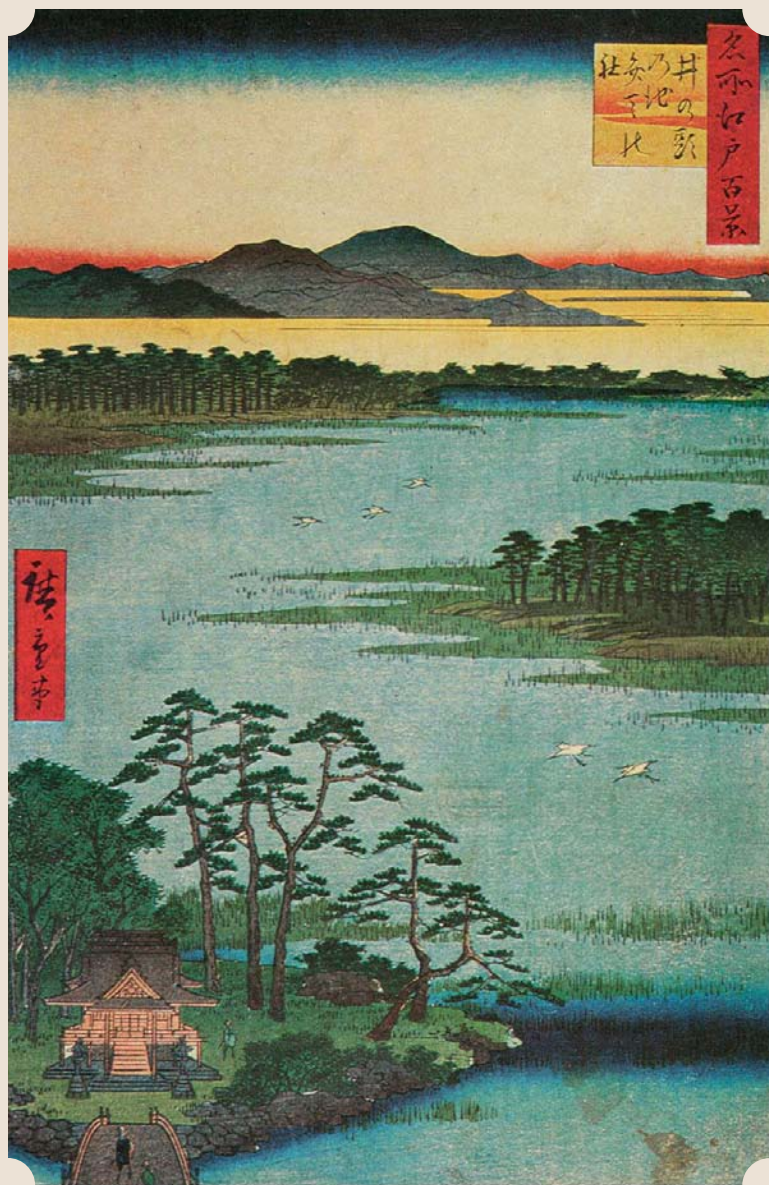
Сики

Уходит весна.
Отвергнутый стихотворец
клянет всех судей...

Бусон

Чан для мытья ног
тоже что-то протекает —
уходит весна...

Бусон

井の歌
社を
これ

名所江戸百景

井の歌

Уходит весна.
Большие волны гуляют
по пруду в горах...

Фура

Уходит весна.
Сквозь щели в плетне белеют
летние цветы...

Бусон

Уходит весна.
Птичье гнездышко притулилось
над моим приютом...

Фура

Кукушка поет¹ —
и цветы на ветвях в эту пору
грусть навевают...

Рогэцу

春
の
夜

Сегодня брожу
еще по весенним кущам —
ну что ж, вот и всё...

Басё

¹ Имеется в виду хототогису — малая (певчая) кукушка.

ВОКЗАЛ В ОСАКЕ

На лицах печаль —
о своем задумался каждый,
с весной прощаясь...

Дакоцу

ВЕРНУВШИСЬ В СВОЮ ОБИТЕЛЬ

Путь мой окончен.
Вновь читаются в облаках
приметы поздней весны...

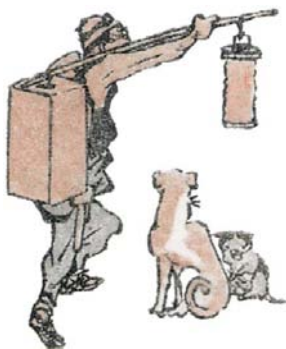
Дакоцу

春
の
夜

Только было я
хотел пуститься в странствия,
как кончилась весна...

Кёси

НЕБО И СТИХИИ

Будто знает меру —
тонким слоем все укрыл
весенний снежок...

Исса

Снежок весенний —
падает себе пока
на морскую гладь...

Фура

Такой липкий-липкий!
Ко всему он пристаёт,
весенний снежок...

Исса

Старая слива —
к жизни душу ее пробуди,
снежок весенний!

Рогэцу

Ранняя заря —
на побегах ячменя
весенний иней...

Оницура

Морозец весной —
на заре в цветочной лавке
горят фонари...

Рогэцу

Весенний дождик —
а на башне сторожевой
иней белеет...

Рюноскэ

Луна да цветы —
так вот без толку я и шлялся
сорок девять лет...

Исса

Открываю глаза —
и вижу в изножье постели
вешнюю луну...

Сики

春
の
夜

И черепаха¹
нынче может время назвать —
весенняя луна...

Исса

Спряталась луна.
По затылку и по коленкам
бежит холодок весенний...

Рогэцу

Пробирает под утро
холодок запоздалой весны.
Так низко висит луна!..

Дакоцу

Холода весною —
сосен прямые стволы
над песками взметнулись ввысь...

Кёси

У оленя в горах
отпали рога — как печальна
лунная ночь!..

Сики

¹ Согласно поверью, в лунные ночи черепаха может издавать звуки — например, оповещать о времени, как петух.

Мелкая речка —
руки, что посуду моют,
в отблесках луны...

Исса

Ручья журчанье.
Цвет сурепки на полях.
Луна в моей ванне...

Рогэцу

В просторах небес
луна весенняя светит —
тени деревьев...

Фура

Личико луны —
на вид годиков двенадцать,
не больше я бы дал...

Исса

Вешняя луна.
Два приятеля-монашка
распевают песни...

Фура

Луна в тумане —
меркнут от заклинаний лягушек
вода и небо...

Бусон

春
の
夜

Мычанье вола
звучит в хлеву возле дома.
Луна в тумане...

Сики

В низовьях реки
шумный плеск от заброшенной сети.
Луна в тумане...

Тайги

Разгорается
потасовка в старой корчме.
Луна в тумане...

Сики

Через речку вброд
несет девушку на закорках.
Луна в тумане...

Сики

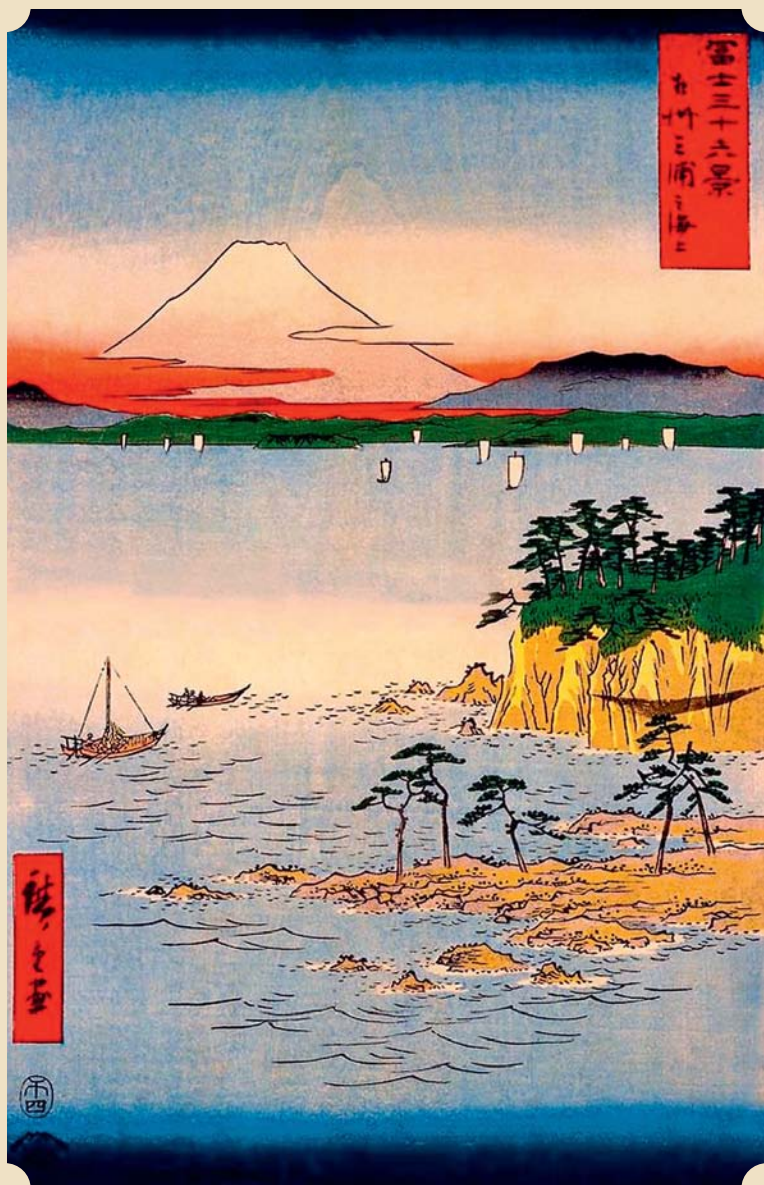
Вечерняя луна.
Над амбаром и над конюшней
ветви слив в цвету...

Мэйсэцу

Стволы берез
залиты лунным сияньем —
а над плетнем туман...

Сюоси

富士三十六景
古州三浦之海上

Под луною слива в цвету.
С моста обрывки беседы
доносит ветер...

Рогэцу

Тень цветущих ветвей
топчу, домой возвращаясь
из сливовой рощи...

Сики

Фонарь засветив,
в час ночной человек гуляет
под цветущей сливой...

Мэйсэцу

ГУЛЯЮ В ПАРКЕ КАЙКО

О алая слива!
Как мил твой весенний наряд
мне, пришедшему издалека!

Кёси

Красная слива —
облетевшие лепестки
собираю с циновки...

Сики

Вот так и застынь,
как стала сейчас — под сенью
сливы в алом цвету!

Кёси

Ты со мной говоришь,
а сама все ближе подходишь
к сливе в алом цвету...

Кёси

Алой сливы цветы.
А сколько же лет той девушке
в соседнем доме?..

Рогэцу

Белой сливы цветы —
как не хочется расставаться
с шалашом из соломы...

Рогэцу

Ветка стоит
в бутылки из-под микстуры —
цветущая слива...

Сики

Этот запах туши!
Сливы внешние цветы
рисую на шелку...

Рогэцу

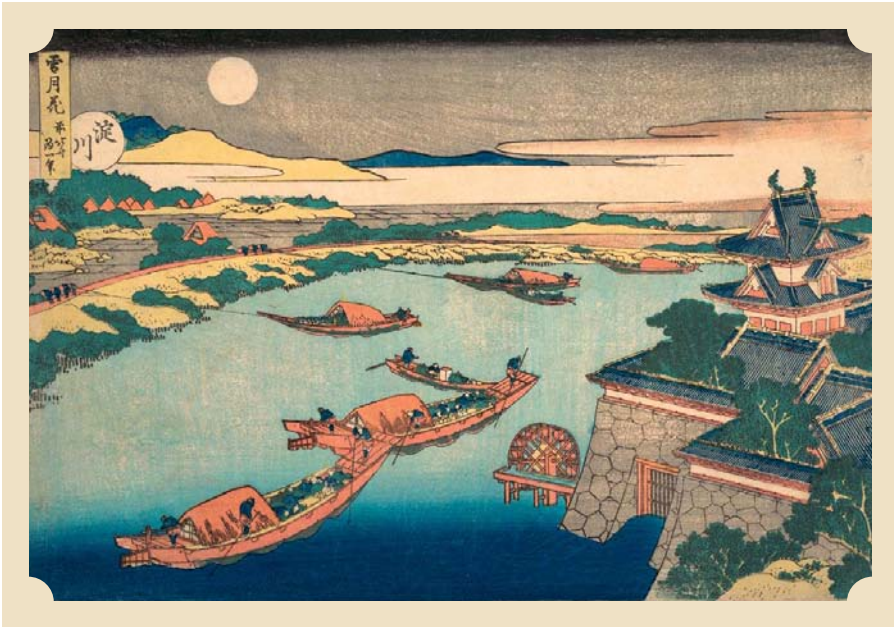
六十余名所圖云

近江 琵琶湖 石山寺

陸奥守

肥竹

Припозднился нынче —
и завтракаю один.
Цветенье сливы...

Такаси

Вот где пересеклись
смысл хайку со смыслом картины —
ветка сливы в цвету...

Рогэцу

Год за годом следит,
как он старится над письменами, —
цветущая слива...

Рогэцу

В знойном мареве
лепестки цветущей сливы
падают на камни...

Сики

В знойном мареве
мелкий гравий на дорожке —
только уложен...

Сики

В знойном мареве
осыпается с шуршанием
песок со скалы...

Дохо

В знойном мареве
с каждым клацаньем мотыги —
пряный дух земли...

Ранко

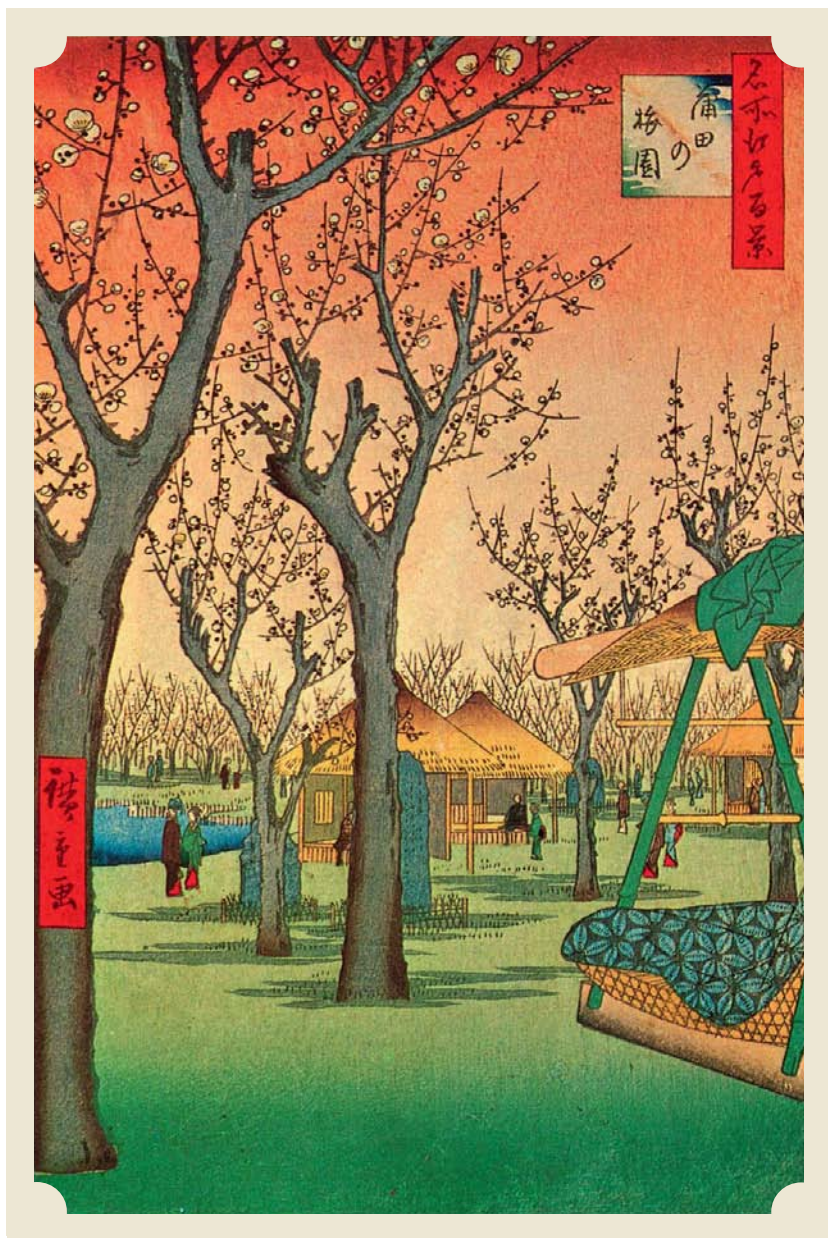

БОЛЬШОЙ ПОЖАР
В КВАРТАЛЕ КАНДА

В знойном мареве
обгорелые руины
трех тысяч домов...

Сики

陽炎

В знойном мареве
лиса весело играет
с выводком лисят...

Бонтё

Призамковый город —
под пологом туч на заре
там и сям дымки...

Рогэцу

Шляпой помахал:
До свиданья! До свиданья!
Легкая дымка...

Исса

Начало весны.
Фонарей мерцанье сквозь дымку
над пирующими в саду...

Дакоцу

Корейский корабль
проплывает вдалеке,
окутан дымкой...

Бусон

На два рукава
луговой ручей разделился,
окутан дымкой...

Сирао

雨後

Цок-цок-цок-цок-цок —
человека не видно в дымке.
Кто же там идет?..

Исса

В туманной дымке
тонут очертанья гор.
Одинокая пагода...

Сики

Вдали сквозь дымку
проступает островок —
волны прибоя...

Сёха

Настала весна —
на заре незнакомые горы
в рассветной дымке...

Басё

В пору рассвета
я один на носу корабля —
кличет кукушка...

Рогэцу

Ранней весной,
возвещая пору рассвета,
звонит будильник...

Фура

ЛЮБУЮСЬ
ЗАГОРОДНЫМИ ДВОРЦАМИ
КАЦУРА И СЮГАКУИН

Нестерпимо блестит
над крышей Кацура солнце —
весенний рассвет...

Кёси

Дымка над травой.
Притихло ручья журчанье.
Близится вечер...

Бусон

Оглянулся в пути —
повстречавшийся мне прохожий
исчезает в дымке...

Сики

Ведь вот и нынче —
и нынче домишко укрыт
туманной дымкой...

Исса

Продад вола —
уводят его из деревни.
Вешняя дымка...

Хякути

朝霞

Вечерняя дымка.
Барабаны гремят у костров,
слышится песня...

Рёта

Деревенька моя!
Как ни прячется в дымке весенней,
до чего же убога!..

Исса

Корабль плывет —
на буксире тащит лодчонку.
Вешняя дымка...

Сики

Еду верхом
на низкорослой лошадке.
Вешняя дымка...

Бусон

Оглянулся в пути —
на заставе огни зажигают.
Вечерняя дымка...

Тайги

Издалека
отзвук колокола донесся.
Вешняя дымка...

Оницура

Дымка висит —
так пустынно и неприятно
в большой гостинной...

Исса

Сумерки в дымке.
Все думы мои о былом —
таком далеком...

Кито

Горная обитель.
Колокола глухой звон
замирает в дымке...

Бусон

Весенний ветер.
За ячменным полем вдали
ручья журчанье...

Мокудо

Ветер весенний
наконец-то утих.
Облачно немножко...

Рогэцу

Ветер весенний!
Друга за плечи обняв,
стою на холме...

Кёси

六十余別名不圖
讚岐 象頭山
北近江

陸奥守

越平

ПРОХЛАДА

Веет прохладой —
челку лошади ветерок
набок относит...

Сики

Под натиском ветра,
во дворах растопившего снег,
громко хлопают створки ворот...

Кёси

Водоросли цветут —
но цветы их одним порывом
срывает ветер...

Рогэцу

Весенняя пахота —
бич взвивается в отблеске лунном.
Крепчает ветер...

Дакоцу

Когда б не ивы,
может быть, он и не дул бы —
вешний ветерок...

Дзёхаку

Вешний ветерок —
вот огонь светильника
в нужнике дрожит...

Исса

Весенний ветер —
завывают, гудят провода
вдоль тракта Токайдо...

Рогэцу

Весенний ветер —
вишь, проветривает зад
кровельщик на крыше...

Исса

春風

Весенний ветер.
Меж деревьев краснеет вдали
стена часовни...

Сики

Весенний ветер.
Вол меня сюда привел,
к храму Дзэнко-дзи...

Исса

«Весенний ветер!» —
и слуга, и господин
толкуют об одном...

Тайги

Совсем позабыл
названия храмов старинных!
Весенний ветер...

Сики

Вестника с письмом
повстречал, открыл посланье —
весенний ветер...

Кито

Весенний ветер —
лавочка бумажных змеев
с утра открыта...

Сёха

春風

Выйдя из дома,
отошел на пять-шесть шагов.
Весенний ветер...

Хэкигодо

Ветер весенний —
налетает, как в первый день
моей болезни...

Иппэкиро

Книжечки в лавке,
и на всех по камешку —
весенний ветер...

Кито

Весенний ветер.
С трубочкой во рту гребет
старый паромщик...

Басё

Весенний ветер.
Доносится с пристани
мычанье волов...

Райдзан

Красотка злится —
донимает ее в пути
весенний ветер...

Гёдай

春風

Весенний ветер —
распушив свой пышный хвост,
гуляет павлин...

Сики

Душистый ветер!
Вдоль дороги в родном краю
вереск цветущий...

Рогэцу

Ветвь дикой розы
согнулась в руках у меня
и сломалась под ветром...

Кёси

Теплый ветерок.
Среди зелени холмов
одинокый храм...

Сики

Весенний ветер.
Вдоль по берегу реки
уходят вдаль дома...

Бусон

Вдали, под луной,
манят ароматом и цветом
грозди глициний...

Бусон

Старый хуторок —
непрерывно у каждого дома
дерево хурмы...

Басё

Лепестки хурмы
принес ветер и развеял
над гречишным полем...

Бусон

Родные края:
плоховато здесь вино —
но гречка в цвету!..

Бусон

НОЧНОЙ ВЕТЕР И ДОЖДЬ
НА РАННЕЙ ЗАРЕ
ПЕРЕШЛИ НА БУРЮ

Ветер на вешней заре.
Где-то в недрах дождя притаился
рыболовецкий порт...

Сюоси

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ В ЛОДКЕ
НА ОСТРОВ КОМАМЭ

Яблонь цветенье —
после недавнего ливня
море белым-бело...

Сюоси

На обочине
кто-то, видно, обронил
цветы гречихи...

Бусон

Что ни возьмешь —
все шевелится, все живое
в час отлива на берегу...

Тиё-ни

Распустились цветы.
Все те, о ком вспоминаю,
ныне так далеки...

Сики

Посреди цветенья
Фудзияма ввысь вознеслась —
в Японии весна!

Сёу

Вот почки раскрылись
на изгороди живой —
не знаю, что за деревья...

Сики

ЦВЕТОЧНАЯ МЕТЕЛЬ

Мой палисадник!
С деревьев из рощи Уэно
намело цветов...

Сики

春風

Метель из цветов!
И где-то неподалеку
музыка играет...

Рогэцу

Вишня цветет в ночи.
Где-то лягушки бормочут
под редким дождем...

Сюоси

За приютом моим
простирается поле горчицы —
в вешнем цветенье...

Рогэцу

СНОВА В ХРАМЕ ТОСЁДАЙДЗИ
Квакает жаба.
Где оно? — Бесследно минуло
весны цветенье...

Сюоси

Дождик весенний.
Виднеется меж деревьев
тропинка к морю...

Сёха

Весенний дождик —
все сложили зонтики,
смотрят книжки в лавке...

Сики

春
雨

Дождик весенний —
всё вокруг отчего-то вдруг
так похорошело!..

Тиё-ни

Бродячая кошка
дремлет на соломе крыши
под вешним дождем...

Тайги

Дождик весенний.
Просвечивает дыра
в ночном халате...

Дзёсо

Дождик весенний.
С ивы сыплется капель,
со сливы — лепестки...

Сёха

То утонут в цветах,
то блеснут меж стволов сосновых
светлые нити дождя...

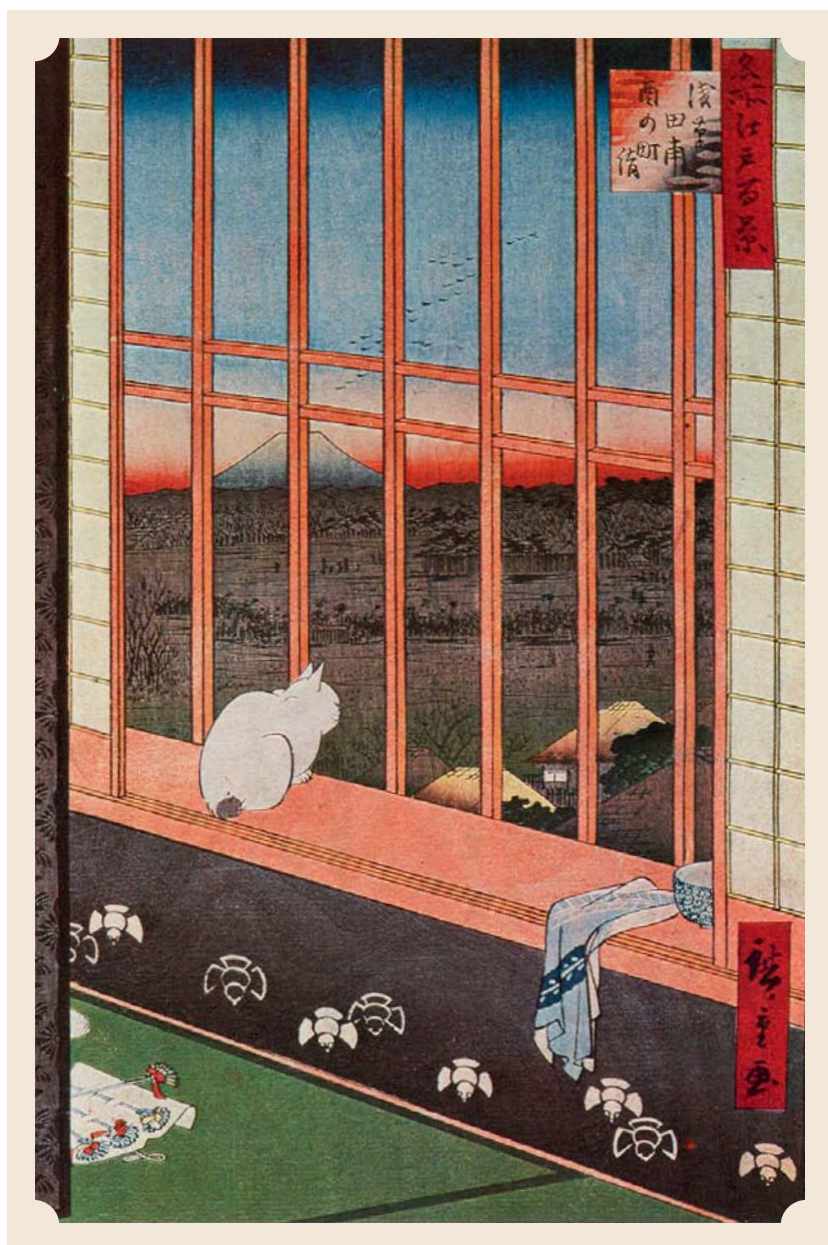
Кёси

Под вешним дождем
мокнет мячик-тэмари¹,
застряв на крыше...

Бусон

春
雨

¹ Тэмари — ручной мячик из цветных ниток.

Мешочки семян
мокнут в поле на меже
под вешним дождем...

Бусон

Бродячий театр.
Флажки-вывески намокли
под вешним дождем...

Сики

В доме кто-то есть —
дымком тянет изнутри.
Дождик весенний...

Бусон

В лодке кто-то есть —
дымком тянет изнутри.
Вешние ливни...

Сики

Дождик весенний.
Гэта из гостиницы в Нара¹
слишком велики...

Бусон

Дождик весенний.
Мокнет в роще на траве
чье-то письмоцо...

Исса

¹ Нара — древняя столица Японии.

Дождик весенний.
С нижних веток дерева
свисают капли...

Басё

Дождик весенний.
Спускаются сумерки.
Вот и день прошел...

Бусон

СОВЕТ ГОЛУБЯ

Послушай, сова,
хватит корчить злую рожу! —
Дождик весенний...

Исса

Ливень весенний —
как же преобразился мир!
Как стал прекрасен!

Тиё-ни

Кисо-река
будто стала еще синее
под майским ливнем...

Сики

Вешние дожди —
неужели озером
станет даже Фудзи?!

Бусон

Вешние дожди.
Кольшется мостик висячий
над рекой Оои...

Сики

Майские дожди —
даже школа сегодня закрыта
в горной деревушке...

Хэкигодо

春雨

Вешние ливни.
Растоптан, лежит на дороге
ириса цветок...

Рогэцу

Вешние ливни.
Каким полноводным вдруг стал
ров вокруг замка!

Сики

Ливень весенний.
Вливаются в океан
мутные воды...

Бусон

И поля, и луга
под завесой весеннего ливня.
Мычит корова...

Рогэцу

Ливень прошел,
но по-прежнему не спадает
духота весенней ночи...

Кёси

Вешние воды.
Кошка упала в поток —
не смогла перепрыгнуть...

Хоро

В ХИЖИНЕ,
КРЫТОЙ СОЛОМОЙ
Что за зонтик ко мне
пожаловал с черного хода?
Ливень весенний...

Сики

春雨

Как же мог он с собой
черную мглу принести,
ливень весенний?!

Кёси

Ливень весенний.
У киоска стою под зонтом —
картинки в книжках!..

Сики

Вешняя гроза —
отставляю тушь, не успев
дорисовать дракона...

Рогэцу

От весеннего ливня
так все потемнело вокруг —
не видно ни зги!..

Кёси

Начало темнеть —
и тут в неистовстве весеннем
обрушился град...

Кито

Весенний дождик.
Учит киску свою танцевать
моя малышка...

Исса

春雨

Весенний дождик.
Жадно-жадно лакает мышь
из реки Сумида...

Исса

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Удзи-река.
Над водой колышутся струи
вешнего ливня...

Сики

Дождик весенний.
Во весь рот широко зевает
смазливая девица...

Исса

Весенний дождик.
В лодке на переправе зонты —
повыше, пониже...

Сики

Весенний дождик.
Цуна¹ рукавом прикрыла
маленький фонарь...

Бусон

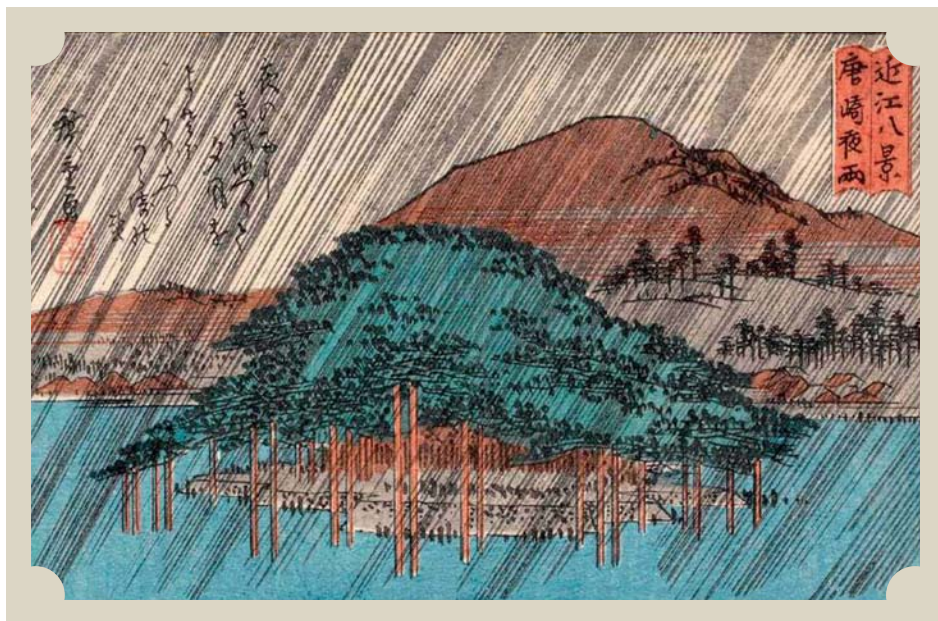
春
雨

¹ Цуна — зд.: имя девушки.

大橋の
夕立
雨

橋
を
渡る

Под весенним дождем
возвращаюсь в свою лачугу,
отведав вкусных грибов...

Рогэцу

Читаю письмо —
ведь и в Эдо он прошел,
весенний дождик!

Оницура

Под весенним дождем
примостились, нахохлившись, птицы
на стене глинобитной...

Сики

春
雨

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Тело мое —
бесплотное, как привиденье...
Весенний дождь.

Сики

Весенний дождик —
на ходу беседуют
плащ-мино и шляпа...¹

Бусон

Весенний дождик.
В такой день обидно тем,
кто не привык писать...

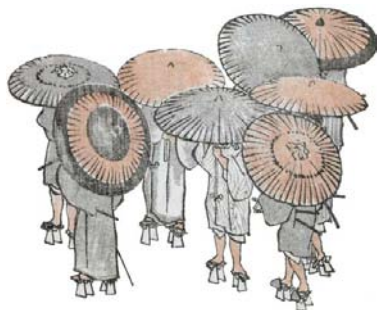
Бусон

Ночью благостно,
днем — покойно, безмятежно.
Весенние дожди...

Тёра

Дождик весенний.
Все несъеденные утки
бодро крикают...

Исса

¹ *Мино* — толстая накидка из пучков соломы, служившая в средневековой Японии и плащом, и зимней одеждой. Широкополая соломенная шляпа тоже воспринималась как род зонта.

ПОЛЯ И ГОРЫ

На дальнем пике
у края провинции
остатки снега...

Сики

Таянье снегов.
Горы в облаках тумана.
Вороны грают...

Гёгай

ЗАМЕТКИ В ГОРНОЙ ХИЖИНЕ

Где-то вдали
свищет ветер по горным дебрям.
Таянье снега...

Дакоцу

Домишки вдали.
Меж стволов бамбука в роще
остатки снега...

Тайги

Тают снега.
На рассвете в дверь постучался
весенний ветер...

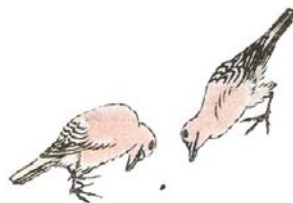
Фура

Хижина моя —
подтаял на крыше снег
так некрасиво...

Исса

На одном плече
статуи Большого Будды
подтаял снежок...

Сики

Поет соловей.
Стаял снег, обнажив на равнине
сухой валежник...

Рогэцу

Вот и тает снег —
у ворот проделал палкой
канавку для стока...

Исса

Модную песню
знают и в этой деревне.
Таянье снега...

Рогэцу

Вот и снег сошел —
в деревне на улице
полно детворы...

Исса

Вот и снег сошел —
крестьяне ведут пастись
своих лошадей...

Сики

Днища котелков
сушатся на солнышке —
и тает, тает снег...

Исса

Нерастаявший снег
блестит на солнце весеннем
у корней старой сосны...

Рогэцу

Смотрят издалека
на остатки снега в долине
дровосеки со склонов гор...

Кёси

Вот растаял лед —
и снова зажили дружно
вода с водою...

Тэйсицу

Растаял лед.
Пух уток-мандаринок
плывет по теченью...

Рогэцу

Обращаясь в рябь,
на осколки распавшись, тает
лед на озере...

Сики

Нижний город —
последний весенний снег
переходит в ливень...

Сики

Вешние воды
текут, текут по полям
с отдаленных гор...

Бусон

Вешние воды,
обнимая могучий валун,
дальше несутся...

Сосэки

Вешние воды —
поток подступает уже
к двери в чайный домик...

Сики

Вешние воды —
ручьи, лужи там и сям,
куда ни взгляни...

Оницура

Среди гор
светлые воды струятся —
вешняя река...

Иппэкиро

С плеском плывет
упавший ствол по течению —
вешняя река...

Мэйсэцу

Нигде нет моста —
а солнце уже заходит.
Вешние воды...

Бусон

Под палой листвой
вновь струятся вешние воды
к корням деревьев...

Рогэцу

Замедли шаги
перед звонким ручьем на лугу,
что вешние воды мчит!

Кёси

В селенье на водах
через мост вереница прохожих
порой весенней...

Рогэцу

Перешла ручей —
а ноги-то все в грязи.
Вешние воды...

Бусон

Вешние воды
омывают опоры моста.
О, эта прохлада!

Рогэцу

Лодка проплыла —
набежала на берег
легкая волна...

Тайги

Ступил на мостик —
стаяка рыб ушла в глубину.
Вешние воды...

Сики

Заходит солнце.
Поток будто бы разбух —
вешние воды...

Кито

Будто вылили
бочку индиго в поток —
вешние воды...

Сики

Вешние воды
заглянули в гости к девчужке,
что живет в низовьях реки...

Кёси

РОМАШКИ

Вешние воды
отхлынули — и ковыляет
крабик меж ромашек!..

Сики

Неужели и впрямь
вы еще журчите в долине,
о вешние воды?!.

Кёси

Корзинка с травой
стоит на безлюдной лужайке.
Вешние горы...

Сики

Будто встали в ряд
вдоль перил на галерее —
вешние горы...

Сики

Алые листья —
горы Дэва уходят вдаль,
вершина к вершине...

Рогэцу

В МИЯСИРО

Северный ветер весной —
будто скривился от холода
солнца лик над горами...

Дакоцу

Тучи в вешний день.
На тропинку в горах спустившись,
гуляет голубь...

Фура

Вкруг деревни сошлись,
по склонам гор прилепившись,
яблони в вешнем цвету...

Кёси

Никого вокруг —
только эти горы да море
под весенним ливнем...

Рогэцу

Гуляю в горах
меж развалин старого замка.
Холода поздней весной...

Дакоцу

春
の
山

Вешние холмы —
одна за другой маячат
круглые вершины...

Сики

Весна холодна.
Лунным светом залиты предгорья.
Мой приют случайный...

Дакоцу

Забавы в горах —
за мною тянется следом
весенняя тучка...

Рогэцу

ВСПОМИНАЮ БЫЛОЕ
НА ГОРЕ ТЭММОКУ

Гор громады вокруг.
О весна! Вспоминаю бывшее,
лик луны золотой...

Дакоцу

Радуга над лугом
и та, в вешнем поле с водой,
встречаются в небе...

Сюоси

Весна холодна.
В глубине заливного поля —
облака без корней...

Мэйсэцу

六十余州名所圖会

因幡
加路小山

因幡
加路小山

名不
如
花
菖
蒲

名不
如
花
菖
蒲

花
菖
蒲

На вешнем лугу
туда-сюда бродят люди.
И что им там нужно?..

Сики

Протопал малыш
по зелени вешнего луга —
пятки мелькают...

Сики

Запах красного шелка,
растянутого для просушки
в погожий весенний день...

Сики

Облаками с вершин
к зеленому лугу нисходят
каштаны в цвету...

Сюоси

День весенний угас.
Лишь где-то вдали за лугом
брезжит сиянье...

Сики

НА ЛУГУ В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Цветущий подбел.
Тишина над лугом весенним —
нет ей сравненья!..

Сюоси

Нынче впервые
приезжает матушка в Эдо —
весенний день...

Сики

Сбор весенних трав —
кто-то с поля окликает —
вон тот платочек...

Кикаку

Гору Фудзи вдали
плащом зеленым укрыла
молодая листва.

Бусон

Сквозь дождь и туман
сегодня не видно Фудзи,
но денек хорош!..

Басё

Все глядят на нее,
любуются зрелищем Фудзи
в ясный вешний день...

Рогэцу

Одна лишь Фудзи
все еще виднеется
над свежей листвой...

Бусон

六十余州名山圖會

三河

鳳來寺
山巖

徳主子

彫竹

Одна только Фудзи
еще видна вдалеке —
весенняя зелень!

Сики

Пью в гостинице —
за метровым окном видно Фудзи
в красе весенней...

Рогэцу

В ХРАМЕ ФУДЗИ

Фудзи скрыта дождем.
Вижу кроны деревьев цветущих —
персики в долине...

Дакоцу

Что за дерево,
мне неизвестно — но ах,
каков аромат!..

Басё

Что там за птица,
мне неизвестно, а сидит
на ветке сливы...

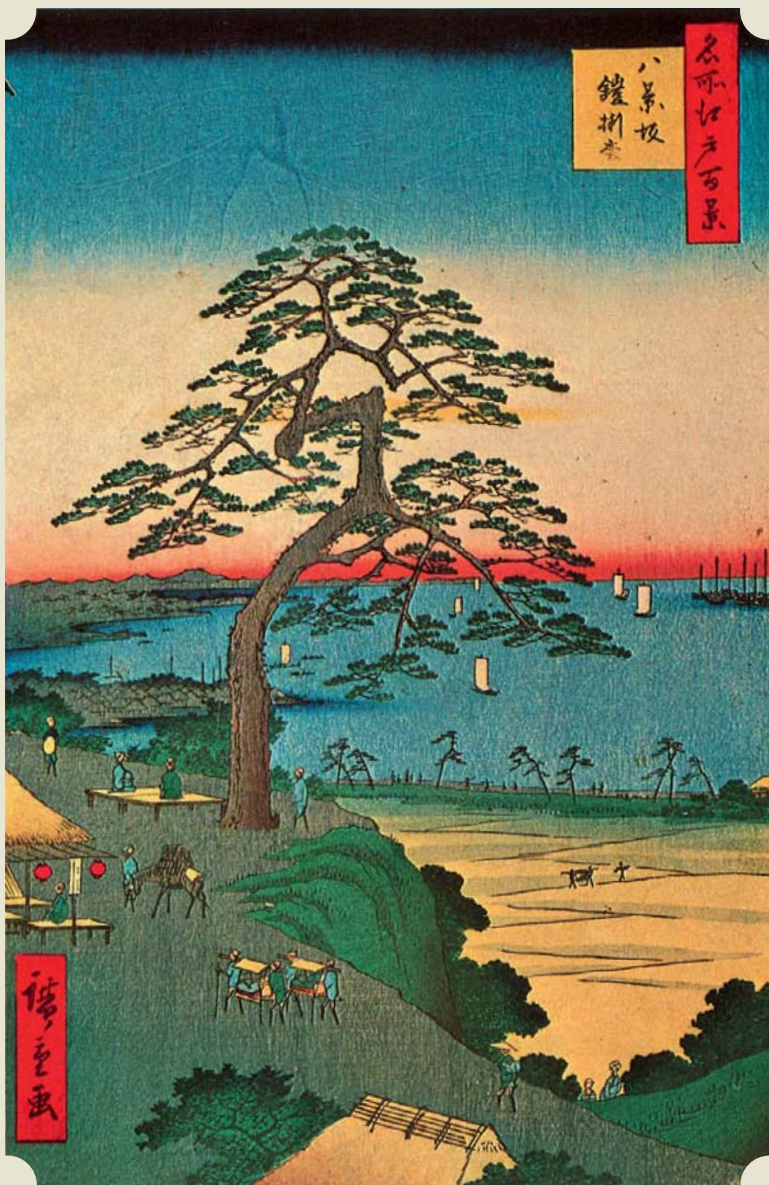
Сики

Вешнее море
тихонько колышется
весь день напролет...

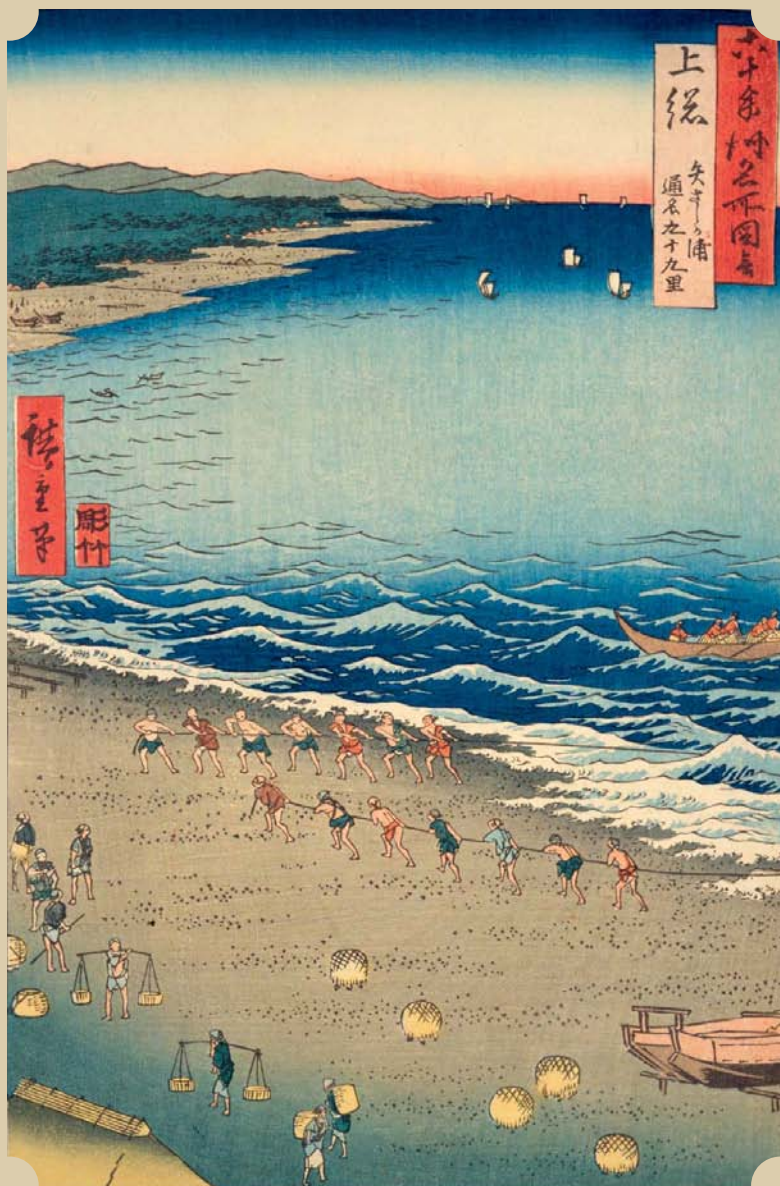
Бусон

名所江戸百景

八景坂
鑑別堂

江戸百景

上総

矢野浦
通名九十九里

上総
下野

陸奥

鹿角

Окаймляя залив,
холмы обозначили берег —
вешнее море...

Рогэцу

Вешнее море —
на островах в отдаленье
россыпь огоньков...

Сики

Вешнее море
отливает в закатный час
темно-зеленым...

Фура

Деревушка у моря —
на гальке блестят под луной
раковины устриц...

Рогэцу

Море на Идзу —
выше алой сливы в цвету
вздымаются волны...

Сюоси

От огней маяка
блики перебегают в бурьяне.
Месяц весенний...

Сюоси

БОГИ И БУДДЫ

Камидзи-яма¹ —
голова моя склонилась
сама по себе...

Исса

Сливы белые цветы —
поселился на время в корчме
подле храма Китано...²

Бусон

Вешняя луна —
льется свет сквозь ветви деревьев
в храме Инкон-до...³

Бусон

¹ Камидзи-яма — небольшая священная гора (а фактически холм) на территории главного синтоистского святилища Исэ.

² Китано (Китано Тэммангу) — храм в северо-западной части Киото, посвященный Сугавара-но Митидзанэ, обожествленному покровителю изящной словесности и науки. Славится великолепным сливовым садом.

³ Инкон-до — придел храма Мёко-дзи в провинции Ямасиро.

Старый храм меж гор —
некому тут поклониться
Успению Будды...

Тёра

ХРАМ РЁАНДЗИ

Подле храма в саду
вечно будет стоять на закате
камень «Закатное солнце»...

Кёси

Хризантемы в цвету —
любуюсь старинной картиной
в храме древней Нары...

Рогэцу

Уж эти цветы!
Так и норовят отвлечь
дремлющего Будду...

Исса

Хотя он и спит,
а все же Будда есть Будда!
Цветы опадают...

Исса

Опадают цветы —
под вишнями в грустном раздумье
каменный Будда...

Сики

Хоть я и дремлю,
как в нирване Шакьямуни,
а комары кусают...

Оэмару

Обитель Тага —
ягодки сакуры¹ под ногами.
Ни души вокруг...

Сики

Прикоснулся к дверям
Золотого флигеля в храме,
где цветет подбел...

Сюоси

Монах задремал —
галерея храма под сенью
цветущей сливы...

Сики

Ведь и Кэнко-монах
собирал молодые хвощи —
любитель весны!..

Рогэцу

¹ Сакура плодоносит мелкими несъедобными ягодами.

Хари-гора вдалеке,
а рядом — храм Амадэра,
сливовым цветом сокрыт...

Кёси

Перед шумной толпой
закрыты ворота храма —
вишни цветут в тиши...

Кёси

Все в лиловых цветах,
поле густо засажено редькой —
храм Дайтоку-дзи...

Кёси

Под весенним дождем
созерцает даль Большой Будда —
такой одинокий...

Рогэцу

Тусклый отсвет луны
над дорогой близ храма Тодай-дзи¹.
Весенняя ночь...

Дакоцу

¹ Тодай-дзи — знаменитый буддийский храм в Наре.
Основан в 728 году.

Храм Оидэра.
Как легко цветы облетают
с прибрежных вишен!..

Сосэки

Посреди полей
затерялось святилище Сума¹
под сенью вишен...

Хэкигодо

¹ В Японии синтоистские святилища, посвященные богам-прародителям и местным божествам, соседствуют с буддийскими храмами.

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

«Уход в чащобу»¹ —
подмастерье бросил змея
и спешит домой...

Бусон

«Уход в чащобу» —
подмастерье видит сон:
бобы в котелке...

Бусон

«Уход в чащобу» —
спит усталый подмастерье
у мамы под боком...

Тайги

В руки беру —
и тут она мне улыбнулась,
куколка в лавке...

Байсицу

¹ «Уход в чащобу» — образное название праздника, отмечавшегося 16-го числа первого лунного месяца, когда хозяева мастерских и лавок отпускали подмастерьев и приказчиков на побывку домой.

諸國六玉川

武彦調布

家集

宮家

御布やう

松の

川

玉川乃里

諸
子
墨

В кукольной лавке¹
зажигаются огни.
Весенний дождик...

Бусон

Крыша в дождь протекла.
Что скажете вы на это,
бедняжки-куклы?..

Исса

Видно, мало тебя
мама в детстве за нос тянула,
курносая кукла!..

Бусон

Под ветром морским
потемнели лица и руки
праздничных кукол...

Исса

Не забыть мне их лиц —
из коробки двух кукол достали
в пышных нарядах...

Бусон

春
雨

¹ Кукол *хина* в красивых традиционных одеждах обычно выставляют на специальную витрину в праздник девочек 3 марта (а до перехода на западное летоисчисление третьего числа третьего лунного месяца).

Случайно заглянешь
в лачугу на склоне горы —
а там наряжают кукол...

Кёси

Проданы куклы.
Одиноко и грустно стоит
Дарума¹ у дороги...

Сики

Нет в доме детей —
вот и кукол нигде не видно.
Вечер в конце года...

Рогэцу

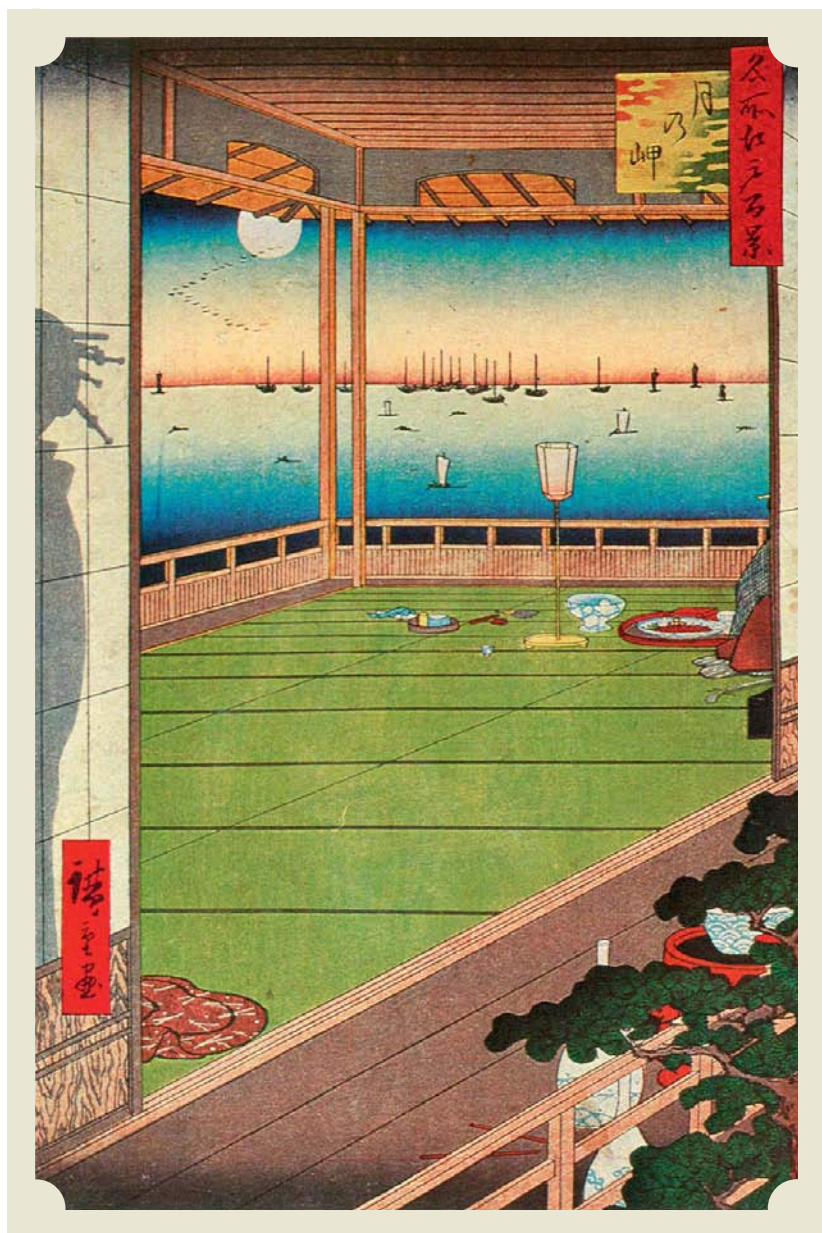
В горном селенье
цветы для праздника кукол —
сережки ивы...

Кёси

У самой нет детей —
и вот качает, качает
красивую куклу...

Рансэцу

¹ Дарума — легендарный основатель дзэн-буддизма Бодхидхарма (VI век), чьи статуэтки в виде неваляшки стали самой популярной игрушкой в Японии.

Те две куклы в углу,
такие чумазые с виду, —
верно, муж и жена...

Исса

Старая кукла
стыдится одежек своих.
Луна над базаром...

Сики

Перед праздником кукол
от жестокого снежного вихря
сотрясается дом...

Кёси

Вот и Дарума
угодил сюда со всеми —
сидит меж кукол...

Исса

Светильник зажег —
теперь от каждой из кукол
легло по тени...

Сики

Эти лица кукол!
Вот не думал не гадал,
а состарился...

Сэйфу

春
の
夜

Куклы выставлены —
и за ними уже не видно
алтаря Будды...

Гёдай

День смены прислуги¹ —
сердце девушки-служанки
полнится печалью...

Рансэцу

День смены прислуги —
вот уж и метла висит
на новом месте...

Яю

День смены прислуги —
да ведь слива цветет все так же,
куда ни пойдешь...

Исса

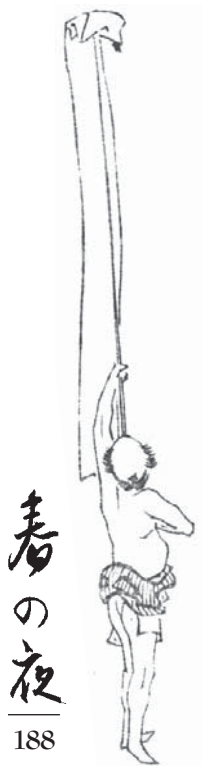
Звездная ночь —
эта ширь небес надо мною!
Простор небесный!..

Сёхаку

Праздничное саке
белое и густое,
словно вареный рис...

Кёси

¹ 5-е число третьего лунного месяца считался днем, когда прислуга в мастерской или лавке могла свободно менять место работы.

Веточки ивы
свисают в жидкую грязь —
время отлива...

Басё

Смотрю на корму
уходящего вдаль корабля
в пору отлива...

Сики

В пору отлива
краб внимательно изучает
след ноги на песке...

Рофю

春の海

Совсем как люди
бродят голуби и воробьи
в пору отлива...

Исса

Когда стемнело,
захотелось по-другому
подстричь все деревья...

Исса

Засветив фонарь,
как подстрижены деревья,
смотрю под дождем...

Сики

Мотыжат поле.
В храме за деревьями
звонит колокол...

Бусон

Что было здесь встарь,
он не ведает — землепашец
мотыжит поле...

Сики

Мотыжат поле
В храме, что на дальней круче,
прокричал петух...

Бусон

На вешних полях
там и сям сверкают мотыги
под ярким солнцем...

Сампу

Бекас упорхнул.
Пробежала рябь по затону —
моют мотыги...

Бусон

Мою мотыгу —
по воде струится рябь.
Утки вдалеке...

Бусон

Старик с мотыгой —
повязка на голове
смялась и сбилась...

Кито

Мотыжу поле —
вон и мой дом среди прочих
виден в сумерках...

Бусон

Возрождение жизни
и перерожденье к смерти —
мотыжат поле весной...

Кигзё

Мотыжу поле —
человек спросил дорогу
да и был таков...

Бусон

Мотыжит поле —
а на вид так неподвижно
застыл на меже...

Кёрай

Спит крестьянин в горах —
под головою мотыга.
Жаворонок поет.

Исса

Вышли поле рыхлить.
Даже птица не крикнет в чаще
на склоне горном...

Бусон

Влажно чернеют
тени на рыхлой земле
в вешнюю пору...

Кёси

Весь день напролет
на одном и том же месте
мотыжит поле...

Сики

畑
う
す

Мотыжу поле.
Недвижное облако в небе —
и то уплыло...

Бусон

Плывут облака.
Человек мотыжит поле
близ Южной горы...

Сики

Перемешанную
с осколками древних ракушек,
пашут землю в полях...

Кусатао

Посадка риса.
Сколько горестей и забот
излито в песне!

Исса

Слушаю сквозь сон,
как поют на севе риса, —
неловко за себя!..

Исса

Дорога в Синано¹ —
там по дальним горным чекам
с песней сеют рис...

Исса

¹ *Синано* — гористая провинция в центральной части острова Хонсю.

Из дому вышел,
услышав негромкий напев, —
в поле сажают рис...

Кусатао

Сеют рис крестьянки —
все измазано в грязи,
исключая песню...

Райгзан

В заливных полях
пробегают рябь под ветром —
посадка риса...

Тайги

Посадка риса —
уморившись, отдыхает
крестьянин в поле...

Какудзё

Шляпа моя
затерялась между шляп
крестьян на севе...

Сико

ПОСАДКА КАРТОФЕЛЯ

Картошку сажать
я закончил — сияет в небе
двухдневный месяц...

Сики

六十餘名不圖云

伯耆

大野
大山彦

雨
田
中
彦

В тени рощицы
мурлычет себе под нос
«Посадку риса»...

Исса

Ростки на поле —
будто бы по ним прошлись
цари — стражи врат...¹

Яха

Ростки на полях —
одни чеки как *тандзаку*²,
другие как *сикиси*...³

Сики

С поля вернулся отец,
на росток пшеницы случайный
во дворе наступив...

Кёси

Рисовые ростки —
пробирается через поле
маленькая змейка...

Оницура

¹ *Цари — стражи врат* — так называемые цари Дэва, повелители четырех сторон света в буддийском пантеоне. Они играют роль парных стражей врат в храмах и изображаются по традиции великанами в угрожающих позах.

² *Тандзаку* — длинный прямоугольный лист бумаги для каллиграфической надписи и стихов.

³ *Сикиси* — квадратный лист бумаги на плотной подложке для картин тушью.

Лесным воронам
тоже нравится смотреть
на ростки в полях...

Сики

Тыква-горлянка
зацвела, когда от флегмы
хрипит живой труп...

Сики

В палисаднике
вожусь с горсточкой семян,
забыв про недуг...

Сики

«Эй, сударики!» —
шелковичных червей в корытце
зовет крестьянин...

Исса

Шелковичных червей
обиходят, но не забывают
про огонь в камидана...¹

Бусон

¹ *Камидана* — маленький домашний алтарь, посвященный синтоистским божествам, в котором следует зажигать светильник.

ПТИЦЫ И ЗВЕРИ

Уж этот соловей!
Так давно устроился
на цветущей сливе...

Оницура

Поет соловей —
старается, разевает
маленький клювик...

Бусон

Головою вниз
запевает соловей
первую песню...

Исса

Поет соловей.
От долины к долине несется
вешних вод журчанье...

Хэкигодо

Соловей поет
и при этом косится недобро
на мою лачугу...

Исса

Поет соловей
под дождем на крутом откосе —
все громче, громче...

Сюоси

А что, в Китае
тоже есть такие ночи?
Соловей поет...

Исса

Соловей запел —
точно в тот же самый час,
что и минувшим днем...

Тёра

Молодой бамбук —
соловей, невидимый в чаще,
поет о былом...

Басё

Непонятно, где
распевает соловей.
Луна в ясный день...

Сиро

Ну что ж, так и быть —
уступлю на время плетень
соловью-запевале...

Исса

На нем соловей —
но все еще плавает в кадке
бамбуковый черпак...

Хоро

Хорош соловей!
Пометил своим пометом
моти¹ на веранде...

Басё

Сидит соловей
и роняет помет на ветки
цветущей сливы...

Оницура

Хорош соловей!
Вытирает грязные лапки
о цветы на сливе...

Исса

Поет соловей,
на ручку мотыги усевшись, —
хутор Маленькой сливы...

Исса

¹ *Моти* — рисовые колобки.

Голосок соловья
так долго-долго звучит,
округло, нежно...

Токо

О тишина!
Как громко льется над долом
соловьиная трель!..

Кёси

Поет соловей —
то туда, то сюда повернется
на цветущей ветке...

Бусон

Под трель соловья,
звучащую в отдаленье,
восходит солнце...

Тёра

Коробка бэнто¹
на развилке дерева.
Соловей поет...

Исса

Варят рис — дымки
так и вьются над деревней.
Поет соловей...

Исса

¹ *Бэнто* — традиционная деревянная коробочка с готовой едой.

Поет соловей.
Вся семья на трапезу
собралась к столу...

Бусон

Среди домишек
порхает туда и сюда,
поет соловей...

Бусон

Поет соловей —
где-то не доходя до рощи,
за ближней ивой...

Басё

Скачет соловей
по заброшенному саду.
Людей не видно...

Сёха

Ушел из дома —
и день мой даром прошел,
без трелей соловья...

Бусон

Выйду за плетень —
знакового соловья
хочу послушать...

Бусон

名所江戶百景

玉川
堤の花

陸奥

Еще и еще
прилетают соловьи —
да скверно все поют!..

Исса

Вот ведь соловей!
Он и пред вельможами
поет все так же...

Исса

Деревушка меж слив —
усевшись на ручку мотыги,
соловей поет...

Исса

Весь день напролет
крестьянин маячит в поле.
Трели соловья...

Бусон

В безлюдном поле
доносятся издалёка
трели соловья...

Рёта

Чайные кусты —
на ранней заре под луною
поет соловей...

Дзёсо

Мою посуду —
но прервусь, чтобы всласть послушать
трели соловья...

Тигэцу-ни

Целый день вдали
заливался соловей —
но вечер настает...

Бусон

Поет соловей —
отчего-то сладкой печалью
полнится сердце...

Оницура

Соловьи поют —
голоса на редкость похожи.
Быть может, братья?..

Исса

Поет по утрам
над крышами жаворонок —
один и тот же?..

Дзёсо

Утром на ветру
ввысь взмывают жаворонки
наискось, рядом...

Рёта

За весь долгий день
еще не нащебетался —
ах, жаворонок!..

Басё

По краю рощи
еще разлит полумрак.
Песня жаворонка...

Исса

Занялась заря.
Из глубин дождя долетает
песнь жаворонка...

Исса

雲雀

Птенцы его ждут —
а жаворонок все вьется
под облаками...

Сампу

В облачной дали
неумолчно льется песня —
этот жаворонок!..

Кёроку

В небесных высях
и не разглядеть его —
поет жаворонок...

Рокуто

Над вешним лугом
звонко жаворонок поет —
вольная птица...

Басё

Голос прянул с небес,
следа за собой не оставив, —
песня жаворонка...

Ампу

И над островком,
где поле мотыжит крестьянин, —
песня жаворонка...

Исса

Жаворонок вспорхнул
и снова пропал меж колосьев —
ячменное поле...

Оницура

Лодка на реке.
Жаворонки порхают —
то слева, то справа...

Ранко

Облака и волны —
а меж ними в небесной дали
песнь жаворонка...

Сэйэн

Тихо в полях —
после сева в вечернем небе
песня жаворонка...

Киин

Жаворонок —
с небес доносится песня,
а сам невидим...

Ампу

Чихнул невзначай —
и тут же исчез из виду
жаворонок в небе...

Яю

С весенним ветром
помериться силой решил —
жаворонок в небе...

Ясуи

Жаворонок —
он тоже спустился с небес:
время обеда...

Исса

За облаками
рассыпается звонкая трель —
жаворонок поет!..

Кёроку

Зеленый ячмень.
Взвился жаворонок над полем —
и вновь опустился...

Оницура

Человек на реке.
С песней жаворонки взмывают
слева и справа...

Ранко

Жаворонок —
и сквозь щебет пронзительный, громкий
голос фазана...

Басё

雲雀

Деревня меж гор.
Фазан одиноко кличет
на крыше дома...

Тёра

Вечерняя тишь.
Охотимся на фазана
в горах весенних...

Бусон

Встрепенулся пес —
спугнул на тропе фазана.
Такарадэра¹.

Бусон

Самка фазана —
удивительно хорош
ее ухажер!..

Тайги

Фазан прокричал,
поглотив единым криком
бескрайние поля...

Ямэй

Фазан прокричал —
будто бы вдали увидел
знакомую гору...

Исса

¹ Такарадэра — буддийский храм неподалеку от Киото.

Ласточка кружит —
тень ее скользит, мелькает
на старой двери...

Сёха

Уронив помет
на картинке в лавочке,
ласточка умчалась...

Бусон

С грустью смотрел я,
как мечется перед дождем
ласточек стая...

Кёси

Через шторку влетев,
льнет к красавице, будто ручная,
ласточка-гостья...

Рансэцу

Заметалась — и прочь
из храмового придела
ласточка рванулась...

Бусон

Кажется мне,
будто ласточки в поднебесье
наделены душой...

Кёси

名所江戸百景

鐘の浜
小網罟

江戸百景

Разинул клювик —
но подкидыша не ждали
у ласточки в гнезде...

Исса

Ряд торговых складов —
за ними веселой гурьбой
ласточки вьются...

Бонтё

Ласточка вьется.
Кувырок — и обратно летит.
Что-нибудь забыла?..

Оцую

Вот так ласточка!
Вылетает из ноздри
Большого Будды...

Исса

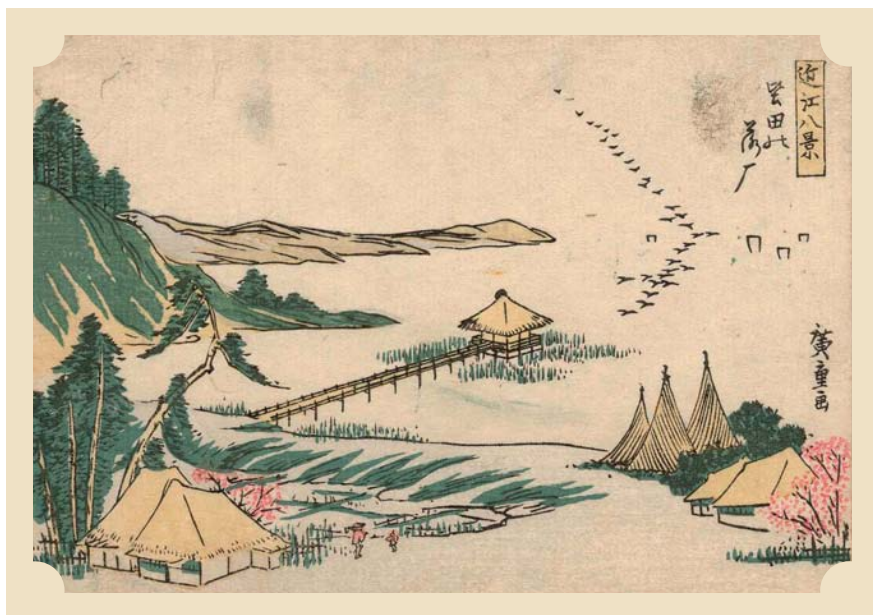
Голову поднял —
голос ласточки видеть хочу,
в небе застывший...

Кусатао

Ласточки верещат —
хозяева дома ночью
прогнали змею...

Бусон

Вечерней порой
вижу ласточку — и тревожусь:
что будет завтра?..

Исса

Нырнув в облака,
вместе с ними несутся на север
ласточки весной...

Дакоцу

Ласточек перекличка
над домом моим в горах —
вот и праздник весны...

Сюоси

Куда так спешат?
Караван гусей перелетных
пролетает ночью...

Рока

Возвращаются гуси
в ночь, когда над полями сквозь тучи
мерцает луна...

Бусон

Возвращаются гуси —
как паломники, спешат
в родные края...

Рансэцу

Улетели гуси —
и поле близ дома теперь
стало мне чужим...

Бусон

С нынешнего дня
ничего не бойтесь, гуси, —
вы в Японии!..

Исса

Гуси по весне —
что за тощие отраженья
в глади озерной!..

Рогэцу

鴈

Гуси: га-га-га!
— Первым я, первым я расскажу
о том, что знаю!

Исса

Щебечут чижи
на берегу по-над речкой.
Клочья облаков...

Тинсэки

По-над морем прошло —
и в сети тумана садится
закатное солнце...

Бусон

Зелень водорослей.
В воду медленно оседает
сиянье солнца...

Сики

Солнце садится —
головастики в темной воде
снуют без конца...

Кёси

Солнце в пору весны
закатным багрянцем пятнает
низкорослый бамбук...

Сюоси

Молодой бамбук.
На сей раз закат встречаю
в селенье Сага...

Бусон

Бамбук посадил —
будто бы и трех дней не минуло,
а уже полнолуние?!

Рогэцу

Лает щенок:
«Тяв-тяв-тяв!» — не нравятся, видно,
ростки бамбука...

Сики

Насмотревшись цветов,
домой возвращаюсь под вечер.
Палые листья бамбука...

Рогэцу

Бухта песен Вака¹.
Журавль с небес опустился
на мусорную кучу...

Исса

¹ Название бухты Вака буквально означает «японские песни».

Под крышей корчмы
воробьи о чем-то щебечут.
Дождик весенний...

Сико

Скачет воробей —
следы его мокрых лапок
по всей веранде...

Сики

Выпал птенец —
его жалобный писк смешался
с писком воробьихи...

Тайги

Воробьи на поле —
а прятаться все летят
в чайные кусты...

Бусон

На бумаге сёдзи¹
тени от листвы саса².
Чирикают воробьи...

Кикаку

¹ *Сёдзи* — заменяющие дверь сдвижные створки из промасленной бумаги.

² *Саса* («бамбуковая трава») — полукустарник, чьи листья напоминают бамбук.

Меж кустиков хаги
весело играет в прятки
выводок котят...

Исса

То к людям летит,
то опять удирает в испуге
воробушек-малютка...

Оницура

Вечно в заботах,
снуют то туда, то сюда
воробьи на гнездах...

Бусон

Эй, воробушек!
Пособи мне, если можешь,
обирать этих вшей!

Исса

Раз-два — и на бамбук,
а теперь на сливу давай-ка!
Скок-поскок, воробьиha!

Исса

Так и сдуло с руки
порывом весеннего ветра
птенца-воробьишку...

Рогэцу

В чайных кустах
воробьи меж кустов резвятся —
играют в прятки...

Исса

Упал из гнезда и
пищит птенец желторотый
вместе с воробьихой...

Тайги

Воробьишки в гнезде
пищат — а им отвечают
мышата из норки...

Басё

Эй, лети ко мне,
воробушек безродный!
Поиграем вместе!..

Исса

Эй, воробушек!
Уходи скорей с дороги —
пожаловала лошадь...

Исса

Бедный воробей!
Измучился весь, исстрадался
в руках у детворы...

Исса

Слепой воробей
примостился на цветочке
вечернего вьюнка...

Гёдай

Словно паломник,
оглянулся воробей
на храм Дзэнко-дзи...

Исса

Хор воробушков
разевает клювики —
все славят Будду...

Исса

На заутреню
и на вынос образов
поспели воробьи...

Исса

Вынос образов —
родители-воробьи
привели детишек...

Исса

Воробушек-птенец
машет-машет крылышками —
уж так всему рад!..

Сэкию

Туда и сюда
скачет, мечется воробья
в тревоге о гнезде...

Бусон

Мама-воробья
все зовет, зовет детей,
усевшись на плетень...

Сики

Пригреешь птенца —
тут, глядишь, и весь в помете.
Ну и воробей!..

Исса

Кот поспал, зевнул —
и принялся за свое.
Кошачья любовь!..

Исса

Рис прилип к усам,
но ему не до того —
кошачья любовь!..

Тайги

Ничего себе!
Крушат каменную стенку! —
Кошачья любовь...

Сики

Играет в мячик
и строит рожицы котенку:
размяукался!..

Исса

Схватили котенка,
положили на весы —
а он все играет...

Исса

Персик у ворот.
Ребятишки на весах
взвесили котенка...

Исса

Разбрасывать рис —
тоже грех! Ведь вон как куры
толкают друг дружку...

Исса

Драчливые петухи
через речку перемахнули —
от людей подальше...

Кёси

Рыбешка-лапша¹ —
сама как белый червячок,
а глазки черные...

Оницура

¹ Рыбка-лапша (ланцетник) — мельчайшие рыбки белого цвета, похожие на лапшу.

Рыбешка-лапша —
побелела, помутнела
в движении вода...

Рансэцу

«Белка-летяга!» —
из-за ивовых ветвей
выглянул малыш...

Исса

Цветы ямабуки¹
не раскрылись пока, и лягушки
прячутся на дне...

Оницура

На переправе
ямабуки глядят из воды —
будто бы тонут...

Кёси

Лягушка сидит
и стихи нараспев читает —
вылитый Сайгё!..²

Исса

Чем не самурай?!
Песнями и доблестью
славится лягушка...

Сокан

山
吹

¹ Ямабуки — мелкие дикие розы желтого цвета.

² Сайгё — великий поэт жанра вака XII века.

Весною поют,
а осенью лишь завывают
эти лягушки...

Оницура

Нырнула одна,
а за ней прыгают с плеском
другие лягушки...

Вакю

Нырнула вглубь —
и вынырнула так же бодро
лягушка на пруду...

Рёта

Идут по мосту —
и внизу на время притихли
песни лягушек...

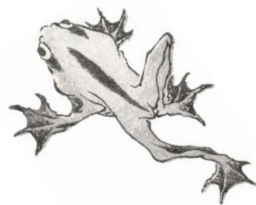
Рёто

Утих ветерок,
очертанья гор прояснились.
Поют лягушки...

Оэмару

Показались на небе
две-три одиноких звезды.
Поют лягушки...

Кикаку

Лунная ночь.
Забравшись на камень, курлычет,
поет лягушка...

Ранко

На листках для письма,
на чеках с ростками риса
резвятся лягушки...

Бусон

Рядышком сидят
все лягушки — друг дружке подружки,
сестренки да братишки...

Исса

Все по-своему —
но страдают от любви
лягушки весною...

Рогэцу

Хочет подразнить —
что за рожу скорчила,
противная лягушка!

Исса

Верно, в гляделки
решила со мной поиграть —
что глядишь, лягушка?

Исса

Вишь, как расселась, —
небось заправила в пруду
важная лягушка!..

Исса

В калитку ко мне,
и не постучав, и не квакнув,
шлепает лягушка...

Исса

Днем: «Скорее бы ночь!»
А ночью: «Скорее бы утро!» —
квакают лягушки...

Бусон

Нырнула одна —
и все попрыгали в воду.
Глупые лягушки!..

Вакю

Лапки в землю уперла
и читает стихи нараспев
важная лягушка...

Сокан

На банановый лист
забралась большая лягушка —
тихонько курлычет...

Кикаку

Уж вот-вот родит!
Вишь, как громко квакает
пузатая лягушка!..

Исса

Плавает в пруду —
и ничто ее не держит,
эту лягушку...

Дзёсо

Так расквакались,
будто подрались друг с дружкой
эти лягушки...

Хокуси

В высокой траве
целый день играют в прятки
зеленые лягушки...

Исса

Ручеек журчит —
и «речной олень»¹ запевает
лягушачью песню...

Рёто

¹ «Речной олень» — аллегорическое название небольшой черной лягушки, чей голос слегка напоминает клич оленя.

Вот продал поле —
и теперь не спится мне.
Поют лягушки...

Хокуси

С блаженным видом
на гряде далеких гор
глядит лягушка...

Исса

Эй, не уступай!
Смелей, хилая лягушка!
Исса с тобою!

Исса

Когда плавает,
так беспомощна на вид
зеленая лягушка!..

Бусон

Нырнув с берега,
не плывет, но по воде
скользит лягушка...

Ракуго

Хорошо ты поёшь!
А еще спляши для нас,
милочка-лягушка!

Исса

В соснах ветра шум
еле слышен — приглушен
пеньем лягушек...

Дзёсо

Короткий привал —
доносится издалёка
пенье лягушек...

Бусон

В беседке сижу
и слушаю ночью весенней
лягушачий хор...

Бусон

Хижина моя —
здесь только и слышно лягушек:
о старости поют...

Исса

Пересохшее поле —
только изредка где-нибудь вдруг
квакнет лягушка...

Оцую

Этот старый пруд!
Вот прыгнула в воду лягушка —
одинокий всплеск...

Басё

Высек огонь —
и заквакали разом лягушки
около дома...

Дзёсо

Уж эта лягушка!
Как ни в чем не бывало прыг-прыг
в ворота дома...

Исса

Ох, ящерица!
И зачем ты выскочила?!
Пугаешь людей...

Райдзан

Улетела бабочка —
отчего-то стало вдруг
легче на душе...

Вафу

НАВЕЩАЮ РОДНЫЕ КРАЯ

Как сердце щемит!
Снова горную бабочку вижу
в своей коляске...

Сюоси

Бабочка на камне —
верно, видит мрачный сон
о жизни моей...

Сики

Грезы о цветах —
расспросить бы бабочку,
да ведь не ответит...

Рэйкан

Снова и снова
бабочка находит путь
в полосках ячменя...

Сора

Колокол в храме —
пристроившись прямо на нем,
дремлет бабочка...

Бусон

Бабочка, проснись!
Ну проснись же поскорее!
Давай с тобой дружить!..

Басё

Да, ты бабочка,
а я живущая мечтой
душа Чжуан-цзы...¹

Басё

¹ Чжуан-цзы (369 до н. э. — 286 до н. э.) — великий даосский мыслитель Древнего Китая, прославившийся парадоксальными образами. В одной из своих притч он пишет, что видел во сне бабочку, а когда проснулся, долго не мог понять, он ли видел во сне бабочку, или же бабочка сейчас видит во сне Чжуан-цзы.

Первая бабочка.
Одиноким странник коснулся
бутонов терна...

Сюоси

Ветер подует —
и подальше перепорхнет
бабочка на иве...

Басё

Стряхнул бабочку —
и опять спокойно дремлет
малыш-оленок...

Исса

Бабочка сидит
на латном затылье шлема
воина из Исэ...

Бусон

Бабочка летит —
спасается от погони
так неторопливо...

Гараку

Телега с землей —
из травы с обочины
бабочка вспорхнула...

Сёха

Бабочки вьются.
От стайки паломников
отстает дитя...

Сики

Из плодов лианы
появляется на свет
эта бабочка...

Исса

Вьется бабочка —
верно, сторожит сегодня
денежки в лавке...

Исса

В лучах заката
посреди жилых домов
бабочка вьется...

Кикаку

Бабочка вьется —
будто в нашем бренном мире
нет ей утешенья...

Исса

Бабочка вьется.
Что есть наша бренная плоть?
Скопище праха...

Исса

Бабочка в саду.
Подползет малыш — отлетает,
подползет — опять отлетает...

Исса

Посреди лугов
одинок бабочка вьется
в лучах заката...

Хокуси

В закатных лучах
одинок бабочка вьется
над переулком...

Кикаку

Так веселы, дружны!
Хотел бы я бабочкой стать
в новом рожденье!..¹

Исса

Без ума от цветов
и от луны в восхищенье —
бабочки вьются...

Тёра

¹ Согласно буддийскому учению о реинкарнации, человек после смерти может воплотиться заново по своим кармическим свойствам в облике мучающегося грешника, мятущегося демона, любого живого существа, человека или небожителя.

Бабочка, бабочка,
что же за сон тебе снится? —
Крылышками машет...

Тиё-ни

Ветер подует —
и на новую ветку вспорхнет
бабочка на иве...

Басё

В путешествие
попрошу-ка бабочку
отправиться со мной...

Сики

На цветочной вазе
внемлет бабочка заветам
будды Амиды...¹

Исса

Бабочка в руке —
кажется, что залетела
из иного мира...

Бусон

¹ Будда Амида (санскр. Амитабха) — верховное божество в буддийской секте Чистой земли.

В тени дерева
делю с бабочкой приют —
тоже ведь карма...

Исса

Слизняки-живородки¹ —
мало их осталось в поле
под вечерней луной...

Бусон

Слизняк-живородка
выбирается из грязи
наверх, на межу...

Дзюдзё

На два-три шага
улитка в саду отползет —
вот день и окончен...

Гомэй

С востока ползет,
направляясь куда-то на запад,
садовая улитка...

Рогэцу

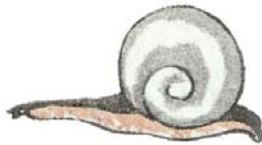
¹ Слизняков-живородок (таниси) крестьяне собирают и употребляют в пищу, считая полезными для здоровья.

По свежей меже
пробирается в рисовом поле,
спешит улитка...

Дая-гзё

Журавли улетели.
Опали сливы цветы.
В сумраке холмы...

Рогэцу

ДЕРЕВЬЯ И ЦВЕТЫ

Вот один упал,
вот еще два падают —
цветы камелии...

Сики

Падает цветок,
наземь расплескав росу, —
ах, камелия!..

Басё

Мой палисадник —
деревце камелии,
всё в белых цветах...

Оницура

Бадью из колодца
вытаскиваю на заре
с цветком камелии...

Какэй

Тают снега.
Камелии подравнялись,
растеряв цветы...

Такаси

Шлепнувшись об пол,
на циновку падает
камелии цветок...

Сирао

Словно лес, поднялись
на утес над гладью морскою
камелий цветы...

Кёси

Только сад подмел —
и опять с камелии
падают цветы...

Яха

Цветок камелии
собрался было упасть,
но застрял в листве...

Сёха

На обрыве камелия —
как прячет она ото всех
свой белый стебель!..

Кусатао

Сколько весен еще
прошумит над старым курганом!
Камелии куст...

Кёси

Налил в вазу воды —
и она от меня получает
ветвь камелии...

Оницура

В речной заводи
робко к берегу прибились
камелии цветы...

Сики

Под зеленью крон,
все в пятнышках тени, белеют
камелий цветы...

Кёси

В лунную ночь
слышу, как опадают с камелий
белые цветы...

Ранко

Ивы у воды.
Лодку ждут на переправе
несколько волов...

Сики

Неровный берег.
Рыбки плавают в затоне
под ветвями ив...

Сики

Обвалился мост —
за ним так печально склонились
ивы над водой...

Сики

Посреди городка
над ручьем так низко склонились
плакучие ивы...

Сики

Там, вдалеке,
полоса канала темнеет
в обрамление ив...

Сики

В горном селенье
цветы для праздника кукол —
сережки ивы...

Кёси

Зажигают огонь
над входными воротами в храме
под сенью ивы...

Сики

Пять-шесть деревьев —
ветвями переплелись
плакучие ивы...

Кёрай

Несколько ив
со всех сторон обступили
маленький домик...

Сики

Ах, как зелены
тоненькие ветви ив
над гладью реки!..

Оницура

АСАХИГАВА

Тающий снег —
так печально над ним склонилась
плакучая ива...

Акутагава

Свисают долу
прямо посреди толпы
веточки ивы...

Рока

В молодой траве
она корни свои потеряла —
зеленая ива...

Бусон

Ива стоит
вся в пуху, словно белая кошка, —
тоже цветенье...

Исса

Случайный прохожий
взглянул — и дальше пошел.
Ива у ворот...

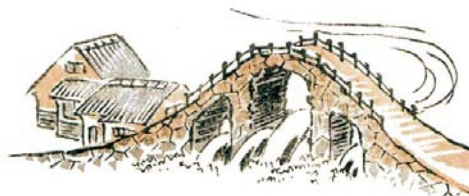
Тёра

В свой родимый край
я вернулся и снова увидел
все те же ивы...

Тёра

Меж зеленых ив
порхает туда-сюда
летучая мышь...

Кикаку

Слышно в чащобе,
как вершит полет свой темный
летучая мышь...

Сики

Наконец-то весна
иву старую преобразила
в нашем горном селенье...

Кёси

Прощаться пора.
Разделяют лодку и берег
лишь ветви ивы...

Сики

Так неохотно
отпускают лодку мою
веточки ивы...

Кито

Всюду голоса —
будто стали от них зеленее
веточки ивы...

Исса

Дремлет щенок,
забыв, что в зубах зажата
веточка ивы...

Исса

Явился рыбник —
предлагает свой товар.
Ива у ворот...

Рока

Не брошу ее —
ветку ивы в землю втыкаю
под шелест дождя...

Бусон

Им всё нипочем!
Нашла себе место ворона
на ветке ивы...

Исса

Так застенчиво
к боку Фудзи прислонилось
деревце ивы...

Исса

Их пять или шесть —
ивы рядышком дружно встали,
сплетая ветви...

Кёрай

Уже уходишь!
Далеко протянулась дорога
в ивах зеленых...

Бусон

У самых ворот
с улыбкой ко мне склонились
веточки ивы...

Исса

Ива у ворот —
захожу, головой раздвигая
густые ветви...

Исса

Всю тяжесть забот,
что обременяют душу,
доверим иве!..

Басё

Сердит на весь свет,
домой прихожу — а навстречу
ива из сада...

Рёта

От той дальней ивы
на дороге через луг
и приходит сумрак...

Бусон

Цветы мушмулы.
Притихли, попрятались птицы.
Близится вечер...

Бусон

Ах, весна моя!
Мне на радость зацвела
слива подле дома...

Исса

Слива подле дома
вот уже зацвела —
а куда ей деться?!

Исса

Не так уж она
озабочена нынче цветеньем —
слива у ворот...

Исса

В доме по углам
все еще таится холод.
Зацветает слива...

Бусон

Вот еще цветок
и еще цветок на сливе —
значит теплеет...

Рансэцу

Наступила весна,
даря нам зрелище это —
луна и слива...

Басё

Лишь для тех сердец,
что не ведают сомнений,
белеет слива...

Мокуин

Слива в холода¹
еще с вечера роняет
на камень лепестки...

Бусон

¹ Слива зацветает в февралю, когда еще возможны местами заморозки.

Сам сказал: «Не ломай!»,
но сломал и отдал мне ветку
в сливовом саду...

Тайги

Два деревца сливы —
хорошо, что цветут они
в разное время...

Бусон

Сливы розовый цвет
между скал, над волнами прибоя,
близ гнездовья чаек...

Сюоси

Вешнее марево.
Слива роняет свой цвет
на серый камень...

Сики

Слива в цвету —
лунный свет прохожего дразнит:
отломи-ка ветку!

Исса

Тропа через луг —
и тут ни белы, ни алы
цветы на сливе...

Бусон

Чуть заметно дрожит
ветка сливы в бутонах набухших —
вспорхнула ворона...

Дакоцу

Слива на берегу —
лепестки опадают в воду
и там исчезают...

Бусон

Подле колодца
с заглохшей, протухшей водой
деревце сливы...

Исса

Ох, сил уже нет
отломить цветущую ветку —
горькая гримаса...

Исса

В поле деревце сливы.
Вижу издали, как человек
ветку ломает...

Хэкигодо

Сливы аромат.
Внезапно восходит солнце
над горной тропой...

Басё

Месяц над горой —
так любезно он озаряет
воришку цветов...

Исса

В соседнем саду
не видно цветущей сливы —
но этот аромат...

Тёра

Слива расцвела.
Покупают новые оби¹
девы веселья...

Бусон

Щебечут птицы,
но деревца сливы в роще
не хотят цвести...

Исса

И моя весна —
тоже радость без конца.
Цветенье сливы...

Исса

Нимб вокруг луны —
не от этого ли аромата
цветущей сливы?..

Бусон

¹ *Оби* — нарядные широкие и длинные парчовые кушаки для кимоно.

Веточка сливы
тому, кто ее отломит,
дарит аромат...

Тиё-ни

Цветенье сливы —
в лунном свете деревья стоят
словно под снегом...

Бусон

Летучая мышь
порхает над сливой цветущей
в лунном сиянье...

Бусон

Сливы белый цвет —
в чайном домике в Китано
гость, борец сумо...

Бусон

В эту пору рассвет
начинается ночь за ночью
с белых цветов сливы...

Бусон

Кто-то сморкнулся,
зажимая пальцем ноздрю.
Цветенье сливы...

Басё

Мотыжит поле,
вытирая руку в соплях
о цветочки сливы...

Исса

Ветви сливы в цвету.
Луна лучом указала:
«Отломи вот эту!»

Исса

Сливы алый цвет.
Обагрены закатом
дубы и сосны...

Бусон

Явился гонец —
вручил ветвь цветущей сливы,
а потом письмо...

Кикаку

Слива опала —
как печально стало теперь
цветущей иве!..

Бусон

Сливы белый цвет
опадает и внутрь, и наружу
садового плетня...

Тёра

Летят лепестки —
на глазах все больше стареет
деревце сливы...

Бусон

Иду зажигать
свечи в стареньком сельском храме —
облетает слива...

Гёдай

Облетела слива —
и теперь наконец-то вновь
вижу храм Тэнно-дзи...

Оницура

Вечерняя луна.
Лепестки отцветающей сливы
ложатся на кото...¹

Сики

Сливы алый цвет —
пламенеют лепестки
на конском навозе...

Бусон

Ранняя заря.
Где-то в персиках цветущих
прокричал петух...

Бусон

Лают собаки —
коробейник в деревню пришел.
Персики в цвету...

Бусон

Дожливый денек.
Далека от дома столица.
Персики в цвету...

Бусон

¹ *Кото* — музыкальный инструмент, японская цитра.

Родные края —
до чего же много в округе
персиков цветущих!..

Сики

Хорошо быть волом!
Поел — и спи себе сладко.
Персики в цвету...

Бусон

Как цветы, на пиру
щечки милой порозовели —
цветущий персик!..

Сики

Один за другим
вслед за сливою зацветают
персик и абрикос...

Хэкигодо

Персика цветы —
и меж ними первые
соцветия вишни...

Басё

Персики цветут
после вешнего половодья
в деревне Дзицука...

Хэкигодо

Маленький домик —
полюбились ему цветы
персика, а не вишни...

Бусон

Крыши стали пониже
в деревушке, где нынче цветут
персик и вишня...

Рогэцу

Персик в вешнем цвету —
деревянную старую чашку
к берегу прибило...

Рогэцу

Фудзи скрыта дождем.
Вижу кроны деревьев цветущих —
персики в долине...

Дакоцу

Этот старый храм!
Кто-то рис в амбар ссыпает
под персиком в цвету...

Басё

Персики в цвету —
а перевозчик оказался
так на ухо туг!..

Сико

Холодное блюдо.
Под цветущим персиком домик
в тени прозрачной...

Рогэцу

Под грушей в цвету
в лунном свете девушка
читает письмо...

Бусон

Белый грушевый цвет.
Я сегодня люблюсь красоткой
около дома...

Сики

Вот тучи ушли —
и сияют над хижиной горной
груши мокрые лепестки...

Сюоси

ЦВЕТЫ ГРУШИ

Перед зарей
так печальны в смутном мерцанье
груши цветы...

Сики

Снег еще не сошел,
а в небе ночном уж белеет
грушевый цвет на ветвях...

Сюоси

Груши расцвели.
От недавней войны остались
руины дома...

Сики

Поле сурепки.
Где-то в самой гуще листвы
звенит кузнечик...

Сёхаку

Цветок сурепки —
одинокое желтеет он
под сенью сосны...

Соин

За полем сурепки
вдали змеится дымок
над горой Асама...

Исса

Цветы сурепки.
Луна в небе на востоке,
на западе солнце...

Бусон

Каменная Дзидзо —
а за ней в просторах полей
цветет сурепка...

Рогэцу

Со склонов Майя
вниз спускаясь, сурепка цветет.
Близится вечер...

Бусон

Цветы сурепки.
Днем издалека донесся
рокот прибоя...

Бусон

Коорияма —
посреди полей сурепки
высится замок...

Кёроку

Поле сурепки.
Воробьи с умильным видом
смотрят на цветы...

Басё

Поле сурепки.
Море в сумерках блестит.
Китов не видно...

Бусон

В полях сурепки
затерялась деревушка —
здесь живут богато...

Сики

名所如月
月黒
多代
地

静
夜草

Цветы сурепки.
Лотос золотой сияет
в храме секты Син...

Сики

Под сенью горы
расцвели цветы сурепки —
весна уходит...

Тайро

То ветер, то дождь,
а в просветах уж видны
цв е т ы н а в и ш н я х...

Тёра

Ручьи в долинах
и скалах заводят песню —
расцветает вишня...

Оницура

Махровая вишня
зацвела второй раз в году —
храм Хорюдзи...

Сики

Над морем встает,
озаряя горную вишню,
вешнее солнце...

Бусон

Только ванну приму,
помолюсь пресветлому Будде —
и люблюсь вишней...

Исса

Колокол в храме —
вишни цветут вокруг,
влажны от облаков...

Сики

Петух прокричал
вдалеке на чьем-то подворье.
Горная вишня...

Бонтё

«Ну и ну! Ну и ну!»
Что еще о вас сказать,
вишни в Ёсино?!.

Тэйсицу

Под вишней в цвету
пруд в парке неподалеку —
головастики...

Такаси

Облака цветов.
Колокол — в Уэно ли,
в Асакусе ли...

Басё

Этот вишенный цвет!
Вишь, и князя он тоже заставил
спешиться пред ним...

Исса

Малыш на качелях —
в одной руке веточка
цветущей вишни...

Исса

Ноги промокли.
Отчего-то вдруг взгрустнулось
под вишнями в цвету...

Такако

«Вишен цвет! Вишен цвет!» —
это всё о них поют,
о старых деревьях...

Исса

Безмолвны цветы,
но для внимлющих ушей
звучит их голос...

Оницура

Оглянулся я —
позади ничего, кроме
цветущих вишен...

Тёра

Смотрю на маяк,
что вознесся над купою вишен
в белоснежном цвету...

Кёси

По всей столице
нынче буйно вишня цветет —
душа в смятенье...

Тёра

СТИХИ О РОДНОМ КРАЕ

Вечер. Вишни в цвету.
В том домишке и в этом тоже
играют на кото...

Кусатао

Толпы людей
то зайдут в цветущие кущи,
то снова выйдут...

Тёра

От всего на свете
отрешился на три дня —
вишня расцвела!..

Рёта

Под вишней в цвету
ни чужих, ни посторонних
и быть не может!

Исса

Стоило труда
на цветущую ветку вишни
фонарь подвесить...

Сики

Голоса услышав,
под вечер слегка зарделась
цветущая вишня...

Исса

Из мешочка достал
запеченный колобок
под вишней в цвету...

Исса

Вишни расцвели,
но все так же служка в храме
твердит молитву...

Оницура

В безвестных краях
так чудесно они распустились —
цветы дикой вишни...

Косюн

Возвращаются в Сага —
и где же они дотемна
любовались вишней?..

Бусон

В клубах тумана
влажны колокол и цветы
соседней вишни...

Сики

И вишне в цвету,
что мир наш земной осеняет,
шепчем: «Славься, Будда!»

Басё

Правда, беден я,
самый бедный из постояльцев, —
а все ж ночлег под вишней...

Эцудзин

Всюду, где на земле
бодхисатва Каннон¹ пребывает,
цветенье вишен...

Исса

Будто бы с небес
лепестки нисходят на землю —
цветенье вишен...

Исса

¹ Каннон (санскр. Авалокитешвара) — бодхисатва, выполняющая функцию богини милосердия.

Привал мой в пути —
сiju под цветущей вишней,
словно в драме но...¹

Басё

Вишен цвет в ночи —
будто бы сошли на землю
небесные девы...

Исса

Вишен цвет в ночи!
Будто бы заслушался
музыкой небес...

Исса

На голом камне
дано мне сегодня спать —
вишен цвет в горах...

Роцу

Заглотив облака,
извергли цветение вишен
горы Ёсино...

Бусон

¹ Но — один из видов японского традиционного драматического театра.

Колокол затих —
только аромат цветенья
сквозит в сумраке...

Басё

Этот бранный мир
близится к Концу времен —
но вишни в цвету...

Исса

Лишь позавчера
шел я через те горы —
вишни в цвету...

Кёрай

Как много всего
оно мне напомнить успело,
цветенье вишен!..

Басё

Цветенье вишен
миновало — и вновь тишина
в храме Эндзё-дзи...

Оницура

Со слугой вдвоем —
топ-топ-топ — шагаем мы
поглядеть на вишни...

Кигин

Будтомышь в норе,
не могу я заснуть сегодня —
смотрю на цветы...

Басё

Недугом сражен,
сколь многое я передумал
под цветущей вишней!..

Сики

Цветенье вишен.
Все, кого я вспоминаю,
сейчас далеко...

Сики

Ну не диво ли —
как ни в чем не бывало жить
под цветущей вишней?!.

Исса

О, наш мир скорбей!
Он таков и в эту пору
цветенья вишни...

Исса

Вишни расцвели —
не хочется умирать,
но этот мой недуг...

Райдзан

名語江戸古景

龜戸
天
境
山

江戸
古
景

ШЕСТЬ ВОЗМОЖНЫХ ИПОСТАСЕЙ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ¹

АДСКИЕ МУКИ

Под вечерней луной
так пищат на сковороде
слизняки-живородки...

ГОЛОДНЫЕ БЕСЫ

Опадают цветы.
Хотел бы воды напиться —
да скрыта в дымке...

ЖИВОТНЫЕ

Опадают цветы —
но они в том не видят ни дхармы,
ни промысла Будды...

ЛЮДИ

Вот мы, людишки,
суетимся, мельтешим
под вишнями в цвету...

¹ Исса в комической форме воспроизводит шесть вариантов перерождения душ после смерти, обозначенных в буддистской теории.

МЯТУЩИЕСЯ ДЕМОНЫ

Под сенью вишен
только крики да перебранка —
спорят игроки...

НЕБОЖИТЕЛИ

Чуть дымка висит —
уж тошно небожителям
смотреть на цветы...

Исса

Вишню вечером
уже можно отнести
к минувшему дню...

Исса

Луна и цветы.
Сорок девять лет блуждаю
без всякой пользы...

Исса

На запад — луна,
на восток передвинулись тени
цветущих вишен...

Бусон

Всем ребятишкам
так радостно солнце сияет
в этот праздник цветов!..

Дакоцу

Малыш на качелях —
как он крепко в ручке зажал
ветвь цветущей вишни!..

Исса

Заливное поле.
Вишни в воду роняют цветы —
луна и звезды...

Бусон

桜

Под вишней сию.
Всюду — в супе и в рыбном салате
лепестки цветов...

Басё

Подметаю сад —
метелка моя позабыла
о зимнем снеге...

Басё

Вот один лепесток
закружился, подхваченный ветром,
и еще, и еще...

Рансэцу

Опавший цветок
будто снова взлетел на ветку —
это бабочка!..

Моритакэ

Посреди ростков
в воде заливного поля
вишни лепестки...

Кёроку

Вот и вечер настал —
весь день облетали под ветром
цветущие вишни...

Тёра

Вишни отцвели —
и сквозь ветви дерев проступили
очертанья храма...

Бусон

Тишина вокруг —
с легким шелестом скользят
лепестки цветов...

Тёра

Все вишни цветут,
мы все любимся ими,
все опадают...

Оницура

Опадают цветы
и ложатся грузом на плечи
немощего старца...

Бусон

Доверься судьбе!
Вот так и цветы опадают
с вишен весенних...

Исса

Утки плавают,
грудью раздвигая слой
опавших лепестков...

Рока

Опали цветы —
и храм теперь оказался
в сплетенье веток...

Бусон

Опали цветы —
и наконец-то покою
предастся сердце...

Кою-ни

Бумажный фонарь —
гляжу, как под ветром ночным
опадает с вишен цветы...

Кёси

Вот и не стало
цветов, что с ветвей облетали,
не познав увяданья...

Кёси

Рот приоткрыв,
смотрит он, как цветы опадают, —
малыш словно Будда...

Тэйсицу

Опали цветы.
Рассматриваю спокойно
бамбук под стрехой...

Сядо

Опали цветы —
и снова все стихло на время
в храме Эндзё-дзи...

Оницура

Через забор
заглянул потихоньку — а там
мак опадает...

Сики

Вишенный цвет,
что душу мне долго тешил,
исчез бесследно...

Исса

Утомившись в пути,
добрел до ночлега под сенью
цветов глициний...

Басё

Глициний цветы —
отдыхает в тени под ними
странная пара...

Бусон

Глициний цветы.
Кивнем на прощанье друг другу
и разойдемся...

Эцудзин

藤
浪

Вешнее солнце
заходит туда, где цветут
грозди глициний...

Исса

Криптомерия
до макушки вся в лозах глициний,
в вешнем цветенье...

Рогэцу

И на тоненьком,
жалком стебле орхидеи
видны бутоны...

Тайги

Орхидеи весной
тоскуют по горному солнцу
незапамятных дней...

Кёси

Орхидея весной
белеет на голом утесе
в зелени мха...

Дакоцу

Ямабуки цветы —
играют желтые блики
в чистой кринице...

Рансэцу

名所江戸百景

昌平橋
更屋
神田川

晴雪堂

Ямабуки цветут
и одновременно уцуги¹ —
а потом шиповник...

Бусон

Ямабуки цветы —
лепестки на ветру порхают.
Плеск водопада...

Басё

Азалии в вазе.
А хозяйка занята чисткой
вяленой трески...

Басё

Наклонился попить —
но ключ надёжно укрылся
в цветах азалий...

Рогэцу

Повсюду вокруг
азалии белой и алой
цветущие кущи...

Рогэцу

В палисаднике
вырываю и вырываю
весеннюю травку...

Райдзан

¹ Уцуги — дейция зубчатая, кустарник с белыми цветами.

Вытянув руки,
бреду по весенним лугам,
раздвигаю травы...

Бусон

Лепестки пиона
оппадают на листья его,
в траву ложатся...

Бося

На солнце весеннем
так и светятся палые листья,
трава сухая...

Рогэцу

Столько названий —
разве же запомнишь все?!
Вешние травы...

Сюдо

ДЕНЬ ЧЕЛОВЕКА¹

Пастушья сумка —
стыдно мне перед цветком
за грязные ногти...

Бусон

¹ Дни недели в Китае и Японии традиционно ассоциируются с курицей, собакой, свиньей, овцой, коровой, лошадью и человеком. В День человека, седьмого числа первого лунного месяца, принято было собирать весенние «семь счастливых трав» на лугу, в том числе цветы пастушья сумки, и варить из них похлебку с рисом.

Только присмотрись!
Цветочек пастушьей сумки
под плетнем расцвел...

Басё

Только присмотрись!
Вон бутоны огурцов
набухли в траве...

Басё

Дальше нет пути —
тут и кончилась тропинка
меж омежника...¹

Бусон

Этот старый храм!
Брошенная сковородка
там, в омежнике...

Бусон

Дорога домой —
побеги весенних трав
вокруг маячат...

Бусон

¹ Омежник — одна из семи весенних «счастливых трав».

Слегка срезал путь —
и тут на Радостном лугу
азалий цветы...

Бусон

На горной тропе
отчего-то так тронули душу
эти фиалки...

Басё

Фиалки цветут —
и снова истоптаны тропы
в лесах весенних...

Сюоси

На берег сошел —
и сразу же под ногами
цветы фиалки...

Бусон

Фиалку сорвал —
вот такое маленькое
сердечко весны...

Гёгай

Сорвать его жалко
и не сорвать тоже жалко —
цветок фиалки...

Нао-гзё

В руки возьму —
и будто еще прелестней
цветок фиалки...

Косю

Ветки хвороста
я принес для очага —
а они все в почках...

Бонтё

Вешние ливни.
Хворост, весь в зеленых листочках,
сложен под застрехой...

Тёкого

夏

ΛETO

ПРИМЕТЫ ЛЕТА

В летних горах
где-то дерево рухнуло с треском —
дальнее эхо...

Мэйсэцу

Нищий бредет —
у него вместо летнего платья
земля и небо...

Кикаку

Тишина вокруг.
Погружается лист каштана
в ручей прозрачный...

Сёхаку

Цветок покажу,
а младенец и не смотрит —
разевает рот...

Сэйфу-гзё

Любуясь вершиной,
под деревом долго лежу
в тени прохладной...

Кёроку

Тихо лошадь трусит.
Будто вижу себя на картинке
среди летних полей...

Басё

Горшочки с цветами —
вот они, стоят рядком
в нашей цирюльне...¹

Сики

Птицы на воде.
Блики фонарей вдали.
Старая столица...

Бусон

Мой родимый край!
Маленькая, но своя
роща зеленеет...

Исса

¹ Вчера цирюльник принес мне в подарок цветок в горшочке. — Примеч. Сики.

Долгий летний день.
О чем-то своем толкуют
лодочка и берег...

Сики

Баркас рыбацкий
в дальних отсветах огней —
пускают фейерверк...

Бусон

Что там за люди
под занавеской рогожной
в рыбацкой лодке?..

Кёси

Удим с лодки бычков.
Прибрежный поселок — на горке
флаг над корчмою...

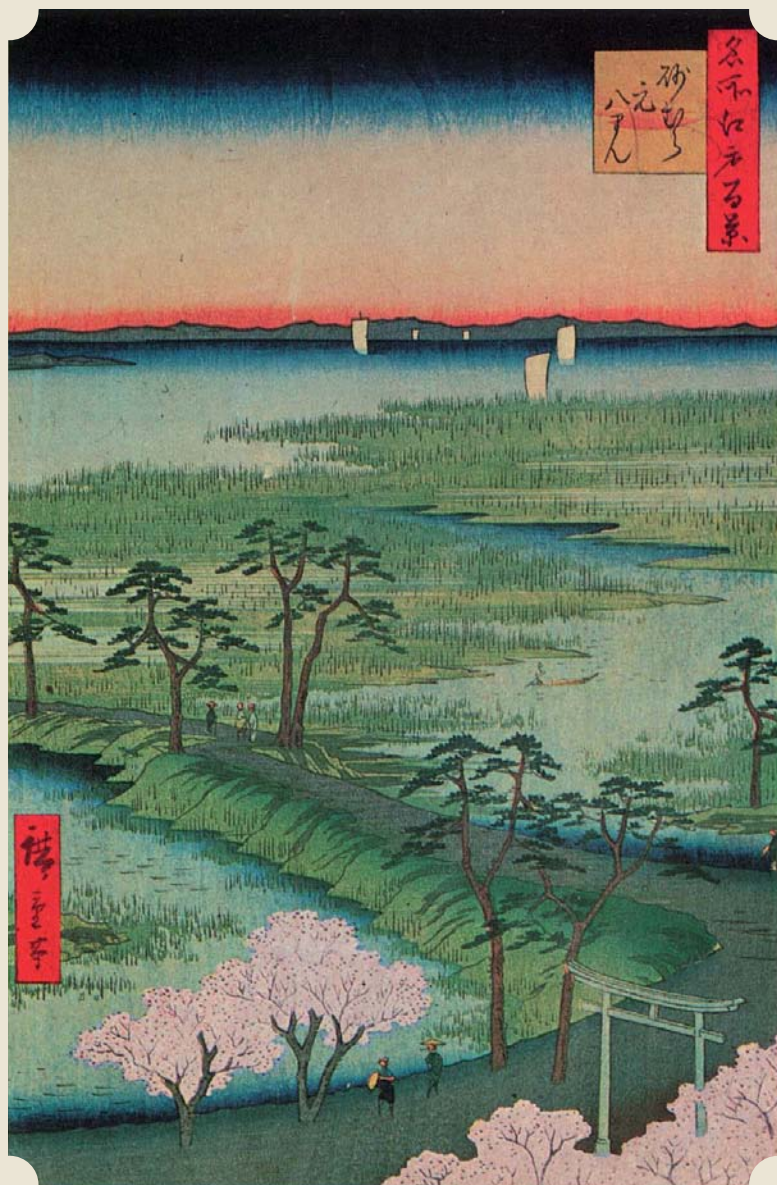
Рансэцу

За воротами храма
песня сборщиков чая — о да,
мы в Японии!..

Кикуся

Шляпу из тростника
у зеркала примеряет —
пора на сбор чая!..

Кико

Цветок орхидеи —
лишь вчера он красовался
у Госукэ в саду...

Бусон

Раннее лето.
Удивительные облака —
белые соцветья...

Кусатао

Большой муравей
еле топает по циновке.
Какая жара!

Сиро

Лошадь в мухах —
теперь не согнать их со шляпы...
Какая жара!

Сики

Какая жара!
На гравийной дорожке
бабочка засохла...

Сики

Жара, духота...
С тяжелым сердцем внимаю
раскатам грома.

Сики

На дороге в Синано¹
будто горы — поклажа моя.
Какая жара!..

Исса

ЗАМОК МАЦУЯМА

Замок на холме.
В жаркий день блестят под солнцем
воробьиные клювы!..

Кусатао

Вот так и глазеет
на голую кручу горы
корова в жаркий день...

Рогэцу

Жаркий денек —
даже в тушечнице осела
песчаная пыль...

Сики

Этот летний зной!
Добрела до храма дырка
в ручке посоха...

Исса

¹ Синано — горная провинция в центральной части острова Хонсю.

Палящий зной.
Там и сям у берега речки
голосов перекличка...

Рогэцу

В палящий зной
рыбаки теснятся друг к другу
на перекатах...

Рогэцу

Глинобитной стене
достался весь жар, все сиянье
закатного солнца...

Сики

Зачахла трава
вокруг хижины моей
от летней жары...

Исса

В летнюю жару
кто-то чахнет день-деньской
над танка да хайку...

Сики

Продавец вееров
ветерок прихватил с собою —
какая жара!..

Како

水口
名所
山の麓

水口

Отгоняет мух
от девушки больной в паланкине —
какая жара!..

Бусон

Крупы рядком —
построились тощие клячи.
Какая жара!..

Сики

Малыш за спиной¹
волосами моими играет.
Какая жара!..

Соно-дзё

Белый песок:
«шорх-шорх» — шуршит под ногами.
Какая жара!

Сики

Птицы робеют —
не садятся на медную крышу.
Какая жара!

Кису

Что за удача
для нашей страны рисоводов —
такая жара!

Исса

¹ Маленьких детей принято было носить на подвеске за спиной.

Дыню разрезал
и ломтик отдал обезьянке —
какая жара!

Кикаку

Дыни, сбросив листву,
на бахче догола разделись —
какая жара!

Кёрай

Хижина рыбака
пропахла вяленой рыбой.
Какая жара!..

Сики

Дальние горы —
вот куда она ушла,
дневная жара!..

Оницура

Чтоб забыть о жаре,
нарисую-ка я, пожалуй,
хоть снег на Фудзи!

Кисоку

Прохладная тень —
меж зеленых всходов в поле
выситя сосна...

Сики

Сосны на островке —
шум ветра в зеленых кронах
веет прохладой...

Сики

Ветер в соснах шумит —
значит снова приходит лето
на свои сто дней...

Кусатао

Поля и горы
еще влажны от ночного дождя —
прохладный рассвет...

Сики

涼
—
と
和

Прохладный денек.
Облака будто горные пики —
повыше, пониже...

Исса

Ничегошеньки нет
в моем доме — только прохлада
и душевный покой...

Исса

Как будто повеял
со взморья ночной ветерок? —
Тронул ветвь мимозы...

Сюоси

Горы и доли,
промокшие под дождем, —
рассвет прохладный...

Сики

В солнечных бликах
искрится вода канала —
рыбаки на рассвете...

Кёси

Летняя прохлада!
Там, вдали, за лапами сосен
проплывает парус...

Сики

涼
—
舟

Облачная гряда —
на юге будто скопление
белых парусов...

Сики

Плывут облака.
Одинокий муравей
в моей тушечнице...

Сики

Бросил монетку¹ —
и в храме присел на веранде.
Вечерняя прохлада...

Сики

Деревушка в горах —
вечерком вкушают прохладу
бедные крестьяне...

Исса

Летняя прохлада!
Под дождем на сосну вползает
паучок-малютка...

Сики

¹ Перед буддийским храмом обычно размещается длинный ларь, накрытый решеткой, куда прихожане бросают пожертвования.

諸國六玉川

北澤瑞在

十歌集

後歌

松の葉を
秋の風ぞ
吹く
玉川の
水かな

瑞在

Даже не слышал,
как пробил колокол вдали, —
вечерняя прохлада...

Исса

Колокол пробил,
наше время отмеряя, —
вечерняя прохлада...

Исса

Только мы с луной
остаемся на мосту —
вечерняя прохлада...

Кикуся-ни

Вечерняя прохлада —
а все-таки хорошо
родиться мужчиной!..

Кикаку

Вышел из ванны —
ветерок повеял в грудь.
Прохладно на крыльце...

Сики

Рыбешки в ведре
и не знают, где оказались.
Вечерняя прохлада...

Исса

Вот ведь человек —
знает все названья звезд!
Прохладно у ворот...

Сики

Прохладная тень
посреди зеленого поля
под сосной одинокой...

Сики

Под инжиром тень —
и сверток снеди со мною...

Сантока

Если явится вор,
вы лягушками обернитесь,
прохладные дыни!..

Исса

На солнцепеке
прикоснулся к камню рукой —
как он прохладен!

Сики

О, эта прохлада!
Сквозь колышущийся бамбук
виднеется море...

Рогэцу

涼
—
と
ろ

Прохладный денек —
на сосну под струями ливня
карабкается крабик...

Сики

Ох и здорово!
Этот шум грозового ливня:
тук-тук-тук-тук...

Сантока

По родной земле
под струями летнего ливня
иду босиком...

Сантока

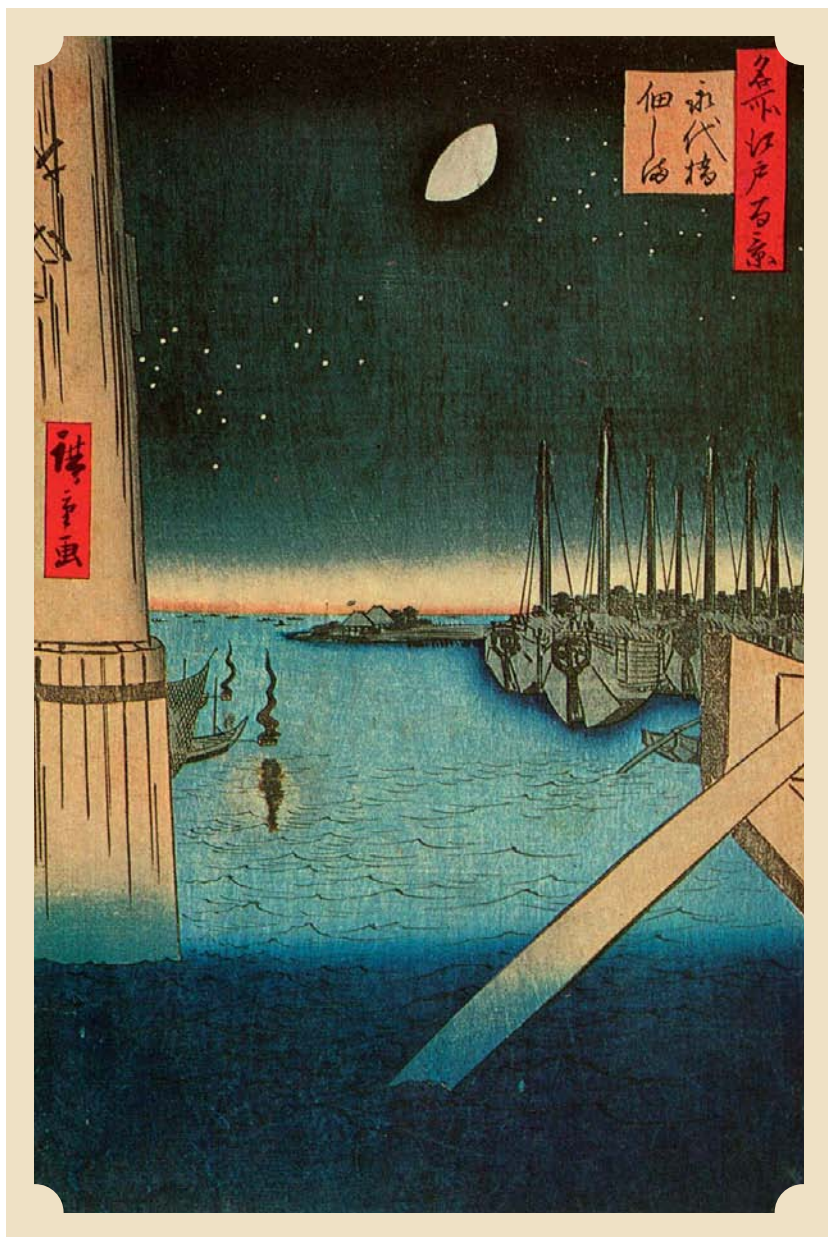
Огромный храм.
Летний ливень хлещет и хлещет —
не утихает...

Хэкигодо

Прохладная тишь —
сквозь прорезь в светильнике¹
виднеется море...

Сики

¹ Имеется в виду массивный каменный садовый светильник с прорезями в верхней части, куда устанавливается подобие свечи.

永代橋
佃一海

名取江戸石系

博
重
画

Tëpa

Сики

Кикаку

Сики

Тэйсицу

¹ Синтоистские святилища обычно размещаются в заповедных рощах.

名所江戸百景
浅草門
星尾の松
四脱舟

江戸
星尾

Прохладная тишь —
намело ко мне во двор
дубовых листьев...

Сики

Прохладная тишь —
только ропот волн, что покоят
память о Тайра...¹

Сики

Прохладный ветер
наполняет небесный свод
голосами сосен...

Оницура

Над висячим мостом
смешались прохладные струи
летнего дождя...

Сики

Под сенью скалы
так и бьет, так и клокочет
струя родника...

Сантока

¹ Хайку сложено на берегу залива Данноура, где в конце XII века состоялось последнее морское сражение между кланами Тайра и Минамото, которое закончилось полным разгромом армии Тайра.

清
水

Прохладная ночь —
только капли с бадьи стекают
в глубину колодца...

Сики

Беден, беден край,
нигде не сыскать бедней —
но зато прохладно!..

Исса

В прохладной тиши
положу под голову
бухгалтерскую книгу...

Исса

Прохладный ветер
долетает до меня,
весь перекручен...

Исса

Прохладный ветер —
а все чего-то не хватает
в хижине летом...

Исса

НА БАШНЕ МАЯКА

Свежий ветер подул —
как знамя, трепещет и бьется
шелковый подол...

Кусатао

涼
—
和

Ничего здесь нет —
только на душе покойно.
Прохладная тишь...

Исса

Прохладная тишь —
не преддверием ли рая
предстает она?..

Исса

Сладко спится днем,
ежели облокотиться
на счеты-соробан...¹

Исса

Короткая ночь —
на околице деревни
еще торгуют в лавке...

Бусон

Из крошечной мглы
этой краткой летней ночи —
течет река Оои...

Бусон

Короткая ночь —
волосики гусеницы
в капельках росы...

Бусон

¹ Соробан — японские ручные счеты.

НОЧЛЕГ НА ЛУГУ

Короткая ночь —
то и дело проносятся звезды
прямо над головой...

Кёси

Короткая ночь —
прямо возле изголовья
серебрится ширма...

Бусон

Короткая ночь —
моется ночной обходчик
в речной протоке...

Бусон

Короткая ночь —
только в дальней гавани
горят огоньки...

Сики

Жизнь моя —
сколько от нее осталось?
Короткая ночь...

Сики

О, как ночь коротка!
Сторожка близ росного поля —
ночлег мой в пути...

Кёси

Не гасят фонарь,
хоть уж пробило четыре, —
короткая ночь...

Сики

Короткая ночь —
в протоке на мелководье
ущербный месяц...

Бусон

Месяц в тучах сокрыт —
и уже не понять, откуда
шум ночного дождя...

Сюоси

Короткая ночь —
на песчаном пляже в Юи
чуть видны следы...

Бусон

Короткая ночь —
чья-то старая метелка
у кромки прибоя...

Бусон

НЕБО И СТИХИИ

Гряды облаков
растеклись и распростерлись
далеко над морем...

Сики

Барабаны бьют
в кумирне среди полей.
Гряда облаков...

Хокуси

Высохло болото,
пристанище больших змей.
Гряда облаков...

Сики

Голландский корабль
под белыми парусами¹ —
гряда облаков...

Сики

¹ Автор сравнивает гряду облаков с экзотическим для японского пейзажа европейским парусником.

Дождевые тучи
созывает в вышине
буря под свой стяг...

Сики

Как я промок
под дождем, что пролился недавно
из той вон тучи!..

Сантока

Поздняя ночь.
Деревушки спят в горных падах.
Плеск водопада...

Бусон

五月雨

355

Возгласы крестьян,
что вышли на полив полей¹.
Летняя луна...

Бусон

Мальчишка бежит
наперегонки с собакой.
Летняя луна...

Сёха

Городской базар.
Запахи со всех сторон
под летней луной...

Бонтё

АРБУЗ

Отведал арбуза —
из тех, что раскуплены все...
Луна над базаром...

Сики

Любуюсь луной.
Взгляну — облака набегают,
не смотрю — вновь уходят...

Тёра

¹ Заливные рисовые поля летом пополнялись водой из ирригационных каналов при помощи специальных устройств с колесами.

Какая луна!
Нынче ночью и птицы в гнездах
дверей не закрыли...

Тиё-ни

Бедные звезды!
Им места нет в небесах —
так сияет луна...

Дэйкин

Прохладная ночь.
Луна как будто бы дремлет
в пруду прозрачном...

Рюсуй

Летний дом в глуши.
Потихоньку поднялась
луна над горой...

Кидзё

Плачет, плачет малыш —
всё просит достать ему с неба
этот шарик луны...

Исса

Слышно, как под окном
тихо падают наземь каштаны.
Луна сквозь полог дождя...

Усэн

Что в деревне, что в поле
нынче не слышать голосов.
Утренняя луна...

Имодзэ-ни

Лунная ночь.
Учуяв сладкую дыню,
поводит носом лиса...

Сирао

Ясная луна.
У пруда всю ночь напролет
брожу, любуюсь...

Басё

В ночь новолуния
на пастушьей свирели играет
маленький мальчик...

Дакоцу

Полнолуние —
серебрятся в отблесках влажных
черепичные крыши...

Сёдзан

Все на свете затмит
своим серебристым сияньем
луна в эту ночь!..

Нангай

夏の月

Ясная луна —
на циновке в доме темнеет
тень высокой сосны...

Кикаку

Вот если к луне
приделать длинную ручку,
будет круглый веер...

Сокан

Водяные птицы
колышутся на волнах
рядом с луною...

Дзуйрю

夏の月

Света лунного в горсть
набрал и выплеснул снова —
умывальник ручной...

Рюхо

Летняя ночь.
От облачка к облачку в небе
перебегает луна.

Ранко

Ярко светит луна,
но тени берез незаметны —
роща в тумане...

Сюоси

Берег песчаный —
что там еще за костер?
Летняя луна...

Сики

Леска удочки —
трогает ее в воде
летняя луна...

Тиё-ни

Летняя луна.
Что за человек стоит
на том берегу?..

Тёра

Звездная ночь.
Какие высокие звезды!
Какие большие!

Сёхаку

Все сумрачной ночью.
В глубине заливного поля
Млечный Путь мерцает...

Идзэн

Красота какая!
Через дыры в бумажной стенке
светит Млечный Путь...

Исса

夏の夜

Духотой звучит
надтреснутый колокол.
Летняя луна...

Хокуси

Москитной сетки
избежав, все ж наткнулась на ширму
летняя луна...

Дзёсо

Под вечерней луной
поклониться отчим могилам
иду по холодку...

Исса

Летняя буря —
все бумаги со стола
разметало ветром...

Сики

Летние дожди —
барахтаются лягушки
у самой двери...

Сампу

Летние дожди.
Безымянный ручеек —
и тот так грозно вздулся...

Бусон

Летние дожди.
У берега большой реки
пара домиков...

Бусон

Летние дожди —
проплывают по течению
деревца бамбука...

Фура

Летние дожди.
Вокруг старой плетеной корзины
возятся мыши...

Ранко

五月雨

Воды озера
просятся из берегов —
летние дожди...

Кёрай

Летние дожди
унесла в своем теченье
река Могами...

Басё

Все сияние дня
не вмещает река Куробэ —
летние воды...

Сюоси

Уж и не разглядеть
дальней кромки моря в Фуруэ —
летние дожди...

Бусон

Летние дожди —
и не разглядеть в траве
узенькой тропки...

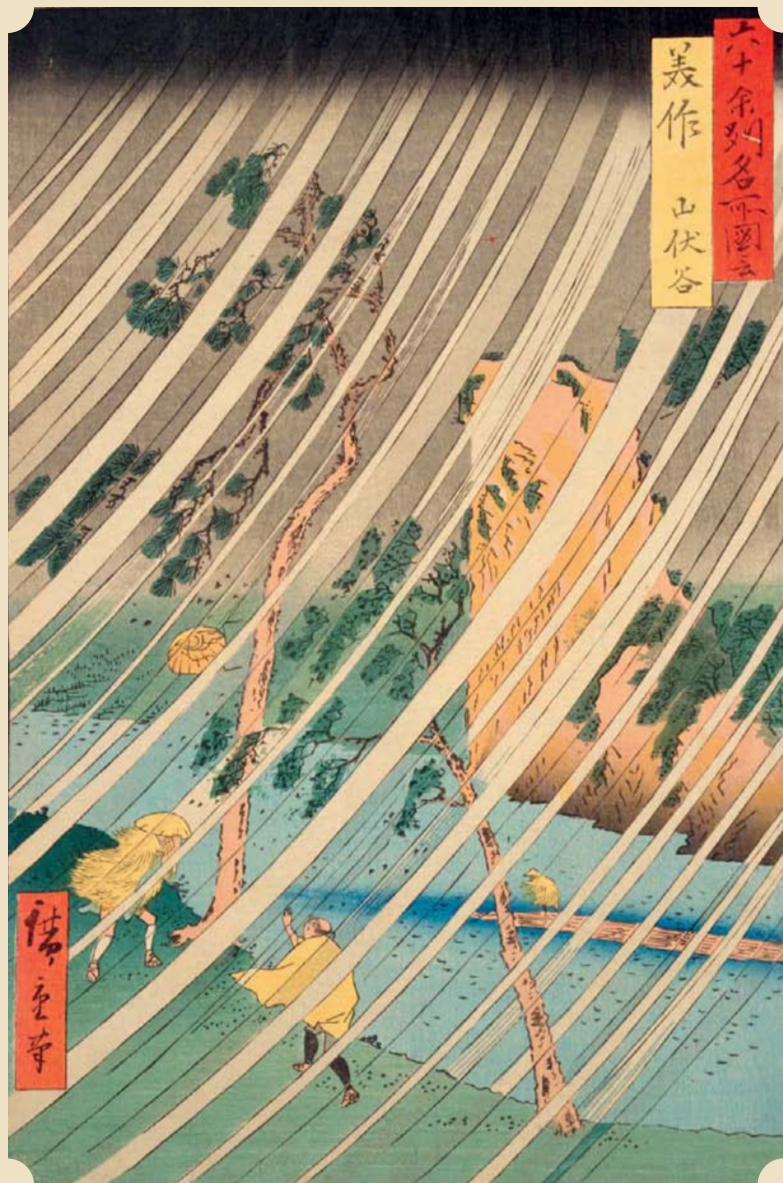
Бусон

Летние дожди —
ютится в густом бамбуке
моя деревня...

Исса

六十余列名所圖云

義作 山伏谷

晴原草

Летние дожди —
эй, умчи скорее тучи,
река Оои!..

Басё

Летние дожди.
Лишь одно не скрыто дымкой —
длинный мост в Сэта...

Басё

За крышей храма
просвет среди облаков —
летние дожди...

Фура

五月雨

Летние дожди.
Цветы на алтаре увяли —
пойду выброшу...

Бусон

Вот и пошел
теплый дождь, орошая сухие
заросли хмеля...

Сики

Река Оои
разлилась в сезон дождей —
иду через мост...

Бусон

Летние дожди —
весело трусит лошадка
по тракту Токайдо...

Рогэцу

Летние дожди —
слуху старца так привычно
журчанье в желобах...

Бусон

Летние дожди —
только раз сквозь кроны сосен
проглянула луна...

Рёта

五月雨

Летние дожди —
цвета студеного ветра
листва на сливе...

Саймаро

Летние дожди —
вот пакет, что мне прислали
не помню когда...

Сампу

И впрямь за солнцем
повернулись мальвы цветы?
Летние дожди...

Басё

Вот и срезал путь:
шлепаю по мелководью —
летние дожди...

Бусон

Шлепок по воде —
и, от дремы полдневной очнувшись,
пес встрепенулся...

Сики

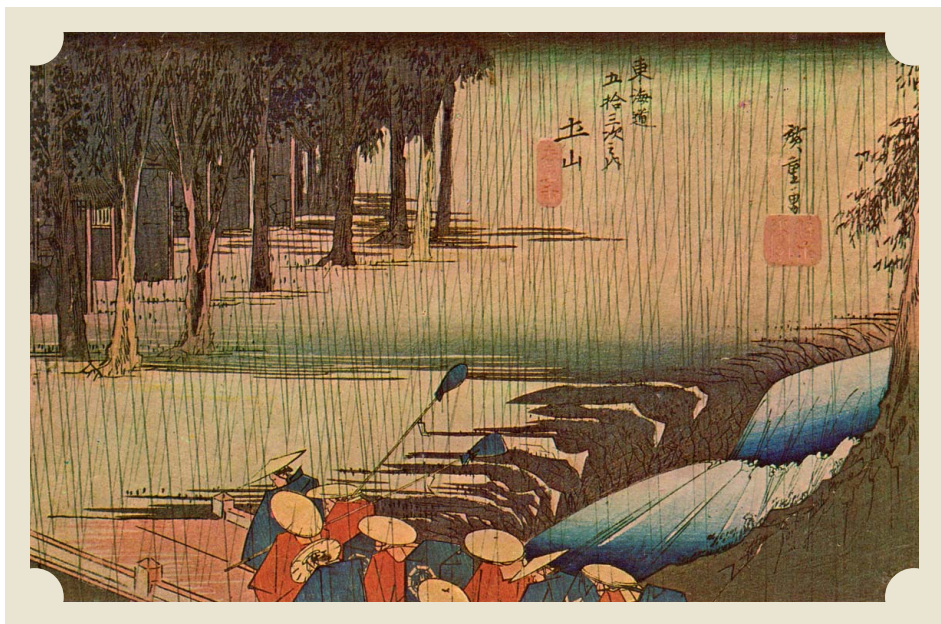
Миномуси¹ пищат —
как будто бы что-то пророчат
в летние дожди...

Исса

五月雨

¹ *Миномуси* — мошка-мешочница.

Бритва-то моя
за ночь ржавчиной покрылась —
летние дожди...

Бонтё

С фонарем в руке
прохожу по галерее —
летние дожди...

Бусон

В кувшине с водой
барахтается лягушка —
летние дожди...

Сики

五月雨

Летние дожди —
выползает речной крабик¹
из каменной купели...²

Сампу

В дождливый денек
уж так жалок и несчастен
этот инок Рёкан...

Рёкан

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Время летних дождей.
Цветы на лугах белеют,
в лесах белеют...

Сюоци

Может, и впрямь
не движется наш корабль? —
Море в сезон дождей...

Кёси

Летняя гроза —
в мордочку лягушке с неба
попало капли три...

Сики

¹ В Японии фактически не водятся раков — их заменяют мелкие пресноводные крабы.

² Каменные купели часто устанавливаются как декоративный элемент в японском саду.

Летняя гроза —
в соседних домах служанки
закрывают ставни...

Сики

Летняя гроза.
Карпа в заводи по макушке
стукнули капли...

Сики

Летняя гроза.
К траве испуганно жмутся
воробьи в деревне...

Бусон

Летние дожди —
будто ветер холодный окрасил
листочки сливы...

Саймаро

Летний дождь моросит.
Сквозь бамбук вдали различаю
крыши селенья...

Исса

Летняя гроза —
гомонят и суетятся
утки возле дома.

Кикаку

Летняя гроза —
я на голой лошади
еду гольшом...

Исса

Летняя гроза —
ох, досталось от нее
несчастной гвоздике!..

Сампу

Летняя гроза —
одинокое из окна
смотрит женщина...

Кикаку

Летняя гроза —
каждый голову прикрыл
чем только довелось...

Оцую

Только шум дождя —
но выдался вечерок
в летнюю грозу...

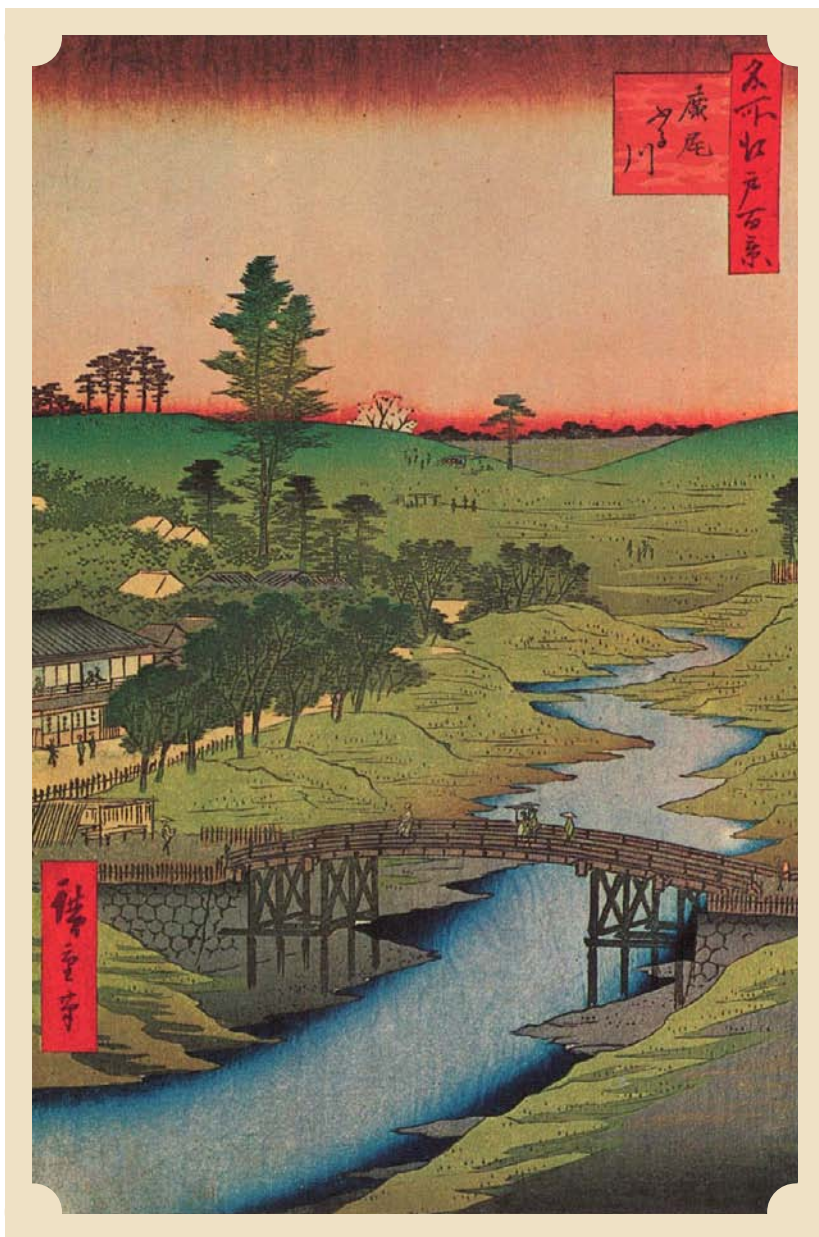
Исса

Высотой лишь в сун¹ —
но вечернюю прохладу
струит водопад...

Исса

¹ Один сун равен 3,03 см.

名所江戸百景
廣尾
少川

鎌倉寺

Иссяк водопад —
только капли падают,
стуча по листве...

Симпу

Вспышка молнии —
меж деревьями в лесу
блеснула вода...

Сики

Река Исикава —
вспышка молнии так ярко
мелькнула в воде...

Исса

Вспышка молнии.
Слышно, как с ветвей бамбука
капает роса...

Бусон

Вспышки молнии —
вчера были на востоке,
сегодня на западе...

Кикаку

Вспышка молнии
озаряет хижину
в тыквенных цветах...¹

Бусон

稲妻

¹ Имеется в виду тыква-горлянка на вьющихся лозах.

Вспышки молнии —
а я молюсь перед ликом Будды
посреди лугов...

Какэй

Блажен будет тот,
кто, молнию видя, не скажет:
«Так жизнь проходит!»

Басё

Летняя ночь.
Два маленьких домика смотрят
на цветущий луг...

Исса

НА ЛОЖЕ БОЛЕЗНИ

Четыре — ворона...
Пять — чирикают воробьи...
Светлеет летняя ночь...

Сики

ПОЛЯ И ГОРЫ

Лежу и гляжу
в холодке под деревом
на ветки вверху...

Кёроку

По летним горам
далеко разносится эхо —
дерево упало...

Мэйсэцу

Кто-то тащит сноп —
будет мне проводником
по летним лугам...

Басё

Навевает печаль
вид этой «столичной травы»
на пустоши Уда...

Кёси

Бабочка летит —
далеко унесло ее ветром
в летние луга...

Рогэцу

Пахнуло летом —
ветер гонит высокий прилив.
Бабочки вьются...

Хэкигодо

На летнем лугу
коня поверни к тому месту,
где поет кукушка...

Басё

Прошлепал по луже,
вытер ноги о траву —
летние луга...

Райдзан

А вокруг на лугу —
цветущее разнотравье...

Сантока

Повсюду цветы,
и еще далеко до дома —
тропа через луг...

Бусон

Нищета моя —
вот разве водички испить
да цветами полюбоваться...

Сантока

Есть чем закусить,
и что выпить тоже найдется...
Дождь над лугами...

Сантока

Заплечный короб
снял на поле — переждать
землетрясение...

Бусон

夏野

Камень случайный
в просторах летних полей —
для путника привал...

Сики

Через поле иду.
Опустив мотыги, крестьяне
на меня глазеют...

Сики

Все бреду, бреду —
вот добрел сюда и снова
в летние луга...

Бусон

Летнее поле —
за плечами у путника маска
лешего-тэнгу...¹

Сики

По летним лугам
я иду вперед — все ниже
гряда облаков...

Бусон

¹ Тэнгу — мифическое существо с длинным носом, дух — хранитель гор и лесов.

六十余列名所圖

伊賀

上野

伊賀上野

越平

В траве луговой
неведомый, безымянный
беленький цветок...

Сики

Вечерние тени
даже на травах речных
стали заметней...

Кёси

Посреди полей
привязана к деревцу
чья-то лошаденка...

Сики

Летом косят траву,
сгребают ее и бросают
прямо в озеро...

Фура

КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ

До чего ж неохотно
краснеет он наконец,
этот перец в поле!..

Сики

Крабик песчаный
карабкается по ноге —
как вода прозрачна!..

Басё

На канате в воде
рядочком крабы уселись —
принимают ванну...

Сики

Рокот прибоя —
волны выплеснули на песок
одинокую клешню краба...

Кусатао

Весь день я молчал.
Вышел к морю, взглянул — и увидел
волны прилива...

Сантока

Летнюю речку
так приятно вброд перейти —
сандалии в руке...

Бусон

Клубясь и тая,
плывут облака в глубине —
горная речка...

Оницура

Летняя речка —
кто-то лошадь привязал
к опоре моста...

Сики

Все иду, иду —
а цветы по берегу речки
все цветут, цветут...

Сантока

Подъехал верхом —
и невольно бросил вожжи
у чистой протоки...

Сики

Летняя река —
в лодке посреди потока
оглянулся назад...

Сики

В лодке перевозчика
любуюсь летним цветеньем
лилий водяных...

Бонтё

Прозрачный ручей —
в сторону относит стаю
мелкой рыбешки...

Кито

Камешки на дне
тоже будто бы струятся —
прозрачный ручей...

Сосэки

В родное село
пришел я вместе с журчаньем
горного ручья...

Сантока

И богатеи,
и медведи приходят сюда
испить из криницы...

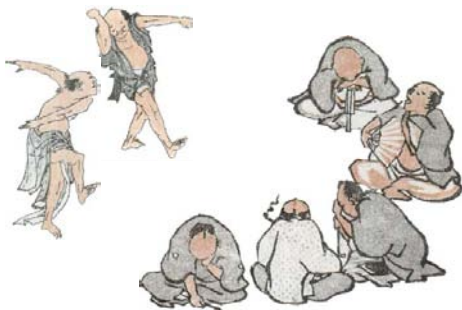
Сики

Вот и каменщик
охлаждает свой резец
в прозрачном ключе...

Бусон

Потеют волы
под парчовым покрывалом —
праздник в деревне...

Сики

БОГИ И БУДДЫ

НА ГОРЕ ИНАБА

И колокол в храме
сегодня тоже звонит —
звенят цикады...

Басё

ХРАМ СЮЭЙ-ДЗИ

В ворота войдешь —
витают над саговой пальмой
аромат орхидей...

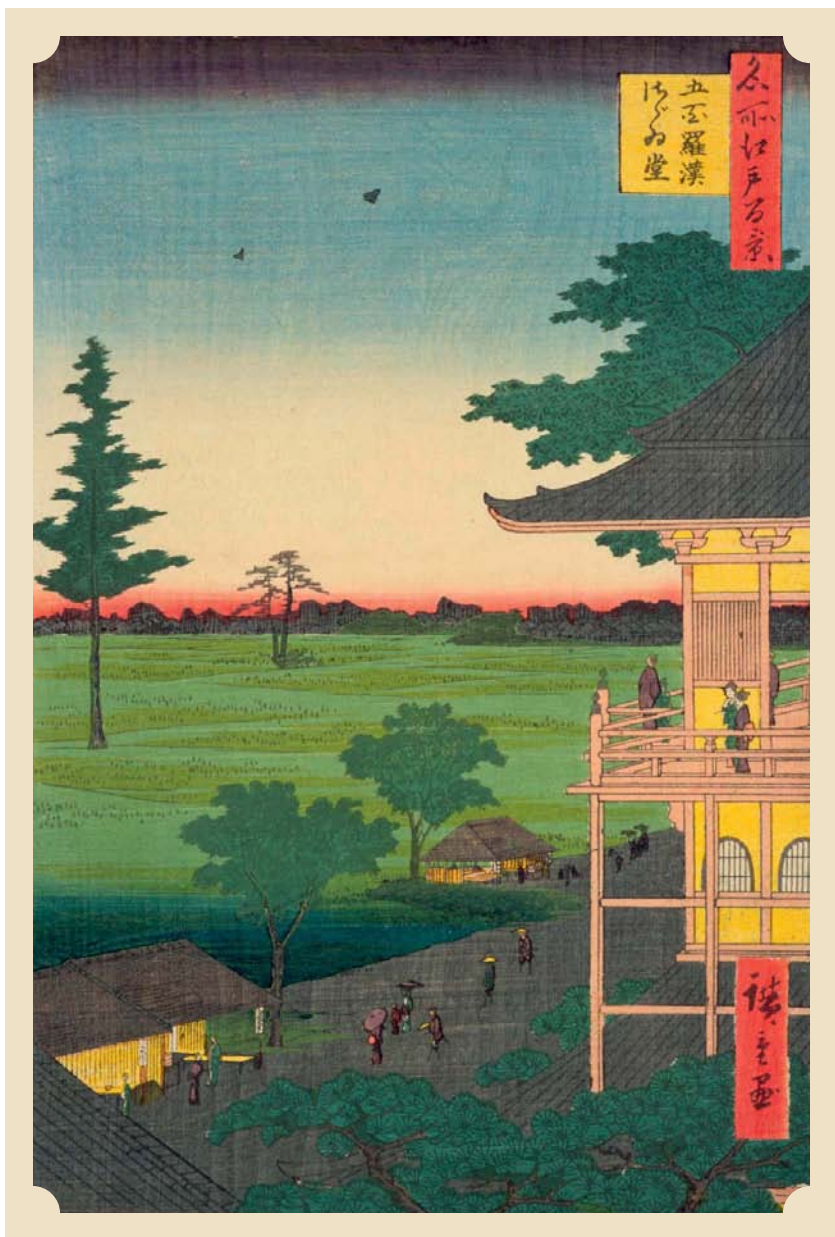
Басё

鐺
の
聲

Храм Миидэра¹.
Все ближе и ближе полдень.
Молодые клены...

Бусон

¹ *Миидэра* — знаменитый буддийский храм на берегу озера Бива близ Киото.

ЛЕТОМ В ГОРАХ

Летние горы.
Меж деревьев там и сям притаились
боги или будды...¹

Сики

Великий Будда —
в этом полом изваянье
царит прохлада...

Сики

В храме Хорю-дзи
даже запах орхидей
сегодня к месту...

Кёси

Шестая луна.
Море плещется вдали.
В храме лики будд...

Сики

Веет печалью
от старинных ступеней храма —
цветет шиповник...

Кёси

¹ Имеются в виду божества синтоистского и буддийского пантеонов.

У тропы через луг,
утопающей в разнотравье,
каменная Дзидзо...¹

Сики

Под сенью ветвей
во тьме притаилась Дзидзо —
людей пугает...

Сики

К статуе Будды
повернувшись спиной, ощущаю
лунную прохладу...

Сики

Колокольня при храме —
а колокола и нет!
Буйные травы...

Сики

Большой Будда —
у статуи на плече
уселась кукушка...

Рогэцу

¹ Дзидзо — бодхисатва, покровительница беременных и младенцев. Ее изваяния часто ставили в полях и на горных тропах.

Лилии в цвету.
Нагнувшись, женщина входит
в ворота храма...

Рогэцу

Каменная Дзидзо —
а за ней в просторах полей
цветет сурепка...

Рогэцу

Колокол бьет.
Долгий день в престольном Киото,
в храме Тион-ин...

Рогэцу

Над храмом Цуба
грозовые тучи клубятся —
призывный гул гонга...

Дакоцу

Ворота храма
среди зелени полей —
и сосны в рядок...¹

Сики

¹ Имеется в виду аллея сосен перед воротами храма.

ХРАМ ТАТИБАНА

Ласточки над холмом —
верно, те, что гнездятся под крышей.
Храм Татибана...

Сюоси

ХРАМ ТАТЭИСИ

Ушли облака,
но, как прежде, безмолвны цикады
в ожидании ливня...

Сюоси

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

День смены одежд¹ —
вот весну и проводили
прямиком в сундук...

Сайкаку

Спросишь, сколько ей, —
пять пальчиков поднимает.
День смены одежд...

Исса

День смены одежд —
будто горя и печали
вовсе нет на свете...

Бусон

День смены одежд —
вот сию, на себя глазею,
а рядом ни души...

Исса

¹ *День смены одежд* (с зимних и весенних на летние) — первое число четвертого лунного месяца, то есть первого месяца лета.

День смены одежд —
слышно, как в Этиго-я¹
с треском порют шелк...

Кикаку

День смены одежд —
ну чем я не первый парень
в квартале Ситая?!

Исса

День смены одежд —
ворона нынче вся в черном,
а цапля в белом...

Тёра

В горном селенье
разгоняет облака
строй бумажных карпов...²

Сики

Карпы на шестах
все ждут ветра посильнее.
Такой уж денек!..

Сики

¹ Этиго-я — большой магазин тканей в Эдо.

² Карпов на шестах вывешивают в праздник мальчиков (*танго-но сэкку*) пятого числа пятого лунного месяца (в наше время — 5 мая по солнечному календарю).

Карпы вдалеке
реют там, над кровлей дома,
близ монастыря...

Сики

Дневная дрема —
и рука перестает
махать веером...

Тайги

Кто-то с мансарды
веером подманивает
крытую ладью...

Сики

Как радует глаз
этот белый веерок
в руках любимой!..

Бусон

Пока мелет рис
эта горная речушка,
прилягу вздремнуть...

Исса

Вот и встретились —
чайные кусты по склонам
тоже все в цвету...

Сантока

Холодная вода,
пара высохших сэмбэев¹ —
вот и лето Тёра...

Тёра

Розы желтые.
Чайный лист на сушке в Удзи² —
плывет аромат...

Басё

Опадают цветы хурмы,
а цветы на чайных кустах
как раз раскрылись...

Сантока

Большой чайный куст
шалашом зеленым раскрылся —
и опадает...

Сантока

Похудел за лето —
только в этих косточках
и теплится жизнь...

Сики

¹ Сэмбэй — рисовый крекер.

² Удзи — местность неподалеку от Киото, которая славится высокосортным чаем.

Мольбы о дожде —
пусть летит к самому небу
барабанный бой!

Сики

Горы и сад —
все сегодня поместилось
в летней гостиной...

Басё

И вдруг предо мной
город в праздничной суматохе —
Восточные горы...

Кёси

Трава на лужайке —
до чего же дивный вид
из летней гостиной!..

Соин

Деревья, камни —
всё обычно, всё как есть
близ летней гостиной...

Торин

Чавкает красotka —
подкрепляется со вкусом
рисовой пампушкой...

Исса

На грядке моей
шпинат — четыре листочка...

Сантока

После тайфуна
поутру все те же на грядке
красные перцы...

Басё

Лепил-лепил суси —
сам не знаю, отчего
вдруг стало так грустно...

Бусон

«Опять те же суси! —
раздосадован хозяин. —
Надоели же!»

Бусон

Скосите ячмень —
а то из окна не видно
дальние горы!..

Бусон

Ни к утру, ни к вечеру
не относятся они —
цветочки дыни...

Басё

麦畑

Полдневный выюнок¹ —
ни рассветной росой, ни вечерней
он не напитан...

Яю

В утренней росе
так чумазы и прохладны
дыни на бахче!..

Басё

Дыни поутру —
лишь они не замечают
налетевшей бури...

Сого

Дыни в холодке
и не знают, что за ними
наблюдает вор...

Исса

Если кто придет,
обернитесь лягушками,
прохладные дыни...

Исса

¹ В японской поэзии появляются три типа выюнка, различающиеся по виду: утренний лик, полдневный лик и вечерний лик.

Зеленая сливка
захрустела на зубах —
будто ракушка...

Бусон

В Мацусиме¹ я —
ах, неужто Мацусима?!
О да, Мацусима!..

Басё

¹ *Мацусима* — одно из прославленных в поэзии живописных мест на северо-востоке острова Хонсю — разбросанные в бухте маленькие, поросшие соснами островки.

ПТИЦЫ И ЗВЕРИ

Кукушечка поет
на пустынном берегу —
пенные валы...

Гёдай

Кукушка поет,
прибой рокочет
на утренней заре...

Сирао

Вот так и вчера
на этом же месте я слушал
песню кукушки...

Кёрай

Дождик зарядил —
и, конечно же, долетает
песня кукушки...

Исса

雷公鳥

Восходит луна,
ветерок колышет травы.
Кукушка поет...

Сики

Откуда-то вдруг
среди сна звучит над рекою
голос кукушки...

Исса

Ну-ну, кукушка!
Не чести с таким презреньем
мою лачугу!..

Исса

В свете фонаря
смотрю на Большого Будду.
Голос кукушки...

Сики

Песнь кукушки.
Боги, демоны — вы все
слушайте ее!

Соин

Заботы свои
не спеши мне поверять —
не надо, кукушка!..

Исса

雨雀公鳥

Кукушка поет
там, в прибрежных ирисах
высотой пять сяку...

Басё

На висячий мост
забравшись, перелетает
голос кукушки...

Исса

Кукушка летит
наискось, по направлению
к древнему Хэйану...¹

Бусон

Кукушка поет.
Эх, придется поутру
купить новый зонтик...

Кикаку

Кукушка поет,
пролетая наискось
над водами реки...

Басё

Все жду, что кукушка
под луною сейчас запоем, —
родные края...

Кёси

¹ *Хэйан* — древнее название Киото.

Уж эта кукушка!
Распевая, порхает она,
вечно в заботах...

Басё

Восходит луна.
Над травой проносится ветер.
Поет кукушка...

Сики

Кукушка поет —
вы, мухи, букашки, жуки,
слушайте хорошенько!..

Исса

Уж не сама ли
кличет луна в небесах?
Поет кукушка...

Байсицу

Кукушка поет.
Завтра утром надо идти
через эти горы...

Сантока

Все ждала я, когда,
ну когда же услышу кукушку, —
да так и заснула...

Тиё-гзё

Свет фонаря
растворяется вдали.
Голос кукушки...

Сики

Горная обитель —
храп монахов в жаркий день,
голос кукушки...

Сики

Всплеснула рыба —
и снова недвижна вода.
Голос кукушки...

Гонсуй

Зонтик просушить
хотел было на ходу —
и тут кукушка!..

Исса

Ах, как хорошо
кукушка поет в ночи!
Луна меж сосен...

Исса

Ну как же долго
дождался я песен твоих,
моя кукушка!..

Исса

雨雀公鳥

В воздухе звучит
голос продавца кальмаров
вместе с песней кукушки...

Басё

Чихает себе,
не сдерживаясь, служанка.
Песня кукушки...

Бусон

В веселом доме
девушка стихи слагает.
Голос кукушки...

Бусон

Кукушка поет.
Озеро после разлива
слегка замутилось...

Дзёсо

Кукушка поет,
но сегодня, как назло,
никого здесь нет...

Сёхаку

Печали мои
не боясь разбередить,
пой, о кукушка!..

Басё

О кукушка!
Я дослушаю песню твою
в загробном мире...

Автор неизвестен

Переглянулись
два брата, заслышав ее, —
поет кукушка...

Кёрай

Отшельник — смертный.
Но ведь и кукушка тоже
всего лишь птица...¹

Бусон

Родилась кукушка
из развилки дерева,
из самой глубины...

Бусон

Если бы я знал,
чем она питается,
эта кукушка!..

Бусон

¹ Среди прочего кукушка считалась вестницей загробного мира.

Слышно, как скребут
по дну чугунного котла.
Кукушка поет....

Бусон

Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе —
кашель настоящего.
Поет кукушка...

Бусон

Ни родителей,
ни птенцов своих не знает.
Голос кукушки...

Бусон

Голосок хорош!
Не зря, задирая клюв,
поет кукушка...

Исса

Ну не отличить!
Будто плачущий младенец,
кличет кукушка...

Исса

Звонкая струя
бьющего из глубины ключа —
голосок кукушки...

Сики

雷公鳥

Печальная купель —
вода в горячем ключе
выплеснулась на камни...

Сантока

Тихая грусть —
в горячую воду купальни
медленно вхожу...

Сантока

Ветер утих.
Капелью пропитана роща.
Голос кукушки...

Кикаку

Видно, прежний жилец
оставил в хижине этой
голос кукушки...

Исса

Когда я умру,
спой по мне прощальную песню!
Прошу, кукушка...

Исса

Погоняют волов —
кулики вспорхнули от крика.
Близится вечер...

Сики

Днем на глади пруда
мирно спят водяные птицы.
Какая тишь!

Сики

Крыльями бьют, бьют
водяные птицы...

Сантока

Клич перепелки —
будто он и подгоняет
облака в небе...

Исса

Суки

Сики

Topu

Сики

Исса

翡翠

Хося

Полуденный час —
кричат над водой камышовки¹.
Река безмолвна...

Исса

Летучие мыши
в деревушке, где птиц не видеть,
слетелись к обеду...

Исса

Куруется дымок.
Что ж, и для летучей мыши
мир вполне хорош...

Исса

Летучие мыши —
вишь, повисли на руках
у грозных Нио...²

Исса

Летучая мышь
с темным шелестом пролетает
в глухой чащобе...

Сики

蝙蝠

¹ Ёсикири — камышовка дроздовидная. Издает пронзительный писк. (Не путать с камышовкой серохвостой, известной как восточноазиатский соловей).

² Нио (букв. «два царя») — массивные скульптуры двух (из четырех) властителей стран света в буддийской иконографии, которые часто устанавливались у входа в большой храм в качестве «стражей врат».

Тянет мордашку
из зарослей ирисов
жеребеночек...

Исса

Мамаша-лошадь
охраняет жеребенка,
придя на водопой...

Исса

Жирная кошка,
Растянувшись на веере, спит
сладко-пресладко...

Исса

Плетень не чиню —
пусть почаще в гости приходят
оленьята из леса!

Сора

Врассыпную от нас!
А ведь есть среди этих рыбешек
папы, мамы, детки...

Исса

Сердце мое
вместе с бакланом рыбачьим¹
ныряет в глубину...

Оницура

¹ В Китае и Японии с древности существовал особый вид рыбной ловли с прирученными бакланами.

利根川
舟

名所江戸百景

舟
之
本

С детенышем баклан,
да и с рыбаком на лодке
тоже его сын...

Исса

Отблески огней —
так и плещут речные волны
в глаза бакланам...

Тёра

Бакланам на макушки
летят искры с факелов —
что за грустный вид!..

Какэй

Утренняя заря —
спят в своей плетеной клетке
усталые бакланы...

Сики

Тот рыбак с бакланом
так на лов и не выходит —
видно, слишком стар...

Бусон

Утренняя заря —
на отмели выются рыбки,
что не дались бакланам...

Бусон

Играют в бакланов —
половчей самих бакланов
эта детвора!..

Исса

Какая радость!
Вот он, первый укус комариный
в нынешнем году...

Исса

То туда, то сюда
так и вьется веселый комарик,
старику на радость...

Исса

Комары решили,
что совсем оглох старик, —
жужжат над самым ухом!..

Исса

День прошел в делах —
вот и вечер настает.
Комариный рой...

Бусон

И сегодня здесь,
да и завтра будет здесь —
комариный рой...

Исса

Дружно слетелись
к спящему комары —
время обеда...

Исса

Сижу один.
Комары кусают...

Сантока

Рой комариный —
а ведь если б он тут не жужжал,
было б скучновато!

Исса

Мой ночлег в пути —
пук травы чадит нещадно:
гоню комаров...

Кёрай

Нынче, как и вчера,
вьются струйки дыма — спасаюсь
от туч комаров...

Бусон

Дымом курений
отгоняю комаров —
радость одиночества...

Исса

Струйки курений —
а вокруг назойливо
гудят комары...

Сирао

Вот и рассвет.
Белый парус вдали проплывает
за москитной сеткой.

Сики

Ладшки потер¹ —
и мне выделили угол
под москитной сеткой...

Исса

Никого вокруг —
лишь дитя спокойно спит
под москитной сеткой...

Сики

Проводив тебя,
загрустил и вот всплакнул
под москитной сеткой...

Сики

¹ Жест, означающий просьбу.

Женский монастырь —
кисея mosquito сетки
ночью под луной...

Бусон

Комарики днем —
прячет их Великий Будда
у себя за спиною...

Исса

В хижине моей
только то и хорошо,
что комары малы...

Басё

В хижине моей
только свистни — и немедля
слетятся комары...

Исса

Думает небось,
что стал совсем негод старик, —
комар над ухом...

Исса

Комариный писк —
каждый раз, как опадает
цветик жимолости...

Бусон

На взгляд комара,
перед ним отныне жалкий
стариковский мир...

Исса

Эй, бездельники!
Расскажите всему свету:
вернулись комары!..

Исса

После половодья
вывелись и комары —
одинокости грусть...

Сики

Комар в моей спальне
над светильником пожужжал —
да и спалился...

Исса

Этот рой комаров —
словно древним поэтом воспетый
«зыбкий мост сонных грез»...¹

Кикаку

Этот рой комаров —
объемистый, плотный, массивный,
как колонна дворца...

Сики

¹ Образ из классической поэзии *танка*.

Рой комариный —
рядом падают лепестки
с цветов ююбы...¹

Гёгай

Сквозь большую дыру
в надорванной сетке москитной
видна столица...

Исса

Соевый творог
белеет смутно в ночи.
Вьются комары...

Исса

Блошинный укус —
и тот, пожалуй, к лицу
юной красоте...

Исса

Тесно в доме моем —
ну да прыгайте на здоровье,
родные блошки!..

Исса

¹ *Ююба* (зизифус настоящий) — небольшое дерево с мелкими зеленовато-белыми цветами.

Бедная блошка
еле прыгает — и оттого
так ее жалко!..

Исса

Ведь и блохам моим
так грустно, так одиноко
этой долгой ночью...

Исса

Блохи в доме моем
и впрямь питаются скверно —
до того отощали!..

Исса

Добрая блошка!
Сейчас под десницей моей
ты станешь буддой!

Исса

Блоху прикусил —
и те же уста возносят
молитву Будде...¹

Исса

Блохи да вши.
Вот и лошадь струю пустила
у изголовья...

Басё

¹ Автор нарушил одну из главных заповедей буддизма — непричинение вреда живым существам.

Бедная вошь!
От граната в моей крови
ей стало дурно!..

Исса

В летних одеждах,
я знаю, остались еще
летние вошки...

Басё

Эй, не бейте муху!
Ручки у нее дрожат,
ножками сучит...

Исса

Муха на веранде —
как ни терла лапки, а все ж
пришлось прихлопнуть...

Исса

Один человек
и одна случайная муха
в большой гостиной...

Исса

Жить бы получше —
и тебя позвал бы, мушка:
«Отведай риса!»

Исса

Зернышко риса,
что случайно пристало к щеке,
я отдал мухе...

Рансэцу

Странник печален —
проникайтесь печалью и вы,
все мухи Кисо!..¹

Басё

Все бью мух да бью, —
право, до того охота
перебить их всех!..

Сэйби

Мерзкие мухи!
Хотел было всех прибить —
да разлетелись...

Сики

Хочет в глаз куснуть...
Но ведь я еще живой!
Так и вьется муха...

Сики

Урожайный год
обещает нам рой мушиный —
у ворот жужжит...

Исса

¹ *Кисо* — почтовый тракт в Центральной Японии.

Прихлопнул муху —
и при этом повредил
цветочек в траве...

Исса

Прихлопнул муху —
и на время все притихло
в моей каморке...

Сики

Что-то клонит в сон —
бей, пожалуйста, потише
роящихся мух!..

Сики

Первый светлячок
упорхнул, в руке оставив
только дуновенье...

Исса

Ну вот, упорхнул —
теперь можно отдышаться,
первый светлячок?..

Исса

С травинки упал,
взлетел и умчался куда-то —
прощай, светлячок!..

Басё

От погони ушел —
и на луне притаился
лесной светлячок...

Рёта

Светляк пролетел.
Хотел сказать: «Поглядите!» —
но никого вокруг...

Тайги

На руке у меня
прохладный, зеленоватый
огонек светляка...

Сики

Вот огни светляков,
застигнутых ливнем вечерним,
растворились во мгле...

Кёси

Зажегся легко —
и так же легко угаснет
ночной светлячок...

Тинэ-дзё

Днем на них поглядел
и вижу — красные шейки
у моих светлячков...

Басё

Глупышки-светлячки!
Боятся отраженья
своих огней в пруду...

Сутэ-гзё

Сорвался с травинки
и в испуге прочь улетел
светлячок зеленый...

Басё

Осторожно — камень!
Голову не ушиби,
крошка-светлячок!

Исса

Спит человек,
а светлячок все летает
под mosquito сеткой...

Сики

Так и кажется мне,
будто ночью сова окликает:
«Светляк, эй, светляк!»

Исса

Гонятся за ним —
а он светит ребятишкам,
бедный светлячок...

Оэмару

Один светлячок
все же залетел в мой сад —
роса повсюду...

Кирэй

Колокол в храме.
Блестящая точка на нем —
это светлячок...

Сики

Гора Ханэкуро.
Одинокый огонь светляка
во мраке ночи...

Сики

Светлячок пролетел —
это значит, где-нибудь рядом
непременно должна быть вода...

Кёси

Ночью там и сям
травы светятся зеленым —
рой светляков...

Хогзё

По ладошке ползет,
только лапки часто мелькают —
ночной светлячок...

Банко

Когда рассвело,
лишь траву удалось увидеть
в плетенке светлячка...¹

Онтё

Когда рассвело,
оказался светлячок
простой букашкой...

Аон

Чуть-чуть померцал —
и вновь в темноте растворился
зеленый светлячок...

Тинэ-гзё

На руке у меня
холодным блеском мерцает
этот светлячок...

Сики

Какая печаль!
Принесли малышу больному
светляка в плетенке...

Рёта

¹ В Японии для переноса насекомых по традиции использовали закрытые плетеные корзиночки. Светлячков часто ловили и помещали в корзиночку, чтобы любоваться огоньками вечером.

Сквозь пальцы в горсти
едва заметно мерцает
пойманный светляк...

Тайги

Одна лишь река
течет темна, непрозрачна —
всюду светлячки...

Тиё-ни

Ивовые ростки —
светляки беспокойно роятся
в летнюю ночь...

Исса

Брошенное дитя —
плачет, плачет, а все же при этом
ловит светлячков...

Рюсуй

Одиночества грусть —
промелькнул перед носом и скрылся
огонек светлячка...

Хокуси

Ветерок с утра
взъерошил волосики
большой гусеницы...

Бусон

Дождик вечерний —
муравьи цепочкой сбегают
по стволу бамбука...

Дзёсо

Как же быть муравьям?
Летним ливнем размыт, разрушен
их муравейник...

Гёгай

Муравьишки цепочкой
спускаются вниз по скале —
с облака, наверно?..

Исса

По склону взбираюсь,
муравьиные стежки топчу —
тропинка в горах...

Кёси

Ливень зарядил,
да так, что напрочь смывает
бедных муравьев...

Кусон

Вот и муравей
целый день по горам шагает...

Сантока

Летучие муравьи
так и вьются вокруг лачуги
у подножья Фудзи...

Кикаку

Топнул теленок —
и, раздавленная, лежит
зеленая лягушка...

Сики

Зеленые лягушки
поют, пока дождь поливает
молодую листву...

Рогэцу

Вокруг дома
и вокруг меня —
лягушки, лягушки...

Сантока

Зеленая лягушка
на банановом листе
качается тихонько...

Кикаку

Скоблят сковороду —
а рядом квакает в такт
древесная лягушка...

Рёкан

蛙
我

Тишина вокруг.
Валуны пронизаны
трелями цикад...

Басё

Как много вокруг
незнакомых огромных деревьев!
Цикад голоса...

Сики

Цикады на соснах!
Сколько вам еще причитать
до утренней зорьки?

Исса

Так уж заведено —
кто лучше поет, кто хуже
даже среди цикад...

Исса

Птицы здесь редки
и до воды далеко.
Голос цикады...

Бусон

Старый дом опустел,
но, как прежде, поет на закате
цикада подле ворот...

Сики

По трелям цикад
я узнал, что ночь наступила.
Как сияет луна!

Эцудзин

Ярко светит луна.
В тени ветвей притаившись,
поют цикады.

Бусон

Цикады поют —
мой домишко ничем не лучше
простого валуна...

Исса

Цикады поют.
Ярко-ярко-красная
вертушка на ветру...

Исса

Сохнет одежда —
на ней цикада поет.
Итинотани...

Сики

Гроза пронеслась —
на дереве отблеск заката.
Голос цикады...

Сики

蝉の聲

Будто бы увяз
на сосне в капле смолы —
голосок цикады...

Гидзёэн

Как много вокруг
незнакомых огромных деревьев!
Цикад голоса...

Сики

Верещанье цикад.
Со мною чай распивает
тень моя на стене...

Фура

Заброшенный дом —
у ворот распевает цикада
в закатных лучах...

Бусон

Старый дом опустел,
но, как прежде, поют на закате
цикады у ворот...

Сики

Повесил фонарь
на дерево подле дома.
Ночные цикады...

Сики

Маленький храм
за спиной Большого Будды.
Верещат цикады...

Бусон

Большие деревья,
чьи названия неведомы мне.
Поют цикады...

Сики

Не зная о том,
что скоро исчезнут из мира,
поют цикады...

Басё

Солнце в пору дождей.
«Сегодня пела цикада», —
в дневнике отмечаю...

Сики

В руладах своих
всю себя до конца исчерпала —
скорлупка цикады...

Басё

Оплакивает
свою мертвую плоть и скорлупку? —
Поет цикада...

Яю

Цикады на соснах,
сколько же осталось вам петь? —
Близится полдень...

Исса

Всех окрестных цикад
вместило дерево это
посреди равнины...

Сики

Цикады в жару —
донимают так, что собрался
всю сосну срубить...¹

Яю

ХРАМ ТАТЭИСИ

Ушли облака,
но, как прежде, безмолвны цикады
в ожидании ливня...

Сюоси

Так и быть, пускай
одна поет на здоровье —
осенняя цикада!..

Яю

¹ Хор цикад-хигураси (букв. «проживающие день», а в другом омонимическом прочтении — «затемняющие солнце») — популярный романтический образ в традиционной поэтике. Однако в действительности эти цикады производят неприятные для слуха пронзительные каденции.

Цикада поет —
будто всхлипывает под ветром
красная вертушка...¹

Исса

Кончилась гроза.
С дерева в лучах заката —
голос цикады...

Сики

Ну что же, цикады,
поете вы или нет —
спускается сумрак...

Сутэ-гзё

Под всхлипы цикад
размышляю о том, как празднично
провел этот день...

Рикэй

Цикада упала,
бьет крылышками на песке —
зной еще сильнее...

Хэкигодо

Ну пожалуйста, жаба,
дай же мне посадить здесь бамбук —
отодвинься малость!

Тёра

¹ Детская игрушка в виде крутящегося бумажного цветка на палочке.

Ваша милость жаба,
детки ваши плачут,
муженек заждался!..

Исса

Кто пожаловал к нам!
Да ведь это сама
Ее милость Лесная Жаба!..

Исса

Прямо на луну
выплюнула хайку жаба —
и опало брюшко!..

Бусон

Напыжилась так,
будто облако выплюнуть хочет,
большая жаба...

Исса

Едва стемнело —
а уж жаба, похоже, готова
выплюнуть луну...

Исса

У старой стены
в уголке сидит паучиха —
видно, на сносях...

Сики

Паучьи детки
разбрелись по белу свету,
завели хозяйство...

Исса

От надгробья к надгробью
в полумраке тянет паук
свою паутинку...

Сантока

Рассветной заре
ты тоже, должно быть, рада —
ведь так, улитка?

Исса

Заброшенный дом —
на дверце вместо задвижки
слизняк-живородка...

Бонтё

Далеко собралась?!
Ползет куда-то улитка
под таким дождем!..

Исса

О чем думает?
Улитка — один рог длинней,
другой короче...

Бусон

Ведь мне и раньше
раздавить ненароком улитку
не раз случалось...

Оницура

С вечерним дождем
улиток на аспидистре¹
стало куда больше!..

Сёха

Удар топора —
но по-прежнему безмятежна
на стволе улитка...

Байсицу

Под вечерней луной
ишь разнежилась улитка —
голая по пояс!..

Исса

Да когда ж ты успела
к ногам моим подползти?
Ответь, улитка!..

Исса

¹ *Аспидистра* — распространенное в Южном Китае и Японии растение с глянцевыми темно-зелеными листьями.

И куда это
нынче выползла улитка
под таким дождем?!

Исса

На дверце плетеной
повисла вместо замка
садовая улитка...

Исса

Для тебя сегодня
зажигается заря —
здорово, улитка?!

Исса

Что за улитка!
И взглянуть-то не захотела
на красный цветок...

Исса

Погляди, улитка,
погляди, как тень твоя
ползет за тобою!

Исса

Родные края —
встречает меня улитка
с личиком Будды...

Исса

Улитка ползет —
ну что ж, вот вам и закуска
к чарочке sake...

Кикаку

Эй, ползи, ползи!
Веселей ползи, улитка,
на вершину Фудзи!

Исса

И когда ж она
подползла к моим ногам,
эта улитка?..

Исса

Тятя-тятя! —
мешочница-мошка пищит,
а что же улитка?..

Бусон

Время тушить свет —
ведь не даром прилетела
бабочка-медведица...¹

Исса

¹ *Бабочка-медведица* (хиторимуси) — по-японски звучит как «мошка туши-свет».

Забавляешься?
Интересно тебе тут,
бабочка-медведица?..

Исса

Вот и молодец!
Хорошо, что прилетела,
бабочка-медведица!..

Исса

Летела ко мне,
да пару раз промахнулась
бабочка-медведица...

Исса

Темный мой приют
навестила вдруг под вечер
бабочка-медведица...

Исса

В хижине моей
мошки дружно помогают
тушить светильник...

Исса

Летнее марево —
лишь белеют, пролетая,
неведомая мошки...

Бусон

Летние мошки,
умирая, падают
ко мне на книгу...

Сики

Летние мошки
так и тычутся в лицо
ночного чтеца...

Сёха

Резвится форель,
проплывают облака
в глубине реки...

Оницура

Стайка форели
промелькнула в глубине,
цвет воде придав....

Сики

Принесли форель
и ушли, не заходя.
Калитка во мгле...

Бусон

В предвечерней мгле
белые брюшки форели
на быстрине мелькают...

Оницура

Перестал скользить —
лапки и разъехались.
Жучок-водомер...

Тайги

Жучки-водомеры
все головки повернули
вверх по течению...

Сики

ДЕРЕВЬЯ И ЦВЕТЫ

Паутинка — и та
в тени меж листьев нагрелась —
летняя роща...

Бусон

Приглянулся мне
больше всех зеленый дуб
в рощице летней...

Басё

Даже дятел — и тот
покоя не потревожит
в рощице летней...

Басё

Стоят молятся, —
вишь, ладошки сложены
в летней рощице...

Исса

Заслышав голос,
вниз спешит древесная пиявка
в рощице летней...

Исса

Ягода? Цветок?
Что-то всколыхнуло воду
в рощице летней...

Бусон

Где-то в листве
что-то прошелестело —
летняя роща...

Бусон

Не шелохнется
ни единый лист в летней роще —
немного страшно...

Бусон

Десять пальцев в ряд —
вот на что похожи сосны.
Хвоя зелена!..

Рёто

Там, вдалеке,
три-четыре деревца в поле —
летняя роща...

Сики

夏の
森

Летняя роща —
уж и след простыл прохожих,
что в нее вошли...

Сики

Не Будда отнюдь —
просто под солнышком дремлет
старая сосна...

Исса

Деревенский погост —
стали ниже могильные камни:
разрослась трава...

Сики

Так ярок, так чист
репей порою рассветной
после дождика...

Сантока

У подножья горы
в ряд застыли на солнцепеке
несколько могил...

Сантока

Позолота поблекла —
всплывает в листве молодой
прошлое храма...

Тёра

Вдруг мелькнул среди трав
цветок шафрана...

Сантока

Светильник в доме —
колышется в отблесках света
молодая листва...

Бусон

В Золотой гостиной
собравшиеся молчат.
Листва молодая...

Бусон

Гора Асама —
просвечивает сквозь дым
листва молодая...

Бусон

Плыли всю ночь —
на заре парусов коснулась
молодая листва...

Бусон

Зонтик закрыл —
и полно на полу в прихожей
молодой листвы...

Сики

夏の森

Молодая листва —
вода сквозь нее белеет,
ячмень желтеет...

Бусон

Желтый куст диких роз,
белой дейции ветви, а рядом —
алый шиповник...

Бусон

Кончилась тропа,
но вокруг благоухает
шиповник в цвету...

Бусон

Веет печалью
от старинных ступеней храма —
вокруг шиповник в цвету...

Кёси

С горной тропки гляжу:
мельтешат людишки в долине.
Листва молодая...

Бусон

Кончается дождь —
и на склонах гор зеленеет
молодая листва...

Бусон

У тропки вижу
землянику — и мимо спешу:
вечер уж близок.

Сики

В отсветах окна
на ветвях деревьев переливы
молодой листвы...

Бусон

Ах, как хороша!
Под лучами солнца играет
молодая листва...

Басё

Ирис у пруда —
к листочкам приклеился
помет коршуна...

Бусон

В Кацураги
потрепало летним ливнем
купу ирисов...

Сэйсэй

Грущу о былом —
в обрамленье ирисов алых
журчащий ручей...

Кёси

Дождливый денек.
Но вот гость вошел в ворота —
ирисы в руке...

Синтоку

На хилой травинке
наконец-то распустился
невзрачный цветок...

Исса

Не знаю, как звать,
но все цветки полевые
так милы и жалки...

Сампу

Цветочек в траве.
Узнал его название —
еще раз взглянул...

Тэйгэи

Ямабуки цветок —
наступив на него, испугался
и вспорхнул воробьишка...

Сики

Цветы дейции —
сквозь них проступают в тени
развалины лачуги...

Тёра

В предвечерней мгле
постучу в ворота под сенью
цветов дейции...

Кёрай

Дейции цветы —
украшение на шляпе.
Иду через заставу...

Сора

Дейции цветы —
а над ними темным покровом
нависает ива...

Басё

Дейции цветы
белым-белы над плетнем —
ни к чему и фонарь...

Хоро

Орхидея в ночи
сокрыта своим ароматом —
белые цветы...

Бусон

Колокольчики
звонят-звонят на ветру.
Колышется крапива...

Сёсэй

Каменщик сидит —
только что поранил палец.
Куст азалии...

Бусон

Распустился пион —
и кажется, будто исчезли
все цветы вокруг...

Киити

Пионы цветут —
их даже тучи обходят
за тысячу ри...

Бусон

Да, хорош пион!
Высоту пришлось измерить,
прикладывая веер...

Исса

Прогрохотала
телега, полная глины, —
дрогнули пионы...

Бусон

В цветке пиона
так четки тычинки и пестик
на солнцепеке...

Тайги

牡丹

Мой палисадник —
здесь впервые сегодня расцвел
цветок пиона...

Сики

Тишина и покой
перед тем, как явятся гости.
Цветы пиона...

Бусон

Сад окутан мглой.
В ночной тишине белеют
цветы пиона...

Сирао

В темном алькове
смутно белеет пион.
Поет кукушка...

Сики

Потускнели цветы —
лишь белый пион во мраке
обнимает луну...

Гёгай

В отблеске свечи
застыли и не шелохнутся
цветы пиона...

Кёроку

Нынче срезал пион —
и себе настроенье испортил
на целый вечер...

Бусон

Вот так, наверно,
яблоко съем — и умру
перед пионом...

Сики

К пламени свечи
так доверчиво он склонился,
пион в горшочке...

Кёроку

Вот срезал пион —
и больше ничего как будто
в саду не осталось...

Кёси

«Вот такой большущий
на кусте у нас пион!» —
девочка руки разводит...

Исса

Купа пионов
на клочке просторного сада —
и немножко неба...

Бусон

Вспоминаю с тоской,
как отец на меня сердился
за сломанный пион...

Тайро

Ветер вечерний.
На камень печально поник
сломанный пион...

Сики

Вот уж истинно!
Выглядит счастливчиком
цветущий пион...

Исса

Заглядевшись на солнце,
незаметно забрел я в сад —
а там пионы в цвету!

Кёси

Куст пиона в цвету —
золотистая бабочка рядом
с серебристой кошкой...

Бусон

Горный муравей
так отчетливо проявился
на белом пионе...

Бусон

Нарисован пион —
тушь и кисти так и остались
лежать на блюде...

Сики

Золотистая ширма —
посредине ярко сияет
цветок пиона...

Бусон

Белый пион —
как-то вечером в лунном сиянье
лепестки опали...

Сики

Хоть и зовется
цветок этот «белый пион» —
в нем алые прожилки...

Кёси

Облетел пион —
лепестки друг на друге лежат
около стебля...

Бусон

Опали пионы —
и мы расстались с тобой
без сожалений...

Хокуси

Только два лепестка
опало — и как изменилась
форма пиона!..

Сики

Под сенью скалы
цветет она так неприметно,
белая лилия...

Рогэцу

Уползла змея.
В тишине замерли горы.
Лилии цветок...

Сики

Укрылся в роще
одинокой лилии цвет —
я видел его во сне...

Рогэцу

Над самой кровлей
невысокого амбара
павловнии цветы...

Сики

Павловнии цветы
над оградой ветхой усадьбы
в старой столице...

Сики

В Никко¹
старый постоялый двор —
павловнии цветы...

Сики

Руины замка.
Цветущая павловния
на ячменном поле...

Сики

Хижину эту,
что стоит на тропе луговой,
назову я «Обитель роз»...

Кёси

Рисую розы —
цветы рисовать легко,
а листья трудно...

Сики

Благоухают
розы в саду у меня —
заснуть не в силах...

Сики

¹ Никко — живописный храмовый городок, горная резиденция сёгунов Токугава, где находятся также их усыпальницы.

После болезни
на розы так долго смотрел —
глаза устали...

Сики

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Кресло подвину,
чтоб колени касались ее —
цветущей розы!..

Сики

Устали глаза
любоваться цветением розы —
больной, я выбрался в сад...

Сики

На вечернем ветру
все дружно пришли в движение —
белые розы...

Сики

Чуть открыл глаза —
и жадный мой взор приковали
зеленые поля...

Исса

Вечерний выюнок.
Киотоский говорок
встречной женщины...

Сики

Вечерний выюнок —
когда распустится, будет
желтого цвета...

Бусон

Встрепенулся ночью —
с тихим шорохом наземь упал
цветок выюнка...

Сики

Ползет хозяин
из сумрачной глубины
вечернего выюнка...

Тёра

Дождик миновал —
просыхают капельки
на цветке выюнка...

Сики

Жимолость в саду:
только опадет цветок —
пропищит комар...

Бусон

Прокричала птица —
и снова тихо в горах.
Летний папоротник...

Сики

В чашечку вьюнка
запросто сморкается
юная девица...

Исса

Хороший вечер:
пока ноги мыл перед сном,
вымолвил два слова...

Кайто

На вечерней заре
слышу колокол, бьющий в храме.
Полевые цветы...

Исса

Летние травы —
вот всё, что осталось от грез
воинов павших...

Басё

Зелень летней травы
исчезла под слоем щебня —
дорога в поле...

Сики

Травы цветут
как ни в чем не бывало...

Сантока

野
花

На зеленой траве
с боку на бок перевернулся —
а там ведь небо...

Сантока

Могила вора —
ведь и здесь так буйно растут
летние травы...

Оницура

Летние травы.
Виднеются, чуть различимы,
игроки в бейсбол...

Сики

Что бы придумать?! —
Ведь так они шелестят,
летние травы...

Сантока

Ряса моя
в дороге вся прохудилась...
Метелки травы...

Сантока

Подол рясы моей
отдаю ветерку — пусть треплет...

Сантока

Там, вдалеке,
подросших саженцев листья
шелестят на ветвях...

Кёси

В застывшем бульоне
отраженье бамбуковой рощи —
вид сквозь заднюю дверь...

Райдзан

Гриб-боровик¹ —
неизвестного дерева лист
налип на шляпку...

Басё

Незабудки цветут.
Да как же его забудешь? —
Помнится бывшее...

Сёкю-ни

Ушли рыбаки.
Пустынный песчаный берег.
Красные маки...

Кёрай

¹ Японский боровик (*мацутаке* — «сосновый гриб») считается самым лучшим грибом, хотя и не имеет трубчатой губки под шляпкой.

Сцепились — и вот
рухнули на поле маков
два воробушка...

Сирао

Цветок мака в руке —
вот так и прошел на гулянье
сквозь густую толпу...

Исса

Сердце мое
порой беззаботно алеет,
словно маковый цвет...

Кёси

Венец красоты,
великого блага вершина —
мака цветок...

Исса

Маки расцвели —
и тотчас же облетели
под порывом ветра...

Сики

Из-под сени ветвей
выхожу на солнце — белеют
маковые головки...

Кёси

И опали они
так спокойно, так безмятежно —
мака цветы...

Эцудзин

Палящий зной —
прикрыл хризантемы в бутонах
хозяин сада...

Сики

Бродячий театр
зеркала свои расставил
в ячменном поле...

Бусон

У подножья Асама
в уезде Северный Саку
зреет ячмень на полях...

Кёси

Преотличный серп
прихватил с собой старик —
покос ячменя...

Бусон

Прибиты дождем,
колоски ячменя склонились
над узкой тропкой...

Дзёсо

Осень близится.
Всё — и море, и поля —
сплошная зелень...

Басё

Впереди, позади —
повсюду видно лишь море.
Лягу спать в траве...

Сантока

Передо мною
огромный раскинулся порт,
зеленью окаймлен...

Кёси

Падают листья —
а в роще поет соловей
так же беспечно...

Исса

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Долин. Поэзия жизни</i>	5
Сведения о составителе и переводчике	59

ВЕСНА

Новый год	63
Приметы весны	78
Небо и стихии	110
Поля и горы	156
Боги и будды	176
Дела человеческие	182
Птицы и звери	200
Деревья и цветы	259

ЛЕТО

Приметы лета	323
Небо и стихии	354
Поля и горы	381
Боги и будды	394
Дела человеческие	402
Птицы и звери	413
Деревья и цветы	473

МИР В КАПЛЕ РОСЫ

ВЕСНА. ЛЕТО

ХАЙКУ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Светлана Федорова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.05.2024. Формат издания 72 × 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38,4. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука- Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BHK-33997-01-R